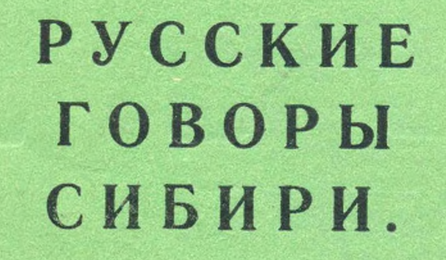

РУССКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ.

Лексикография

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.В.КУЙБЫШЕВА

РУССКИЕ ГОВОРЫ СИБИРИ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Под редакцией д-ра филол. наук Г.А.Ракова

Издательство Томского университета
Томск - 1993

Русские говоры Сибири: Лексикография/Отв.ред. Г.А.Раков.- Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.- 170 с. 500 экз. 4602030000.

Сборник посвящен исследованию различных аспектов лексикографического описания народных говоров: в нем раскрываются история, современное состояние и перспективы развития диалектного словообразования, уделено внимание типологии региональных словарей, исследуются принципы лексикографической интерпретации различных лексико-семантических явлений.

Рецензент - канд.филол.наук Р.Е.Мохова

Р $\frac{4602030000}{177(012)-93}$ 84-92

С течением времени не становится менее актуальной научная проблематика, связанная с лексикографическим описанием народных говоров, с попытками словарной систематизации тех или иных языковых явлений, хотя в последнее время её акценты и претерпели изменения.

Это касается, с одной стороны, интенсификации работ над словарями недифференциального (полного) типа, словники которых заключают в себе базисные списки элементов, формирующих лексико-семантические системы соответствующих говоров (труды диалектологов Пермского и Томского университетов прежде всего), с другой стороны – создания на основе материала народных говоров ряда монопараметровых по преимуществу словарей, интерпретирующих в лексикографической форме те или иные аспекты лексико-семантических и иных подсистем говоров.

Обе эти тенденции были представлены на У региональной научной конференции вузов Западной Сибири, прошедшей в Томске (статьи, написанные по материалам докладов, и составили основу настоящего сборника): в работах В.Г.Наумова, Г.А.Ракова, О.А.Сивко, М.Н.Янцевецкой и др. содержатся сведения о новых типах созданных или разрабатываемых словарей(системных, словообразовательных, метеорологических, лингво-этнографических и т.д.); статьи Т.С.Коготковой, Л.П.Груниной, Е.В.Иванцовой, Е.Е.Королевой, А.Н.Ростовой, С.П.Петруниной и др. исследователей посвящены описанию источниковедческих возможностей диалектных словарей разных типов и лексикографической интерпретации в них тех или иных лексико-семантических, морфологических, синтаксических явлений; проблемы исторической лексикографии оказались в центре внимания в работах Л.Г. Гусевой, Л.А.Захаровой, А.И.Поповского, Г.Н.Стариковой. Благодаря широте проблематики и разнообразию исходного материала диалектная лексикографическая практика получила в сборнике самое широкое и разностороннее освещение.

Открывается же книга работой О.И.Блиновой, где в теоретическом плане обобщается опыт создания словарей народных говоров и намечаются основные пути дальнейшего развития диалектного словаростроения, и статьёй В.В.Палагиной, которая наряду с опубликованными представила и целый ряд разнообразных рукописных словарей и их фрагментов, созданных на кафедре русского языка Томского университета более чем за сорок лет работы.

Редактор

О.И.Блинова

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В небольшой статье нет возможности дать полное представление об итогах и перспективах развития диалектной лексикографии, поэтому здесь отмечены и намечены лишь некоторые из них.

Одним из важных итогов русской диалектной лексикографии является тесная, органичная взаимосвязь с диалектной лексикологией как неотъемлемой части общей лексикологии. Эта взаимосвязь осуществлялась и осуществляется по разным направлениям. С одной стороны, диалектная лексикография активно использует достижения диалектной и общей лексикологии в разработке проблем лексической семантики, структурного и функционального аспектов лексических единиц, системной организации лексики и т.п., с другой, – диалектная лексикография, прежде всего – практическая, стала своеобразным "полигоном" для апробации соответствующих творческих разработок, так как располагает максимально возможным фактическим материалом, подвергнутым лексикографической обработке.

Именно нуждами развития теории диалектной лексикологии вызвано составление многих областных словарей последнего, новейшего времени. Так, анализ теории диалектных лексических различий породил необходимость составления дифференциальных диалектных словарей, системный подход в исследовании лексики диалекта дал импульс созданию областных словарей полного типа (Псковский областной словарь, Брянский областной словарь), пристальный интерес к диалектной микросистеме, к законам и способам организации лексической системы отдельного говора привел к составлению словарей одного говора (Деулинский словарь, Акчимский словарь), актуальность полного системного обследования лексики говора во всем наборе его лексических явлений вызвала к жизни идею составления серии словарей одного говора – полного толкового словаря, синонимического словаря, антонимического словаря, словаря вариантной лексики, мотивационного словаря и ряда других (объектом такого лексикографирования избран старожильческий говор с.Вершинина Томского района Томской области).

Одно из следствий содружества диалектной лексикографии и диалектной лексикологии – составление аспектных словарей (как правило, неопубликованных, представленных в качестве приложения к кандидатским и докторским диссертациям по диалектной лексикологии). Это – синонимические словари разных русских говоров (В.В.Пал...

кой, Н.А.Лукьяновой, Г.А.Ре̇това, Г.А.Мординовой, Г.А.Фадеева и многих других), словари антонимов (Л.М.Райской, В.Л.Козлова), словари вариантной лексики говора (О.Ю.Галузы, З.М.Богословской), словари экспрессивной лексики диалекта (Н.В.Журавской, Н.Б.Лаврентьевой и др.) и т.д.

Взаимосвязь диалектной лексикографии и диалектной лексикологии рождает тенденцию, которую можно выразить схемой: теория — словарь, апробирующий теорию и углубляющий её, — теория — словарь и далее по цепочке. Эта тенденция нашла свое воплощение в исследованиях по теории мотивации слов: разработка исходных понятий теории мотивации в лексикологическом аспекте нашла отражение в опубликованном "Мотивационном диалектном словаре (Говоры Среднего Приобья)", материалы которого (в том числе рукописные, не вошедшие в опубликованный словарь) дали возможность для теоретического обоснования таких научных понятий, как внутренняя форма слова, мотивационное значение слова, мотивационная форма слова, лексический и структурный мотиваторы, что, в свою очередь, привело к составлению "Словаря внутренних форм слова" (рукопись), давшего обширный материал для изучения явления полимотивации слов и явления варьирования внутренней формы слова. Эта тенденция нашла свое выражение и в исследованиях теории лексической экспрессивности, и в исследовании теории семантического поля и ряда других.

Естественным результатом взаимопроникновения диалектной лексикологии и диалектной лексикографии явились монографические исследования, предмет рассмотрения которых анализируется одновременно в двух аспектах - лексикологическом и лексикографическом[1].

Содружество диалектной лексикологии и практической диалектной лексикографии способствовало оживлению исследований по теории диалектной лексикографии: анализу подвергались такие аспекты, как типы и типология областных словарей, структура словаря и структура словарных статей, источниковая база словарей, источниковедческие возможности разных типов областных словарей .

Анализируя современное состояние и тенденции развития русской лексикографии, Ю.Н.Караулов выделил две основные группы словарей: словари, выполняющие нормализующую, культурно-речевую функцию (толковые словари, орфоэпические словари, словари ударений и т.п.), и словари, выполняющие дескриптивную, фиксирующую функцию (это диалектные, исторические, этимологические и некоторые другие типы словарей), которые играют "не менее существенную общественно-культурную роль", так как "обогащают национальный духовный потенциал, общий культурный фонд народа"[3]. Действительно,

диалектные словари разных жанров не только дают бесценный материал для теоретических изысканий, но и представляют собой памятник народной духовной культуры, сокровищницу, хранилище речевой культуры народа. Осмысление областных словарей в этом аспекте - одна из актуальнейших задач лексикографов и лексикографии. Основной адресат существующих диалектных словарей - исследователь, ученый, филолог, реже - работник культуры, художник слова, педагог, любитель народной речи. Решение вышеназванной задачи значительно расширит круг пользователей диалектных словарей и, тем самым, приблизит словари к носителю диалекта, к сельчанину. Наряду с осмыслением областных словарей как памятников народной духовной культуры, открывается перспектива составления областных словарей названной ориентации. Такого типа словари потребуют немалых усилий и изобретательности в разработке их структуры, тематики, принципов их организации, начиная от формирования словника и кончая структурой словарной статьи.

Областной словарь как памятник народной духовной культуры должен быть аспектным словарем, отражающим разные стороны жизни русского сельчанина (трудовую жизнь, быт, обычаи и обряды, нравственные устои, социальную психологию, особенности народного мировосприятия и т.д.). В зависимости от аспекта определяются принципы отбора слов в словарь, структура словаря. Так, во всех аспектных словарях этого жанра преимущество получит знаменательная лексика; едва ли приемлемым будет в качестве основного алфавитный порядок представления материала: главным, определяющим станет тематический или идеографический принцип представления словника; значительную трансформацию претерпит толкование значений слов в сторону энциклопедизма; изменится критерий отбора иллюстративного материала: он должен будет отвечать требованиям предельной степени информативности для данного аспекта словаря (в не показа языковых характеристик заглавного слова), включать фольклорный материал.

Одним из первоочередных может быть словарь обрядовой лексики диалекта, обслуживающий основные этапы жизни человека от рождения до кончины. Именно в такой последовательности - от рождения до кончины - целесообразно представить и обрядовую лексику. Одним из завершающих словосочетаний такого словаря явится сочетание последний след ("На похороны много народа соберется. Последний след кладут веточками").

"Человек ... – центральная фигура языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит". Лексикографическая разработка аспекта "человек и мир, о котором он говорит" предполагает составление серии словарей: мир природы глазами человека, мир животных глазами человека, мир растений глазами человека и т.д. В словарях этой серии предельно выпукло предстанут принципы и способы номинации предметов окружающего мира, ассоциативность и образность народного мышления и мировосприятия, предстанут различные аспекты (прагматический, эстетический и др.) в восприятии явлений действительности (ср.: названия ромашки полевой в среднеобских говорах – сенокосник, ворожейка, невеста).

Областной словарь, отражающий нравственные устои жителей деревни, их нравственные категории и оценки, по составу словника, как представляется, будет словарем экспрессивной лексики и фразеологии, сгруппированной по тематическому принципу: слова-оценки человека трудолюбивого и ленивого, умного, сообразительного и глупого, недалекого, трезвенника и любителя спиртного (трудник, трудяга, домовница, скорохват и – лежень, пень, чурка, балантряс; башковитый и чурка с глазами; самостоятельный и – винная бочка) и т.д. Особую роль будут играть иллюстрации-реплики в таком словаре, отражающие общественное мнение ("Мне вот кажется, кода женщина заматерится, – как курица запоет по-петушьи, равносильно тому. Курица кода поет, – ой, говорят, к плохому!").

На всесоюзной конференции "Теория языка и словарь" (Звенигород, 1987) Ю.Н.Карауловым была сформулирована проблема "Человек и словарь" и намечены аспекты рассмотрения этой проблемы: социология словаря, идеология словаря, философия словаря, этика словаря, психология словаря; каждому из названных аспектов был дан краткий комментарий[5]. Разработка названных аспектов актуальна и перспективна и для диалектной лексикографии: мы не располагаем очень важными сведениями о том, кто и с какой целью пользуется диалектными словарями, особенно это касается не специалистов, а широких слоев населения; не располагаем мы сведениями о том, как отражаются в словесной форме идеология, психология, этика, философия народа-носителя тех или иных русских диалектов. К названным аспектам следует доба ть и такой аспект, как эстетика словаря.

Лексикографическая разработка эстетического аспекта словаря потребует осмысления такой категории, как эстетика языка (эстетика з ука, эстетика слова, эстетика речи). Анализ эстетики слова предпо-

лагает обращение к звучанию слова, к выявлению гармонии звучания и значения (здесь широко можно использовать достижения в области звукосимволизма,фоносемантики,привлекать высказывания о словах прозаиков и поэтов,носителей языка или диалекта),обращение к выявлению выразительности народного слова, его образности. В связи с этим встает актуальная задача исследования образности как лексикологической и лексикографической категории.

Языковой статус той или иной категории, как известно, определяется наличием семантической основы и средств ее выражения. Таким наличием материально выраженной семантической основы характеризуются категории экспрессивности,эмоциональности,метафоричности, мотивированности, имеющие лексикологический статус[6]. Семантическую основу образности как лексикологической категории составляет образ, образное представление, содержащее "двойное видение явления"[7], а средством выражения такого образного представления служит внутренняя форма слова, отражающая мотивировочный и классификационный признаки означаемого. В соответствии с вышеуказанным слово _горихвостка_ - образное: оно означает певчую птицу с рыже-красным хвостом, цвет которого ассоциируется с горящим предметом,что и выражает внутренняя форма слова ГОРИХВОСТ/КА. Образными являются такие слова, как _горицвет_,_плакучий_, многочисленные языковые метафоры - _дебель_ 'ласковое название девушки', _лисичка_ 'гриб', _колокольчик_ 'цветок', _солнечный_ 'радостный,светлый' и др. Следовательно, _образность_ - свойство слова,означающего предмет в его ассоциативной связи с другим предметом посредством внутренней формы слова.

Лексикографическое представление образных слов позволит уточнить предложенное определение образности. Словарь образных слов может иметь двоякое представление материала: либо в алфавитном порядке, либо по какому-либо иному, например, тематическому, принципу. Толкование образного слова должно отражать "одновременное видение"предмета. Например, калина - 'кустарник с кремовыми цветами и красными,как бы калёными ягодами'. Желательно, чтобы такое толкование находило поддержку в иллюстративной части словарной статьи, в контекстах:"Калина,она же,как калёная,стоит,красная вся,раскалилась.Тоже красиво осенью когда посмотришь:она как горит,раскаленная как".Еще примеры подобных контекстов:"Лягушка - это на окнах растет.И правда похожа на лягушку:цветы розовые такие,красивый листик такой,продолговатый,как лягушечка сидит,как крылушки такі,носик вроде". "Лисички жёлтые,небольшие станут -

распушатся. Походят на лисичку". Словарь образных слов будет интересен не только исследователям, но и всем, для кого красот родного слова - источник истинного наслаждения.

Таким образом, диалектная лексикография имеет широкие перспективы, связанные с составлением словарей разных типов для нужд диалектной и общей лексикологии, составлением областных словарей как памятников народной духовной культуры, адресованных широкому кругу читателей, служащих одновременно средством воспитания нравственного, эстетического и т.д., связанные с дальнейшим развитием теории диалектной лексикографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. См., например: Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988.

2. См. работы: Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987; Бухарева Н.Т. Сибирская лексика и фразеология. Новосибирск, 1983; Блинова О.И., Палагина В.В. Сибирская Советская Энциклопедия как источник диалектной лексикографии. Томск, 1979; Иванцова Е.В. Обратный словарь как лексикологический источник (на материале среднеобских диалектных словарей). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983; Киселева О.Н. Язык фольклора как источник диалектной лексикографии. - Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988 и многие другие.

3. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988. С.5.

4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С.5.

5. Караулов Ю.Н. Словарь и человек // Теория языка и словари: Материалы всесоюзной конференции 1-3 октября 1987 г., Звенигород. Кишинев, 1988. С.5-10.

6. См. работы: Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986; Скляревская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). М., 1988. Ч. I, 2; Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.

7. Терентьева Н.Б. О мотивированности как характерном признаке образных слов (на материале глаголов говорения Новосибирской области) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1978. Вып. УП. С.16.

В.В.Палагина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 40 ЛЕТ

Изучение лексики русских старожильческих говоров Среднего Приобья началось в Томском университете с 1946 г., с приходом на заведывание кафедрой русского языка доцента А.А.Скворцовой. Лексические материалы первых диалектологических экспедиций, собранные по вопроснику АН СССР, послужили основанием словарной картотеки. В дальнейшем были составлены дополнительные тематические вопросники с учетом ряда внелингвистических факторов (природных условий, трудовой деятельности и быта местного населения, особенностей истории заселения), по ним во время ежегодных диалектологических экспедиций продолжается пополнение словарных материалов.

I. Первым типом словаря, созданного авторским коллективом членов кафедры (В.В.Палагиной, О.И.Блиновой, О.М.Соколовым, И.Н.Лящененоой, Ф.П.Ивановой), был толковый дифференциальный диалектный словарь, состоящий из 7342 словарных статей[1]. Он явился первым диалектным словарем в РСФСР[2], опубликованным в послеоктябрьский период. Впоследствии расширение словарных картотек привело к составлению первого[3], а затем и второго дополнения к словарю говоров Среднеобского бассейна. Во всех семи томах этого словаря содержится 23190 словарных статей. Составление дифференциальных словарей в Томском университете продолжалось и в 70-е годы, но опубликованными оказались только материалы для словаря старожильческих говоров Омской области[5].

II. Уже с середины 70-х годов началась работа над подготовкой полных словарей говоров отдельных населенных пунктов. Термин "полные", бесспорно, условен. Полные они только по отношению к собранному в данный отрезок времени материалу. Студентами написаны фрагменты словарей говоров Нарыма, Нагорного Иштана, Вершинино, Мохово, Кшино, Атяево - всего 22 работы. В настоящее время большой авторский коллектив работников Томского и Кемеровского университетов, а также Томского и Омского пединститутов под руководством О.И. Блиновой составляет полный словарь говора с.Вершинино; первый том его (А-З) сдан в печать в 1988 г., второй (И-О) - в 1989 г. В картотеке Вершининского словаря зафиксировано около 500 000 словоупотреблений[6].

III. Многоаспектное исследование лексики, ведущееся на кафедре, вызвало появление других типов словарей. В 1973 г. вышел в свет "Опыт обратного диалектного словаря", подготовленный И.Н.Лященеокой, О.И.Блиновой, В.В.Палагиной, С.М.Ольговичем[7], переизданный после

переработки и дополнений в 1979 г.[8] и состоящий из 15 530 локально окрашенных лексических единиц. В 1977 г. Г.Н.Котовой (Стариковой) опубликован обратный словарь просторечных слов, употребляемых носителями среднеобских говоров (1996 единиц)[9].На кафедре хранятся два рукописных обратных словаря Е.В.Иванцовой "Обратный словарь общерусской лексики среднеобского диалекта" и "Обратный словарь говора с.Вершинино",являющиеся приложением к кандидатской диссертации "Обратный словарь как лексикологический источник" (Томск,1984).

IV.Несомненным достижением кафедры является создание авторским коллективом под руководством О.И.Блиновой словаря нового типа, отражающего один из видов системных отношений в лексике - мотивационные отношения[10]. Кроме того, под руководством О.И.Блиновой, В.Г.Наумова,Л.Г.Гынгазовой,Т.А.Демешкиной написано 12 дипломных сочинений - мотивационных словарей разных говоров Среднего Приобья.

V.Другой словарь нового типа отражает результаты адаптации говором "западноевропеизмов",пришедших из литературного языка, - это словарь вторичных заимствований, помещенный в коллективной монографии "Вторичные заимствования говоров Среднего Приобья"(ред. В.В.Палагина,авторы О.И.Гордеева,С.И.Сологович,Н.М.Охолина,В.В.Палагина,Томск,1981,С.61-172);

VI.Изучение всех слоев лексики среднеобского диалекта позволило выделить пласт слов и фразеологизмов, общих для говоров и городского просторечья. Они представлены в "Словаре просторечий русских говоров Среднего Приобья",выполненном О.И.Блиновой,В.В.Палагиной,С.В.Сипченко[11], словник которого состоит из 2030 единиц.

VII.Следующим шагом лексикологических изысканий членов кафедры явилось исследование томского городского просторечья - и как следствие его - приложение к кандидатской диссертации Т.Б.Банковой "Словарь томского городского просторечья".Картотека словаря постоянно пополняется. Словарь подготавливается к печати[12].

VIII.Выясняя пути формирования и развития говоров территорий позднего русского освоения, необходимо привлекать в качестве источников местную письменность.По деловым документам XVII в. как рукописным, так и опубликованным составлена картотека будущего словаря Томской старины, над которым работает коллектив историков языка под руководством В.В.Палагиной. Некоторые диалектные и разговорно-просторечные слова из картотеки уже опубликованы как ма-

териалы для среднеобского исторического словаря[13]. Студентами составлено 16 полных и дифференциальных словарей сибирских памятников письменности XVII в.

IX.Расширение лексикографической работы на кафедре вызвало обращение к лингвистическому источниковедению.Требовалось привлечение новых источников.Студентами и аспирантами написан ряд источниковедческих работ, сопровождаемых словарями-приложениями.Опубликован пока лишь один словарь диалектных слов и выражений, извлеченных из ранее не использовавшегося источника - "Сибирской советской энциклопедии"[14].

X.Особо следует выделить антропонимические словари.Опубликованы материалы для словаря неканонических антропонимов русского томского населения XVII в.[15] Имеются рукописные студенческие работы "Дополнение к антропонимическим словарям Н.М.Тупикова и С.Б.Веселовского", "Словарь фамилий диалектного происхождения", "Опыт словаря антропонимов одного говора".

XI.Коллектив авторов под руководством Е.А.Пантелеевой составляет диалектный гнездовой словарь. Его первый том (А-Е) сдан в печать в 1988 г.(в нем более 400 гнезд, охватывающих более 3000 слов),в 1989 г. сдан в издательство ТГУ второй том.

XII.На кафедре написано несколько частотных словарей деловых документов XVII в.[16]

XIII.Выявление различных видов системных отношений в лексике говоров привело к появлению словарей синонимов[17], антонимов[18],формальных вариантов слова в среднеобском диалекте[19].

XIV.В 80- е годы под руководством Г.А.Ракова началась работа над идеографическими словарями . Написаны диалектные словари говоров сел Нарым и Вершинино,словари-приложения к дипломным сочинениям по лексике природы,лексике отдельных семантических полей:глаголы речи,звучания,перемещения и пр. Г.Р.Раковым сданы в печать материалы семантического диалектного словаря, обработанные машинно-ручным способом .

XV.В настоящее время больной коллектив преподавателей и студентов под руководством Л.А.Захаровой совместно с лабораторией НИИ СЭГПРС /социально-экономический и гуманитарный процесс Сибири/ и Томским педиститутом составляет словарь топонимов г.Томска,в котором будут показаны современные и прошлые названия улиц и других городских топообъектов, официальные и неофициальные их наименования,функционирующие в речи населения города.

Словарная работа кафедры не ограничивается только лексикографическим описанием местного материала. Составляются и словари, отражающие в разных аспектах лексику литературного языка. Например: "Полный словарь произведения В.Распутина "Живи и помни", "Материалы к полному словарю произведений В.М.Шукшина", "Словарь-комментарий к произведениям Н.В.Гоголя, изучаемым в школе", "Опыт поэтического словаря А.Вознесенского", "Мотивационный словарь произведений А.С.Пушкина", "Мотивационный словарь произведений М.Цветаевой" и др.

Все перечисленные словари и картотеки, по которым они составлены, находят постоянное применение в учебной и научной работе. К ним обращаются не только студенты и аспиранты, но и преподаватели вузов Сибири, Урала, Дальнего Востока.

Словарная работа кафедры не закончена. Новые молодые кадры продолжают дело, начатое основателями кафедры. Словари различных типов и разновидностей как собрания сокровищниц русского языка, как памятники духовной культуры русского народа будут создаваться в Томском университете и в будущем .

ПРИМЕЧАНИЕ

1.Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби.Под ред.В.В.Палагиной.' Томск:Изд-во Том.ун-та, 1964-1967,Т.I-3.

2.В Латвии в то же время опубликован словарь Немченко В.Н.,Синицы А.И.,Мурашкова Т.Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики.Рига,1963.

3.Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби.Дополнение.Под ред.О.И.Блиновой,В.В.Палагиной. Томск: Изд-во Том ун-та,1975,части I,2.

4.Среднеобский словарь/Под ред.В.В.Палагиной. Томск:Изд-во Том ун-та,1983-1986.-Ч.I,2.

5.Блинова О.И.,Палагина В.В.Лексика и фразеология говоров Среднего Прикетья// Вопросы русского языка и его говоров. Томск:Изд-во Том ун-та,1977. С.3

6.Описание картоток кафедры см. в методических указателях-путеводителях по картотекам ТГУ Е.В.Иванцовой "Диалектные картотеки Томского университета",Томск,1985 и "Источники изучения диалектной лексики",Томск,1985.

7.Опыт обратного диалектного словаря/Под ред.М.Н.Янценецкой.

Томск:Изд-во Томск.ун-та,1973.
8.Диалектное словообразование.Томск:Изд-во Том. ун-та,1979. С.3-141.
9.См.Приложение №1 к "Словарю просторечий русских говоров Среднего Приобья". Томск:Изд-во Том. ун-та,1977. С.172-182.
10.Мотивационный диалектный словарь/Под ред.О.И.Блиновой. Томск:Изд-во Том. ун-та,1982-1983.-Т.1,2.
11.Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья/Под ред.О.И.Блиновой. Томск:Изд-во Том ун-та,1977.
12.См.статью Т.Б.Банковой в настоящем сборнике.
13.Палагина В.В.Материалы для исторического словаря томского говора//Вопросы русского языка и его говоров. Томск:Изд-во Том. ун-та,1975. Вып.3.-С.46-51; Потехина Н.Е.Материалы для исторического словаря среднеобских говоров//Вопросы русского языка и его говоров.Томск:Изд-во Том ун-та,1977. Вып.7. С. 33-37; Чигрин Г.М. Материалы для словаря кузнецких говоров ХVII в.//Русское слово в языке и речи. Кемерово:Изд-во Кемеровского ун-та,1977.С.95-103; Потехина Н.Е. Материалы для томского исторического словаря//Русские говоры Сибири. Томск:Изд-во Том. ун-та,1981.С.51-56; Захарова Л.А. Материалы к историческому прикетскому словарю//Говоры русского населения Сибири.- Томск:Изд-во Том. ун-та,1983.С.48-57.
14.Блинова О.И.,Палагина В.В. "Сибирская советская энциклопедия" как источник диалектной лексикографии. Томск:Изд-во Том ун-та,1979. С.46-142.
15.Палагина В.В. Неканонические антропонимы русского населения г.Томска первой половины ХVII в.//Вопросы ономастики. Свердловск Изд-во Уральск.ун-та,1974. Вып.8-9. С.77-84.
16.Палагина В.В.Материалы для частотного словаря томских деловых документов ХVII в.//Русское слово в языке и речи. Кемерово: Изд-во Кемеровск.ун-та,1977. С.82-94;Она же: Частотный словарь таможенных книг г.Томска 1624-1627г.г.//Русские говоры Сибири. Томск:Изд-во Том. ун-та,1979. С.78-89.
17.См.приложение к кандидатской диссертации Г.А.Ракова "Синонимия имен прилагательных в нарымском говоре/семантико-функциональный анализ/." Томск,1977.
18.См.приложение к кандидатской диссертации Л.М.Райской "Антонимия в лексической системе говора/на материале нарымского говора/". Томск,1986.
19.См.приложение к кандидатской диссертации З.И.Богословской "Явление варьирования слова в системе говора". Томск,1984.

Г.А.Раков

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ СИСТЕМНОГО ТИПА

Словарь системного типа должен так или иначе соответствовать, тем или иным образом соотноситься с понятием лексико-семантической системы языка (ЛСС), быть ее моделью. В свою очередь, представление о ЛСС должно коррелировать с общенаучным пониманием системы и системного подхода. К настоящему времени можно говорить о трех разновидностях понимания системы, чему соответствуют и три типа ее определения: "I. Система определяется через отношение между элементами; 2. структурный тип, к которому относятся следующие виды определений: а) система - это множество взаимосвязанных элементов, б) система - это комплекс взаимодействующих элементов, в) система - совокупность элементов, определенным образом связанных и взаимодействующих между собой; 3. Структурно-функциональный"[1]. В языкознании к середине 70- х годов выработалось свое понимание системы, которое не потеряло актуальности и сегодня:

"К лексико-семантической системе относится вся область смысловых о т н о ш е н и й (здесь и далее в цитатах слова, подчеркивающие характер системы выделены мною.-Г.Р.) лексических единиц, своеобразия типов их группировок и характер в з а и м о д е й - с т в и я друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика) и т.п.

Уже само название "лексико-семантическая" указывает на двустороннюю природу системы: с одной стороны, отграничивается в пределах семантического уровня языка лексическая семантика от грамматической, с другой стороны, при помощи этой системы происходит дальнейшее членение семантики слова как элемента словаря на самые мелкие двусторонние единицы - лексико-семантические варианты слова"[2].

Нетрудно видеть, что в данном определении ЛСС реализованы две разновидности общенаучного понимания системы (I и 2б - через отношение и через взаимодействие). Это же определение в известной степени синтезирует два направления в представлении ЛСС - системы внутри слова и системы вне его, между словами.

Сложившаяся к настоящему времени на материале русского литературного языка лексикографическая практика соответствует приведенному пониманию ЛСС: общие толковые словари основное внимание уделяют демонстрации системы внутри слова (факультативно - между сло-

вани), различные системные словари (синонимические, антонимические) демонстрируют несложные системные связи лексических единиц (факультативно отражая семантику и семантическую структуру слов, входящих в них). Причем ясно видно, что предпочтение в представлении ЛСС отдано ее интерпретации через элементарные блоки целостной системы - через синонимические ряды и антонимические пары, когда система в целом постулируется (если есть связь или взаимодействие в отдельных микрогруппах слов, то не может не быть системы в лексике вообще), но не демонстрируется. Пожалуй, только В.В.Морковкин со своей группой и свердловские исследователи попытались показать то же на материале более крупных объединений лексических единиц - лексико-семантических групп (ЛСГ). И здесь мы сталкиваемся уже с несколько иным пониманием ЛСС - таким, которое Ю.Н.Караулов назвал "функционально-вариантным"[3] (в данном случае с ударением на последней части слова): если учесть, что, по мнению Ф.П.Филина, ЛСГ в языке существует бесконечное множество, то очевидно, что любое их конечное на тот или иной момент представление в виде словаря окажется вариантом системы. Именно такой вариант целостной системы представлен в "Лексической основе русского языка" ("Идеографическая часть"), созданной под руководством В.В.Морковкина. 649 нумерованных групп, которые по статусу относятся к ЛСГ, упорядочены в словаре в соответствии с "Синопсисом идеографической классификации" русской лексики. Если соотнести систему, данную в словаре В.В.Морковкина, с разновидностями общенаучного ее понимания, то очевидно, что ведущим параметром при ее организации оказывается связь элементов по смыслу - ЛСГ объединяют лексико-семантические варианты слов (ср.: "Процедура получения идеографического списка состояла в последовательном анализе словника алфавитной части с точки зрения принадлежности каждого ЛСВ к той или иной лексико-семантической группе и получении таким образом с в я з а н н ы х по смыслу лексических групп"[4]), ЛСГ - внутри именованных разрядов и классов "Синопсиса". Причем эта последняя связь представлена в словаре не явно, она подразумевается. Присутствие одного и того же словозначения в разных группах - явление нерегулярное и потому всякий раз оговаривается. Таким образом, представленные словари демонстрируют связь в отдельных звеньях системы - более крупных или более мелких, не раскрывая систему в целом, характер взаимоотношений в ней и принципы ее функционирования. Составители таких словарей (сознательно или неосознанно) исходят из того, что

в ЯСС существуют определенные классы слов. При таком подходе, как писал А.Я.Шайкевич, громадное большинство объектов изучаемого множества четко распределяется по нескольким группам. Число объектов, попадающих сразу в два класса, невелико./.../ На данном уровне классификации (а при таком понимании система – это всегда классификация.– Г.Р.) класс выступает как нечто гомогенное, относительно замкнутое"[5].

Иная идеология реализована в "Минимальном идеографическом словаре" Ю.Н.Караулова и "Русском семантическом словаре". Коротко ее можно выразить несколькими цитатами. А.Я.Шайкевич: "Идея поля предполагает непрерывность с в я з е й объектов множества. Каждый из этих объектов с в я з а н с небольшим числом других объектов, но так, что замкнутых групп не образуется. Создаются лишь области (поля), характеризующиеся повышением числа и интенсивности внутренних с в я з е й. Вместе с тем каждый объект сохраняет свою индивидуальную определенность внутри поля, по-разному соотносясь с другими объектами внутри поля"[6]; Ю.Н.Караулов: "Изолированные, замкнутые группы – понятие чисто условное, их так же не бывает как не бывает изолированных слов. Если представить словарь в виде картотеки, где каждому слову соответствует отдельная карточка, то вопрос можно сформулировать так: если из этой картотеки выбрать произвольную карточку и попробовать ее вытащить, потянется ли за ней с неизбежностью вся картотека, весь словарь, или мы сможем вытащить какую-то гроздь карточек, некоторую замкнутую группу слов? Ответ может быть один: за выбранной карточкой потянется вся картотека, весь словарь. "Внешних" с в я з е й даже у такой группы, как "термины родства", окажется не меньше, чем "внутренних". Последние лишь более упорядочены"[7].

Сама эта концепция и ее базисное понятие – семантическое поле – со времен Й.Трира и до сегодняшнего дня оценивается далеко не однозначно. С одной стороны, она критикуется или замалчивается, игнорируется, с другой – достаточно активно и продуктивно разрабатывается, воплощается в лексикографические работы, не всегда принимаемые сразу, но при ближайшем рассмотрении дающие интересные возможности для постановки новых исследовательских задач. Такой подход к демонстрации и исследованию лексической связанности говора или языка ни в коем случае не перечеркивает традиционно идеографического, связанного с выделением и анализом лексико-семантических и тематических групп, но является дальнейшим развитием по-

следнего и, думается, в большей степени соответствует наиболее современному структурно-функциональному пониманию системы, о которой говорилось выше. И достигается это прежде всего в результате отхода от строго парадигматической классификации лексики в сторону парадигмо-синтагматической систематизации ее внутри предельных единиц (семантических полей) и функционального упорядочения последних, которое может проводиться наряду с другими способами упорядочения.

Лексическая система при этом рассматривается как совокупность взаимно пересекающихся множеств слов, представленных в качестве семантических полей, различные объединения которых обеспечивают потребности общения в тех или иных жизненных ситуациях, типичных для того или иного носителя языка (говора) или говорящего коллектива.

Под *семантическим полем* разумеется совокупность лексических единиц, выделенных из исходного алфавитного словника на основе наличия в их значении такого семантического множителя, который оказывается необходим для представления в словаре-системе некоторого фрагмента семантического пространства языка или говора. При этом между именем поля и его элементами устанавливаются семантические отношения тождества, включения и пересечения, которые признаются первичными, а между собственно компонентами поля - вторичные отношения того же типа. Реальность семантического поля в говоре (языке) должна подтверждаться возможностью реализации его компонентов в зафиксированных фрагментах речи.

Источником такого словаря-системы должен быть массив слов достаточного объема (такой, чтобы позволял впоследствии развернуть грамматику словаря), полученный в результате свертывания в словник связных текстов разных жанров, либо законченный диалектный словарь недифференциального типа. Единственной данностью на начальном этапе построения диалектного словаря-системы (ДСС) признаются множества слов, имеющие общие компоненты значения.

Исходным при этом считается следующее положение: если отдельные слова в системе и микросистемах-полях могут находиться в отношениях тождества, включения, пересечения и дизъюнкции, то между двумя любыми множествами слов, представленными в качестве полей ДСС, допустимы только отношения пересечения и дизъюнкции. Именно эквиполентная оппозиция между полями обеспечивает связи в итоговой системе и гарантирует сплошность заполнения семантического простран-

ства описываемого говора. Строится такой словарь-система в несколько этапов, на каждом из которых решаются собственные задачи, совокупно работающие на преимущественно индуктивный путь построения итоговой лексической системы.

1. Выявляются все группировки слов, в семантике которых имеется один общий множитель (независимо от того, является ли он категориальной или факультативной семой).

2. Исследуются семантические отношения слов во всех полученных на первом этапе множествах на предмет предварительного выявления структур полевого типа.

3. Анализируются семантические отношения между выявленными группировками слов. При этом если некоторое множество А с ведущим множителем-дескриптором 'а' привативно некоторому множеству Б с идентификатором 'б', то множество А считается включенным в множество Б, а множитель 'б' признается ведущим характеристическим признаком данного множества (итогового), а множитель 'а' занимает подчиненное положение. Если множители 'а' и 'б' дают одинаковые рефлексы, то один из них признается избыточным и из дальнейшего анализа исключается (при этом следует иметь в виду некоторое несовершенство исходных кодируемых для машинной обработки словарных дефиниций и возможные издержки самого процесса кодирования, поэтому в случае обнаружения между анализируемыми множествами незначительных расхождений в лексическом составе необходимо провести индивидуальный анализ множителей, эти расхождения вызывавших, после чего и принять соответствующее решение о дальнейшей судьбе и множителей, и множеств). Может сложиться ситуация, когда несколько множеств с выраженной полевой структурой, выявленной на втором этапе, привативны некоторому множеству большей мощности. Это свидетельствует о том, что выделявший множитель последнего организует массив, больший, чем поле. Если же между множествами с выраженной полевой структурой устанавливаются отношения пересечения или дизъюнктивные, такие множества могут равно претендовать на помещение в словаре и остаются для дальнейшего анализа.

4. Из состава полученных на третьем этапе множеств выделяются, где это возможно, слова, семантика которых в наибольшей мере соответствует значению ведущего множителя (и подчиненного шлейфа, если последний выделяется). Этим словам присваивается статус имен полей, за выделяющими множителями закрепляется роль дескрипторов.

Если же имя поля без заметного исследовательского давления на материал выделить не удается, то поле возглавляется только дескриптором. В нашем случае таких полей, из которых составился словарь-система, было выделено 717.

5. Поля подвергаются внешнему упорядочению в соответствии с предложенными принципами.

Последняя процедура необходима для того, чтобы с различных точек зрения продемонстрировать, как устроен словарь-система и как он работает. Рассмотрим три из возможных вариантов упорядочения семантических полей.

А. Представление словаря-системы в виде алфавитно-цифровой последовательности полей. Этот способ наиболее простой (именно он дает возможность представить весь список имен полей в достаточно привычной и составителю, и пользователю алфавитной последовательности), но в то же время и наименее эффективный, поскольку даже связанные в системе отношениями пересечения поля только случайно могут оказаться рядом из-за жестких требований алфавитного ряда.

Б. Распределение полей по рубрикам схемы идеографической классификации лексики. Такая классификация может быть необходима хотя бы потому, что благодаря ей ДСС по типу приближается к словарю идеографическому, что может быть полезно при постановке дальнейших исследований на базе этого словаря. Но при этом следует иметь в виду, что распределяются по разделам, подразделам и рубрикам понятийной схемы не отдельные слова, а целые семантические поля, выделяющий компонент значения которых (множитель-дескриптор) в разных членах полей занимает неодинаковую позицию: в одних совпадает с категориальной семой, в других – с одной из второстепенных. И именно из-за развитой периферии полей отнесенность целого ряда их компонентов к той или иной зоне идеографической классификации может страдать известной условностью.

В. Функциональное упорядочение полей. Этот способ внешнего упорядочения связан с ролью полей в организации речи носителей говора и представляется наиболее гибким. (И именно благодаря ему, благодаря возможности такого распределения полей и их компонентов мы имеем право говорить о том, что описываемый словарь приближается по типу к системе в ее структурно-функциональном понимании, более того, к системе, структура которой зависит от характера функциональной нагруженности тех или иных ее компонентов.) Компоненты

разных полей ЛСГ сходятся в актах речи, связанных с той или иной ситуацией, в соответствии с определенными закономерностями, которые могут быть выявлены разными, в том числе и собственно лингвистическими приемами.

И в заключение коротко об источниковедческих возможностях описанного диалектного словаря-системы. В его полях реализованы все синонимические ряды говора, все формальные варианты, все родовидовые группы слов (это следует из самого определения семантического поля), все слова, связанные словообразовательными отношениями, все лексические единицы, находящиеся в отношениях лексической мотивации; структурные мотиваторы, отражающие, видимо, более слабую связь лексических единиц, представлены внутри полей нерегулярно; полисемия слов реализуется либо в разных полях (так же ведут себя и омонимы), либо (реже) – в эквиполентной оппозиции внутри поля; ЛСГ в значительной своей части входят в семантические поля, но не совпадают с ними, ибо последние имеют более широкую эквиполентную периферию, отражающую сочетаемостные возможности своих компонентов (ближайшую сочетаемость) и их словопроизводственные возможности; антонимы находятся в разных полях, поддерживающих некоторые точки симметрии в системе.

Примечания

1. Макаров В.Ф. Становление и развитие системного подхода в познании: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 1974. С.6.
2. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.:Наука, 1972.– С.417.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. Лексическая основа русского языка / Под ред. В.В.Морковкина.– М.: Русский язык, 1984. С.19.
5. Шайкевич А.Я. Гипотезы о естественных классах и возможности количественной таксономии в лингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980.– С.352.
6. Там же.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С.76.

С.М.Белякова

ДИАЛЕКТНЫЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА

Мысль о применении принципов идеографического описания к диалектному материалу была сформулирована сравнительно недавно, в работах последних лет. Однако её перспективность была оценена по достоинству, и в настоящее время ряд научных коллективов трудится над созданием диалектных словарей, руководствуясь при этом несколько различающимися подходами к решению этой непростой задачи.

Словари такого типа будут иметь важное значение для лингвистической науки. Как справедливо пишет Г.А.Раков, "лексика говора представляет собой известное преимущество по сравнению с литературным языком, где на начальном этапе Ю.Н.Караулову пришлось пользоваться искусственно созданным лексическим минимумом, тогда как материалы к полному словарю говора дают действительно функционирующую систему"[1]. Реализация этой идеи рисует перспективу сопоставления лексических систем литературного языка и диалекта, разных диалектов, выявления особенностей "народного" мышления, видения мира и т.д.

Создание идеографического словаря (ИС) как объединения семантических полей возможно двумя путями: как "снизу", т.е. от отдельного слова, так и сверху, т.е. от имеющейся синоптической схемы. Однако многие исследователи настойчиво говорят об использовании идеографической схемы. "Независимо от того, может ли тезаурус полностью отразить реальную картину мира, принцип его построения требует по крайней мере создания рабочей гипотезы относительно последней, что, в свою очередь, приводит к необходимости создания жесткой схемы организации плана содержания"[2]. Добавим, что при работе с диалектным материалом применение схемы очень желательно, так как на её основе удобно проводить сопоставление с литературным языком.

Известно несколько таких схем, разработанных и примененных главным образом зарубежными исследователями. Из них наибольшую популярность приобрела схема немецких лексикографов Р.Халлига и В.Вартбурга, у которых дана трихотомическая классификация в следующей последовательности и формулировке: а) "Вселенная", б) "Человек", в) "Человек и Вселенная" с дальнейшим многоступенчатым делением каждого раздела. В литературе имеются противоположные точки зрения на эту схему: от признания её универсальности, по крайней мере для современных европейских языков, до полного отрицания. Тем не менее положение таково, что практически все известные нам схемы советских исследователей (В.В.Морковкина, А.Г.Шайхулова) представляют собой её мо-

дификации.

По нашему мнению, для описания диалектного материала и его сопоставления с литературным можно брать практически любую схему. Все они разработаны для литературных языков, поэтому полного соответствия диалектной системе быть не может. Это связано ещё и с тем, что неизбежны несовпадения в степени углубления в материал, его охвата. Так, например, словари под ред. В.В.Морковкина построены на искусственно ограниченном языковом материале, а в говоре можно взять "всё". Это неизбежно сказывается на структуре полей. Схема литературного языка при наложении на диалектный материал то "сужается", то "расширяется" своими отдельными участками. Кроме того, она неизбежно подвергается корректировке.

Мы принимаем за основу схему Халлига и Вартбурга с поправками, вносимыми материалом.

Синоптическая схема состоит из нескольких уровней, каждый последующий из них носит всё более конкретный характер. Логическая надъязыковая в своих верхних уровнях схема на уровнях более низких приближается к ткани живого языка. Уровень семантических полей является собственно языковым и соответствует 4-6 ярусам схемы.

Семантические поля, очевидно, имеют разную структуру. Большую роль здесь играет то, какой участок действительности "покрывает" данное поле. (Например, структуры полей "Характер" и "Темперамент" очень похожи). Пока, на наш взгляд, достаточно отчетливо выделяются два типа полей: а) поля с ядерной структурой: "дом", "сельский", "жалеть", "советовать"; б) поля с матричной структурой, более редкие в языке: "внешность", "характер". Первые состоят из ядра и концентрических окружностей (периферии), разделенных радиально на парцеллы. Парцеллы внутри поля могут быть соотнесены с ЛСГ. Вторые основаны на противопоставлениях, главным образом бинарных. Например: высокий - низкорослый, толстый - худощавый в поле "Внешность" (материал литературного языка). Их можно представить в виде таблиц, в которых отдельные позиции-клеточки могут быть замещены или не замещены.

Не случайно для изучения семантических полей сложились две основные методики: методика словарных дефиниций (и частные методы на её основе: процедура ступенчатой идентификации у Э.В.Кузнецовой[3], метод определения коэффициента ядерности у С.М.Данильченковой-Беляковой[4] и методика бинарных противопоставлений. Методика словарных дефиниций соответствует ядерным полям. Вторая методика срабатывает только при изучении полей с матричной структурой.

Поля с ядерной структурой могут быть концентрированными и рас-

сеянным.В полях первого типа большая часть лексем сосредоточена в ядре и небольшое количество - вокруг него.Такими,например,являются поля "...леть","Движение".В рассеянных полях лексемы расположены в ядре и обширной периферии ("Дом","Сельский","Семья").Концентрированность поля связана с абстрактностью значения его имени.Структура ...лей должна найти отражение в ИС.

Нами проанализированы картотечные материалы для словаря говора села Медведево Голышмановского района Тюменской области.Проделана первичная обработка диалектного материала,разбивка его на семантические поля,и проведено первое,пока весьма предварительное сопоставление с литературным материалом.При этом возникли определенные трудности,связанные с тем,что имеющиеся ИС русского литературного языка не отвечают всем требованиям.

Сопоставление может быть произведено на уровне схемы и на уровне поля.На уровне схемы - это замещенность/незамещенность ее отдельных клеточек/т.е. наличие/отсутствие полей.На имеющемся материале мы отмечаем отсутствие или неразвитость в разделе "Вселенная"таких полей: "Небо и небесные тела","Минералы","Металлы","Декоративные растения","Морские звери".В разделе "Человек"-"Раса", "Восприятие","Воображение","Право","Литература и искусство".(Это частично совпадает с данными,полученными Г.А.Раковым по томским говорам.) В разделе "Человек и Вселенная" отсутствуют рубрики "Бытие","Качества и состояния","Причина","Наука и техника".Очень развитыми являются следующие поля:"Семья","Пища","Движение","Скот и птица","Сельскохозяйственные работы","Одежда","Профессия","Погода","Дом","Время".Интересны случаи,когда одному полю в литературном языке соответствуют два поля в диалекте.Полю "Грибы" литературного языка в изучаемом говоре противопоставлены поля "Грибы" (те,что предназначены для жарения) и "Грузди"(те,что предназначены в засолку).

На уровне полей сопоставление может проводиться по следующим параметрам:

а) по составу лексем,б) по числу и значению парцелл,в) по отношению лексем внутри поля,или по строению поля (имеются в виду такие характеристики,как тип поля - ядерный или матричный,концентрированность/рассеянность,а также типы отношений между лексемами: синонимические,антонимические,родо-видовые,включения и прочие).

Мы установили,что по составу лексем имеется частичное совпадение полей в диалекте и литературном языке.В разных полях мера

совпадения может колебаться в пределах от 50 до 100%. Иными словами, существуют поля, состоящие из значительного количества слов с диалектной спецификой семантики, и поля, практически полностью совпадающие с литературным языком. К первым относятся "Внешность", "Характер", "Скот и птица", "Домашняя утварь" – до половины лексем имеют диалектные особенности в семантике, а также – "Одежда", "Орудия труда" – около трети таких слов. Полями второго типа являются "Периоды жизни", "Социальное устройство", "Виды работ", "Отрезок времени", "Цвета". Среди слов с диалектной спецификой семантики могут быть примерные литературно-диалектные эквиваленты, например: коридор – сени, гостиница – заезжий в поле "дом". Слова, общие для говора и литературного языка, могут отличаться фонетическим или морфологическим оформлением.

Структуры одноименных полей в литературном языке и в говоре могут существенно различаться. Может быть специфичным разделение поля на парцеллы, различна степень концентрированности. Имеют свои особенности и отношения внутри поля. Например, в поле "Скот и птица" в говоре слово шерсть обозначает родовое понятие, т.к. имеются слова летнина и зимнина "шерсть летней (зимней) стрижки" соответственно. В литературном языке такого соотношения нет.

Специфика диалектного ИС на уровне поля является достаточно яркой. По любому из выделенных параметров имеются диалектные особенности, хотя и не в каждом поле и даже далеко не в каждом. Но в целом диалектный ИС весьма специфичен, что обусловлено в первую очередь особенностями той социальной и территориальной среды, которую он отражает и обслуживает.

Диалектный идеографический словарь предполагает, на наш взгляд, обязательное толкование тех лексем, которые обладают диалектной спецификой, иллюстрирование их контекстами, а не только их перечни по семантическим полям. В таком виде он может дать значительную информацию этнографического, культурного, исторического характера, помимо чисто языковой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Раков Г.А. О диалектном идеографическом словаре//Сибирские русские говоры. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С.147-152.

2. Марчук Ю.Н. Вычислительная лексикография. М.: Наука, 1976. С.12.

3. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высш. школа, 1982.

4. Даниельченкова/Белякова/С.М. Идеографическое описание диалектной лексики//Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарск. ун-та, 1980. С.119-124.

В.Г. Наумов

АТЛАС ПРОМЫСЛОВОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ /опыт этнолексикографического описания/

Современное состояние лексикографии характеризуется настойчивым стремлением разнообразить типологию словарей как за счет пестроты описываемого материала, так и за счет поисков новых путей са их принципов описания и лексикографирования.

Замысел "Атласа промысловой предметной лексики говоров Среднего Приобья" возник в начале восьмидесятых годов в процессе работы над "Среднеобским словарем" и "Мотивационным диалектным словарем", а также при анализе результатов подготовки и проведения диалектологических экспедиций на кафедре русского языка Томского университета. Не последнюю роль при этом сыграла некоторая неудовлетворенность качеством, полнотой и прозрачностью получаемых в экспедициях диалектных материалов. Чаще всего студенты второго курса (а именно они записывают большинство диалектных текстов), к сожалению, плохо знакомы с условиями жизни, быта населения Среднего Приобья, не говоря уж о конкретных промыслах и ремеслах. Предэкспедиционный инструктаж нацелен, в основном, на техническую сторону предстоящей работы в полевых условиях, и поэтому он мало что дает в интересуемом нас плане. В диалектологических экспедициях традиционно используются разнообразные вопросники, но опыт показывает, что и они "работают" недостаточно эффективно (речь здесь идет об общих вопросниках, построенных по тематическому принципу). Вопросники помогают начать беседу с диалектоносителем, наметить тему разговора, в дальнейшем - поддерживать беседу во времени, ни коим образом не влияя на развертывание темы вглубь. Не понимая или понимая в самых общих чертах значения многих слов, не узнавая их в потоке речи, студенты-исследователи тем самым упускают возможность уточнения значения слова через характеристику особенности реалии, которую обозначает данное слово.

Таким образом, возникает проблема предварительной подготовки студентов к диалектологической экспедиции через ознакомление их с соответствующими реалиями. Одним из вспомогательных пособий при этом мог бы стать список слов с параллельно даваемым изображением предметов быта, промыслов, ремесел, которые они изображают.

Подобный список слов с иллюстрациями целесообразно оформить в виде словаря смешанного типа (по отношению к традиционному делению словарей на лингвистические и энциклопедические). Основу такого лингвоэнциклопедического словаря составляла бы лексическая единица с

традиционными грамматической, стилистической и прочими характеристиками и толкование значения энциклопедического типа, совмещающее в себе описание как самой лексической единицы, так и реалии. А поскольку представление о денотате дается не только средствами языка, но и изобразительными (иллюстрации в прямом значении) средствами, то следует говорить о словаре, приближающемся по структуре и лингвострановедческому, по сути дела этнолингвистическому, место и тип которого достаточно четко еще не определены.

На первом же этапе работы возникла проблема объема материала. Базой для "Атласа..." стал "Среднеобский словарь" (всего 7 томов: 3 первых тома, 2 тома первого дополнения, 2 тома второго дополнения), известный по первым томам с 1964 года под названием "Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби". Представляется целесообразным начать подготовку "Атласа..." с лексики промыслов, причем предметной лексики, поскольку именно этот круг слов больше всего соответствует намеченным задачам: представить среднеобскую диалектную лексику через изображение соответствующих реалий.

В Среднем Приобье основу жизни как коренного, так и пришлого населения всегда составляли рыболовство и охота. По данным "Среднеобского словаря", лексика рыболовства значительно количественно превышает лексику других промыслов. Поэтому пробные словарные статьи отражают предметную лексику рыболовства. Представляется целесообразным и в дальнейшем предлагать материал отдельными выпусками: по промыслам. В этом смысле не совсем уместным показалось использовать в названии слово "словарь". Более точным могло бы стать наименование "Атлас", хотя этим словом в лингвистике традиционно обозначается совершенно другой вид работы. Вопрос названия остается дискуссионным.

Источниками "Атласа...", помимо "Среднеобского словаря" и его картотеки, являются труды этнографов и зоологов, описания профессионалов в том или ином промысле, книги сибирских писателей, энциклопедии и справочники, позволяющие в той или иной степени уточнить семантику слов и облик реалий. Ценным источником продолжают оставаться тетради с записями диалектологических экспедиций, хранящиеся на кафедре русского языка Томского университета. Во многих таких тетрадях текст сопровождается рисунками и фотографиями. Собранный материал служил для составления новых вопросников, с помощью которых уточнялись значения слов и особенности строения соответствующих реалий.

Поскольку база "Атласа..." - "Среднеобский словарь", словарь дифференциального типа, постольку возникла проблема места общерусских промысловых терминов, которых немало в говоре. Появилась необходимость выборки из картотеки общерусских слов говоров Среднего Приобья и из текстов в тетрадях диалектологических экспедиций (предварительно была выбрана только рыболовецкая лексика).

В процессе работы над "Атласом..." появилась необходимость введения понятия "базовая словарная статья". В такой словарной статье дается характеристика какого-либо орудия труда или предмета промысла, причем характеристика самая общая. В других словарных статьях могут быть охарактеризованы детали орудия промысла, статьи могут носить отсылочный характер. Естественно, базовая словарная статья сопровождается иллюстрацией. Но в том случае, если составной элемент сложного орудия лова представляет собой особый интерес в силу своей конфигурации или функциональной значимости, соответствующая словарная статья также сопровождается иллюстрацией. Иллюстрациями могут быть не только изображения предметов, но и схемы, например, схема размещения орудий лова на поверхности воды.

Как уже отмечалось, в дефиниции толкуется как слово, так и реалия. Поэтому в "Атласе..." сначала приводится лингвистическое толкование, которое затем разворачивается в энциклопедическую характеристику реалии. Четкого разграничения двух типов толкования внутри словарной статьи не проводится. Иногда достаточно одного лингвистического толкования и для характеристики слова, и для характеристики реалии. Если в толковании встречаются термины, образующие отдельную словарную статью, то они выделяются особым шрифтом, а в словарной статье имеется отсылка к базовой словарной статье.

Иллюстрация представляет собой полусхематическое изображение реалии с указанием её элементов, названия которых образуют самостоятельные словарные статьи, причем в качестве иллюстрации избирается изображение одного или основного из вариантов реалии, распространенной в Среднем Приобье.

В "Атласе принципиально не различаются формальные варианты и синонимы, поскольку синонимы в терминологии, как правило, дублетны, а варианты и синонимы в целом обозначают одну реалию. Варианты и синонимы указываются в алфавитном порядке в базовой словарной статье и имеют свое место в структуре всего "Атласа...", где они сопровождаются отсылкой к базовой словарной статье.

Не различаются омонимы и лексикосемантические варианты, если последние обозначают разные реалии. Оформляются те и другие как тради-

ционные омонимы.

Вопрос о форме подачи вариантов,синонимов и омонимов в "Атласе" остается открытым.Не исключено,что они будут подаваться дифференцированно,но в пределах одной словарной статьи.В этом случае сохранялась бы и лингвистическая характеристика соответствующего материала. В противном случае лингвистическая характеристика извлекалась бы только из соответствующих словарных статей базового "Среднеобского словаря".

В "Атласе..." широко используются локальные характеристики: от помет типа "Пар."(Парабельский район Томской области) до пометы "повсеместно".Помету "см."предполагается использовать в качестве указателя на базовую словарную статью,в то время как обычная отсылка будет обозначаться с помощью выделения другим шрифтом.

Названия и изображения объектов промысла - рыб в "Атласе..." не включаются.

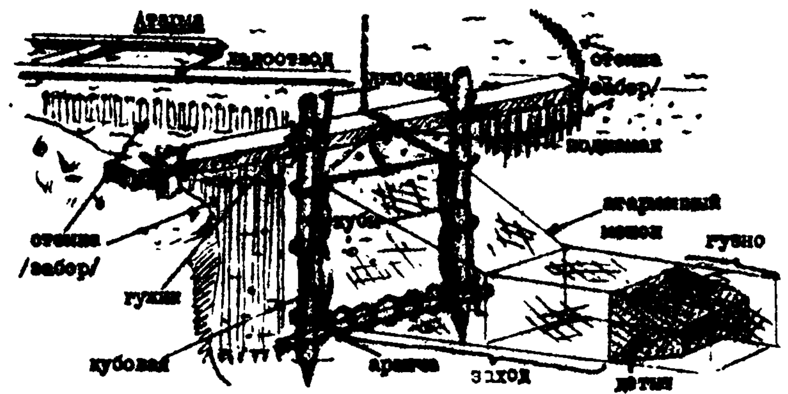
Принципы подачи иллюстративного материала формировались с учетом опыта подачи такого рода иллюстраций в других лексикографических работах (это,например,"Словарь русских говоров Приамурья", Живая речь кольских поморов"И.С.Меркурьева,"Чувашско-русский словарь"под ред.М.И.Скворцова,словарь среднесловацкого говора "Лексика Новограда"Я.Матейчика,изданный в ЧССР,лингвострановедческие словари и толковые словари для иностранцев и т.п.).

Реально препятствовать выходу подобного этнолексикографического опыта может лишь одно обстоятельство.Всё дело в обострившейся проблеме охраны окружающей среды,которая включает в себя и проблему,например,сохранения запасов рыбы в реках.А почти все включаемые в "Атлас..." орудия рыбной ловли являются сейчас запрещенными в силу своей высокой производительности для частных рыболовов,хотя и используются в модернизированном варианте на государственных предприятиях.В этих условиях некоторые словарные статьи с иллюстрациями и энциклопедическими толкованиями могут быть восприняты как своеобразные рекомендации типа "Сделай сам".Хотя дело,наверное,не в самих орудиях лова.В начале 60-х годов одна из диалектоносительниц говорила:"Вот если бы етих атармов (атарма - орудие лова)они отменили,поразнее больше было рыбы".Атармы сейчас запрещены,а рыбы в сибирских реках,мягко говоря,больше не стало ...

В заключение приводим в качестве иллюстрации отрезок пробного варианта "Атласа рыболовецкой предметной лексики говоров Среднего Приобья".

А́РЧА,и,ж. То же, что <u>арапча</u>. Том.Ярмг.

АТАРМА, м, ж. Стационарное орудие лова, рыбозаградительное сооружение (вид запора – см.), состоящее из деревянной стенки и ловушки-мешка. Употребляется весной для лова покатной мелкой рыбы (ельца, окуня, чебака). Существуют проточные и речные атармы. Устанавливается на месте наиболее интенсивного хода рыбы, в местах быстрого течения (на поворотах рек, у яра). Атарменный мешок ставится в ворота между двумя стенками. Ворота снабжены ледоотводами, защищающими мешок от попадания в него льда и других плавающих предметов. Повсеместно.

АТАРМЕННЫЙ МЕШОК. Часть атармы (с), служащая для сбора рыбы. Мешок сшивается из сети разных типов по особым выкройкам. Ширина мешка – от 3 до 5 м, высота (зависит от глубины водоема) – от 4 до 8 м., периметр входного отверстия – от 15 до 25 м, длина (зависит от периметра и быстроты течения) – от 18 до 60 м. В месте соединения захода с гузном иногда вставляется черёмуховый обруч. Заход насаживается на подбору (веревка толщиной 50 мм). К верхней части подборы привязывается поканак. В месте соединения захода с гузном вшивается детыш. Для препятствия выходу крупной рыбы и для предохранения мешка от засорения к нижней части подборы иногда пришивается подвор (до 3,5 м длины). Для выливки рыбы по углам гузна оставляют несшитыми 2 участка по 50–60 см, которые задергиваются шнурками через крайние ячеи. Низ мешка крепится к аранге, с боков к мешку привязывается по 3 черёмуховых кольца, которые надеваются на липеаны и обеспечивают прочность прикрепления к липеанам боковых сторон мешка. Размер мешка определяется участком лова. В проточных участках размеры больше, поскольку атарма здесь действует эффективней. Повсеместно.

В.П. Васильев, Э.В. Васильева

СИБИРСКИЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ

Сибирский метеорологический словарь (СМС) принадлежит к тому типу областного словаря, который, отражая достигнутый уровень изучения местных слов, представляет собой первоначальную систематизацию диалектного ономасиологического фонда, необходимого для постановки лексикологических проблем и их решения. Лексико-семантические исследования народно-разговорной речи, привлекающие дополнительный фактический материал, в свою очередь, с неизбежностью будут способствовать обогащению эмпирической базы словаря и совершенствованию его организации.

СМС, частично реализуя идею составления сводного словаря сибирских говоров[1], продолжает традицию создания диалектных терминологических словарей[2]. Замысел создания СМС возник в процессе системного изучения метеорологической лексики Кузбасса (1973-1986гг.)[3] и связан с необходимостью типологического, социолингвистического и динамического описания русской лексики Сибири (теоретическая цель), составления лексического атласа сибирских говоров (практическая цель)[4], выработки единообразной в своей основе программы собирания лексического материала (методическая цель). Таким образом, создаваемый словарь метеорологических терминов рассматривается как современная база для специализированного изучения диалектной лексики, источник для углублённых лексикологических исследований сибирского региона.

Общая характеристика СМС определяется тем, что данный словарь является м н о г о д и а л е к т н ы м, так как представляет метеорологическую лексику разных сибирских говоров – алтайских, иркутских, камчатских, кемеровских, красноярских, новосибирских, омских, при- и забайкальских, томских, тюменских; с и н х р о н н ы м – фиксирует словарный состав говоров определенного временного среза (в основном 50-90-е годы XXв.); д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м – включает в себя лексику слов и устойчивых сочетаний, неизвестных литературному языку; с и с т е м н ы м – отражает совокупность ЛСГ метеорологических слов и их эквивалентов, единицы которых находятся между собой во внутри- и межгрупповых отношениях; т о л к о в ы м – определяет значение входящих в него единиц; п р я м ы м, так как лексикографируемый материал располагается по алфавиту.

Источники СМС. При составлении СМС используются публикованные толковые и фразеологические словари русских говоров Сибири, кандидатские диссертации и научные статьи, описывающие сибирскую метео-

рологическую лексику,словарная картотека метеонимов Кемеровского университета,созданная авторами словаря и студентами на основе материалов двух диалектологических экспедиций в Яшкинский и Юргинский районы Кузбасса.

Состав словаря.В словник диалектного метеорологического словаря помещаются слова-термины разных частей речи (ВСТОК 'восточный порывистый ветер',СЕНТЯБРИТЬ 'об осенней дождливой погоде',СКАТНЫЙ 'обильный,проливной/о дожде/') и разного рода устойчивые обороты, обозначающие метеорологические явления,процессы, - устойчивые номенклатурно-терминологические словосочетания (БЕРЕГОВАЯ ПОГОДА 'ветер,дующий с берегов реки Лены')и примыкающие к ним номенклатурно-терминологические фразеологизмы (ДОЖДЬ СБОРВАЛСЯ 'о внезапно хлынувшем дожде'),а также фразеологизмы (КАЛЁНАЯ СТЫНЬ 'экспр., очень сильный мороз')и афористические выражения (пословицы,поговорки: ГРОМ ГРЕМИТ,БУДТО БОГ НА ТЕЛЕГЕ ЕДЕТ 'об очень сильной грозе').

Не входят в словник,но включаются в словарь все единицы говоров, так или иначе соотносительные с метеонимами, - ВЕТРЕНКА 'ветряная мельница',ВЕТРИТЬ 'сушить что-л.',ВЫБЫГАТЬ 'высохнуть на ветру,на морозе',ВЕТРЕНАЯ ШИШКА 'шишка,упавшая от ветра',НАДУВАТЬ УШИ ВЕТРОМ 'ирон.,сплетничать,наговаривать',С ВЕТРА ПРИШЛО,НА ВЕТЕР УЙДЕТ 'о том,что нажито на нетрудовые доходы'.

Организация словника сопряжена с некоторыми трудностями,которые обусловлены прежде всего разной интерпретацией одних и тех же единиц.В связи с тем,что некоторые метеонимы рассматриваются в областных словарях то как самостоятельные единицы,то как элементы устойчивых оборотов,возникает вопрос о границе между "составным термином как явлением лексики,подлежащим включению в словарь,и синтаксическим объединением отдельных терминов как явлением речи,оставляемым за пределами словаря"[5]. В свете решения этого вопроса привлекают внимание,например,такие прилагательные,как амур.,том. ЗАЛИВНОЙ,том. ЗАЛИВНЫЙ - 'проливной(о дожде)',забайк.,том. ЛИВНЫЙ 'проливной', том. ОБКЛАДНОЙ 'затяжной (о дожде)',которые подаются региональными словарями и автономно,и в составе устойчивого наименования - г-алт. н-сиб.ЗАЛИВНОЙ ДОЖДЬ,г-алт.ЗАЛЕВНЫЙ ДОЖДЬ 'проливной дождь,ливень';красн.ЛЕВНЫЙ ДОЖДЬ 'продолжительный (проливной?)дождь',н-сиб. ОБКЛАДНОЙ ДОЖДЬ 'длительный,затяжной,мелкий дождь;обложной дождь'. Этот разнобой в лексикографической подаче объясняется эмпиризмом составляемых словарей и неоднозначной трактовкой языковых фактов в лингвистической теории.Так,словосочетания типа ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ,ОБЛОЖНОЙ ДОЖДЬ (а следовательно,аналогичные диалектные словосочета-

ния) квалифицируются как свободные, в которых признаковые слова обладают "узко специализированным значением, реализующимся только с одним словом – ДОЖДЬ"[6], и как синтагматически связанные, ибо прилагательные как компоненты словосочетания не употребляются вне данного лексического окружения[7]. Выбором одной из версий, обладающей наибольшей объяснительной силой для лексического материала, обусловливается выравнивание сводного словника словаря. В других случаях переоценка языковых фактов влечёт к количественному изменению словника. К примеру, н-сиб. СИВЕР ПОШЁЛ 'подул холодный северный ветер с дождём или снегом', лексикографически представленное как фразеологизм, на самом деле состоит из двух переменных компонентов СИВЕР (подул, потянул) 'холодный северный ветер с дождём или снегом' и ПОШЁЛ (ветер, хиус) 'начал идти ('перемещаться массой, потоком. О движении облаков, воды, воздуха и т.п.')'. На это указывают материалы сопредельных говоров и литературного языка: Идет ветер громадною, неизмеримою массой, в ничем его не остановишь (Слепцов, Владимирка и Клязьма); Идет ветер к северу – северит (Том. Пар. Нар.). В говорах Кузбасса глагол ПОШЁЛ характеризуется полной свободой лексической сочетаемости – ПОШЁЛ, -ла ... ветер, ветерок, северный ветер, хиус, суховей, буря, падера, пурга, поземка, тянгус, метель, полаун. Неточность квалификации языкового фонда является следствием недостаточности у лексикографа контекстов, демонстрирующих серийную сочетаемость глагола ПОШЁЛ.

Структура словаря. СМС состоит из основной части – лексикографически обработанных метеонимов и трёх приложений, включающих в себя: 1. Словарь составительных с метеонимами единиц; 2. Идеографический словарь метеонимов; 3. Обратный словарь метеонимов.

Словник основной части складывается из одно- и неоднословных единиц как равноправных величин. Известные непоследовательность и разнобой в расположении неоднословных наименований и устойчивых оборотов в толковых, терминологических и фразеологических словарях[8] преодолеваются тем, что в единицам лексикографирования осуществляется двоякий подход: для СМС как [illegible]лового считается целесообразным прикреплять составные наименования к слову, а как терминологического – подавать их в качестве самостоятельных заглавных единиц. Сообразовываясь с этим, устойчивые обороты помещаются в словник либо один раз по алфавиту первого слова, если им является опорный метеоним – ДОЖДЬ ЛИТЬ 'экспр., о проливном дожде', либо два раза: а) с толкованием в естественной последовательности компонентов по алфавиту первого слова – ГНИЛОЙ ДОЖДЬ 'мелкий продолжительный дождь во время

сенокоса' ЛИНКОМ ЛИТЬ 'о проливном дожде',ПРОРВАЛО КАК ИЗ БОЧКИ 'экспр.,о сильном ливневом дожде', б)в гнезде опорного смыслового компонента (дождь)на его алфавитном месте с отсылкой "см"[9].Опорное недиалектное слово отмечается звездочкой: ДОЖДЬ* См.гнилой дождь, линком лить,прорвало как из бочки.

Формальные варианты лексикографируются как отдельные самостоятельные единицы.

Структура словарной статьи.Словарная статья состоит из семи частей:заглавная единица,грамматическая характеристика,характеристика с точки зрения употребления,толкование значения,парадигматическая часть,иллюстративный материал,ареальная характеристика:

С Е Н О Г Н О Й,-я,м.Мелкий затяжной дождь во время сенокоса.= гнилой дождь,сеногнойный дождь,сеногнойный дождик,сеногноитель,сеногноец, сыпуха,ситник,ситничек,матросей,обкладной дождь,сироты плачут (заплачут). - Бывает сеновать зачнешь и как назло сено гной, а для сена это плохо,ему ж сохнуть надо,а сеногной не перестаёт (Пий-Хем.).Заненастится на улице,сеногной месяцами не кончается,, как через сито льется (Скв.Дгл.).Пораньше зачнут,всё сено уберут, позже зачнут - сено гнить будет,сеногной пойдёт (Яшк.Пача).Дождливая погода вредна при уборке.Сеногной очень вреден при уборке (Яшк. Крыл.).Ну и говорят: начался сеногной,сено гниёт,не сушит его. А он немножко пройдёт,перестанет,а потом токо начинает подсыхать,а он опеть пойдёт.Вот самый сеногной и есть (Яшк.Итк.)... целую неделю из избушечки не выпускат.Моросит,моросит.Самый маленький сеногной, бесконечный он.Маленький-маленький,и сеет,и сеет.Сеногной станет в одну - и сыпет,сыпет,сыпет (Яшк.Итк.) + Амур.-Мих.(Поярк.),Скв. (Дгл.),Шим.(Н-Вскр.);Кем.-Юрг.(Ас.Ал.Бар.В-Тайм.Зел.Иск.Кир.Колб. Колмак.Копыл.Митр.Н-Р.Томил.).Яшк.(Итк.Колм.Крыл.Кул.Мох.Н-Тайм.Пача.Полом.Солом.С.Сстр.У-Пис.);Крас.-Пий-Хем.;Н-Сиб.-Купт.(Варак.); Том.-Колп.(Инк.),Том.(Кафт.);Хаб.-Окт.(Пуз.).

I.Заглавная единица фиксируется орфографически в начальной форме с указанием ударения.

2.Грамматическую характеристику получают только однословные термины.При сведении разнооформленных помет,а в необходимых случаях при корректировке грамматической квалификации слов,за основу берется система,принятая в МАС: МЖИЧКА,-и,ж.Мелкий дождь:БУРАН,-а или ,м. Сильный порывистый ветер в любое время года; СЛОЧНЫЙ,-ая,-ое Дождливый; РУНКО, безл. в знач.сказ. Дождливо; БУРАНИТЬ,-ит, безл., несов. Мести бурану. Незначительные отступления связаны с особенностями глагольных метеонимов и касаются указания флексии глаголов в

форме 3 л.ед.ч. (вместо I-го и 2-го), а также обозначения категории переходности посредством местоимения: ЗАБУРАНИЧАТЬ,-ает,сов.2.что. Занести во время бурана.

3. Характеристика с точки зрения употребления традиционна и максимально приближается к первоисточнику, в котором учитывается контситуация как главный фактор: СИВЕРОК,-рка,м.Ласк.к с и в е р.

4. Семантическая характеристика разрабатывается в соответствии с принципами единообразия и сопоставимости. Используются различные способы семантизации, из которых основным является семантическое (развернутое) определение: см. СЕНОГНОЙ. Второй способ - эквивалентное (переводное) толкование. Оно считается приемлемым для описания диалектных единиц, имеющих однословное одно- или разнокорневое литературное соответствие: ПОГОДА 'ветер', БОЛЬШАЯ НЕПОГОДИЦА 'пурга', ДОЖДЕВОЙ 'дождливый'. Условием для такого способа истолкования служит однозначность эквивалента, устанавливаемая по МАС. При неоднозначности литературного соответствия избирается комбинированный способ толкования - семантическое определение в сочетании с литературным эквивалентом: ДЕЙ 'сильный проливной дождь; ливень'. Каждая лексикографируемая единица снабжается дефиницией. Отсылочные определения по формуле "то же, что..." не применяются. При семантизации возникают трудности, связанные со сводимостью дефиниций, т.е. установлением идентичности/неидентичности термина, семантическая интерпретация которого несколько различна в разных словарях (ср. акур., н-сиб. и том. СЕНОГНОЙ 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' и -'мелкий затяжной дождь в сенокосную пору', но: ПОГОДА 'ветер' и -'сильный холодный ветер'), а также с определением адекватности того толкования, которое предлагается первоисточником.

Рассмотрение семантической характеристики метеонимов в пределах сводного корпуса слов с очевидностью вскрывает недостатки описания лексической семантики в региональных словарях. Их устранение может быть достигнуто в результате унификации семантических определений для деривационно связанных слов, элиминации тех или иных избыточных для толкования элементов, корректировки дефиниции слова, коренного изменения трактовки значения и т.д.

Так, при толковании деривационно соотносительных слов том. СИВЕР 'холодный, северный ветер' - СИВЕРИТЬ 'дуть северному ветру' - СЕВЕРИТЬ 'дуть холодному северному ветру' (Пар.Нар.) следует учесть их семантическую одноплановость.

В толковании ряда слов через литературный эквивалент избыточно указание на семантическую валентность - том. БУСОВАТЬ, н-сиб. МАТРУ-

СИТЬ - 'моросить (о дожде)', том.ЗАБУСИТЬ, г-алт.ЗАМАТРОСИТЬ - 'заморосить (о дожде)', но ср.: амур., н-сиб.МОТРОСИТЬ 'моросить', том.ОТРОСИТЬ 'перестать моросить' и т.д., - ибо оно содержится в определении соотносительного однозначного литературного эквивалента МОРОСИТЬ 'идти, падать очень мелкими частыми каплями (о дожде)'.

В словарях встречаются слова с неправильно намеченными значениями. Прилагательному том.СИВЕРНЫЙ приписывается несвойственное ему значение 'ветреный', которое не подтверждается иллюстрирующими его контекстами: Сиверна погода - это когда ветер с сивера (Том.Яр.). Песок нужно несёт сиверна погода (Ас.Г-Жир.). Приведенные фразы свидетельствуют о том, что относительное прилагательное, сочетаясь со словом ПОГОДА 'ветер' (погода несёт), имеет значение 'дующий с севера (о ветре); северный'. Хотя, учитывая широкое распространение корнеслова СИВЕР - 'холодный, северный...', предлагаемую семантизацию нужно признать проблематичной.

Трудно не сомневаться в истолкования слов ВЕТРИНКА 'уменьш.-ласк.к ветер', ВЕТРИНОЧКА 'уменьш.-ласк.к ветер'. Слово ВЕТРИНКА построено по модели слов типа ДОЖДИНКА 'капля дождя', РОСИНКА 'капля росы', СНЕЖИНКА 'кристаллик льда...', поэтому его значение, воссозданное с учетом изоморфизма этих структур, может быть сформулировано как 'дуновение ветра': На дворах скот держали. Двор делали, чтоб ни ветринки не проникали (Пар.Нар.). Существительное ВЕТРИНОЧКА, будучи включенным в ряд производных слов совмещающих в себе значение единичности со значением уменьшительности (см.ГРАДИНКА), может быть охарактеризовано как 'уменьш.к ветринка', или 'легкое дуновение ветра': Глухая погода, когда нет ни ветриночки, глушь такая (Яшк.Итк.).

Дефиниция 'дождливое облако' забайк.слова МОРОК требует переформулировки в 'дождевое облако' по той причине, что первоначальное семантическое определение дано с нарушением нормы лексической сочетаемости прилагательного.

5. В парадигматической части словарной статьи приводятся слова и устойчивые сочетания, семантически связанные с заглавной единицей. Каждому виду связей присваивается условное обозначение: формального варьирования, дублетности, синонимии, антонимии, партитивных отношений, отношения пересечения. Парадигматические элементы призваны отразить внутри- и межгрупповые системные объединения, внутри- и разночастеречные отношения, одно- и разноареальные связи. См. словарную статью СЕНОГНОЙ, где отражаются внутригрупповые и внутричастеречные связи лексикографируемого слова. Иллюстрацией межгрупповых системных связей может служить слово ЧИЧЕР 'мелкий

холодный дождь с ветром и снегом'.Межчастеречные системные связи понимаются как связи заглавного слова с теми единицами других частей речи,которые имеют с ним однотипную семантику и не сопрягаются в синтагматической цепи.Для субстантивных слов-метеонимов – это глаголы в безличном употреблении и слова категории состояния:НОРОШИТЬ,безл.Моросить;БУСЕТЬ,безл.О мелком,как роса,моросящем дожде. В угоду принципа экономии и принципа обозримости словарной статьи фиксируются только одноареальные (моносистемные)парадигманты,т.е.те из них,территория распространения которых совпадает с заглавной единицей хотя бы по одному ареалу.За единицу ареального членения принимается говор населенного пункта,квалифицируемый как одна система, или моносистема.Парадигматическая часть словарной статьи слова СЕНОГНОЙ содержит только одноареальные члены парадигмы.Разноареальные соотносительные единицы,имеющие безусловную информативную значимость,находят отражение в построенном по идеографическому принципу приложении.

6.Иллюстративный материал в словарной статье выполняет различные функции – подтверждает и дополняет толкование значения,демонстрирует типовую сочетаемость единицы и отчасти территорию её бытования. Количество контекстов определяется их возможностью участвовать в семантизации заглавной единицы как представленностью в первоисточниках.Как правило,сохраняется весь корпус цитат,за исключением тех контекстов,которые оказываются избыточными в плане семантизации. С целью исключения дублирования информации разными контекстами допускается частичное усечение контекстного материала,что в обязательном порядке отмечается тремя точками в прямых скобках.Однако для сводного словаря неизбежно использование в качестве иллюстраций слабосемантизирующих контекстов.К примеру,БУС 'клочковатый туман'–За горой появился бус,мы решили,что дождя не будет (Бурят.Джидин.Нарым).Бус совсем рассеялся и показалось солнце (Бурят.Бичур.Малый Кунадей). Бус – верная примета,что дождя не будет (Чит.Бырк.Мул.).Контексты не содержат данных о характере тумана ('клочковатый').В подобных ситуациях составители словаря полагаются на опыт лексикографов,первоначально обработавших материал,полностью доверяя их языковой компетенции.Вместе с тем,как уже отмечалось,при явной противоречивости контекстных данных считается обоснованной серьёзная корректировка дефиниций.

Иллюстрации помещаются в орфографическом виде с незначительными отступлениями в пользу особенностей произношения,как это принято в большинстве сибирских словарей.На первом месте располагаются естес-

твенные контексты, затем метаконтексты.

7. Ареальная характеристика указывает на область, край, район и населенный пункт, где зафиксирована диалектная единица. Географические пометы (названия района и села) сопровождают каждое контекстное употребление описываемой лексики. Кроме того, сводная ареальная характеристика в виде исчерпывающего перечня локальных помет выступает самостоятельным элементом словарной статьи. Она присоединяется особым знаком + и располагается в последовательно алфавитном порядке названия областей, краев – через точку с запятой, районов – после тире через запятую, населенных пунктов – в скобках: см. СЕНОГНОЙ. При условии лексической полисемии сводную характеристику получает каждое словозначение. Для географических помет используются типовые условные сокращения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федоров А.И. О словаре говоров Сибири//Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1966. Вып.2. №5. С.113.

2. См.: Толстой Н.И. О славянских областных словарях географических терминов//Топонимика. М.: Наука, 1967. Вып.2. С.5–8; Розен М.Ф. Словарь географических терминов Западной Сибири. Л., 1970; Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Наука, 1984. 653с.

3. Васильев В.П. Русская метеорологическая лексика Кузбасса: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 1986. 18 с.

4. См.: Попов И.А. Лексический атлас русских народных говоров Урала и Сибири//Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. инст., 1978. С.70–77.

5. Перерва В.М. О принципах и проблемах отбора терминов и составления словника терминологических словарей//Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

6. Телия В.Н. Фразеология//Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С.482.

7. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. С.267.

8. См.: Моисеев А.И. Словарная обработка составных терминов//Функционирование терминов в современном русском языке. Горький, 1985. С.56–64.

9. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. Л., 1986. С.49.

О.А. Сивко

"СЛОВАРЬ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ГОВОРОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ" КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ

В течение нескольких лет на кафедре общего языкознания Новосибирского университета ведется работа по изучению экспрессивно-выразительной лексики разговорного употребления, разрабатываются общие принципы её лексикографического описания, составлены отдельные словари - приложения к диссертационным и дипломным работам, описывающим различные группы экспрессивной лексики. Одним из таких словарей является "Словарь оценочных прилагательных говоров Новосибирской области", включающий около 900 единиц.

Наш словарь является системным, разновидностью полного словаря, так как, во-первых, описывает фрагмент лексико-семантической системы говоров Новосибирской области (НСО): в него включены общерусские, просторечные и собственно диалектные оценочные имена прилагательные, во-вторых, в нём показаны синонимические и антонимические связи, отношения полисемии и омонимии, лексические варианты слова, а также мотивационные связи вокабул - словообразовательных производных.

Каждое слово определяется с точки зрения территориального распространения - общерусское, широкоареальное собственно диалектное или узкоареальное собственно диалектное. Для выявления ареальной характеристики вокабул использовались следующие дифференциальные диалектные словари, описывающие лексику русских говоров Сибири, Забайкалья и Приамурья: "Словарь русских говоров Новосибирской области" (СГН), "Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби" (СГСО), "Среднеобский словарь: Дополнение" (СОС), "Словарь русских говоров южных районов Красноярского края" (СГЮК), "Иркутский областной словарь" (ИОС), "Словарь русских говоров Прибайкалья" (СГПБ), "Словарь русских говоров Забайкалья" Л.Е. Элиасова (СГЗ), "Словарь русских говоров Приамурья" (СГПА). Данные словари описывают такой массив русских говоров, который условно можно рассматривать как относительно единую диалектную систему сибирских говоров, состоящую из отдельных диалектных микросистем. Собственно диалектные оценочные прилагательные, функционирующие в данных лексико-семантических микросистемах и не известные в говорах НСО, представлены в Приложении к нашему словарю. Тем самым наш словарь приближается к сводным диалектным словарям, описывающим фрагмент лексико-семантической системы.

Тип "Словаря оценочных прилагательных говоров Новосибирской области" определил особенности структуры словарной статьи. Словарная

статья является структурно сложной. Она состоит из двух частей.

В первой части дается информация о семантике описываемого оценочного прил ательного и иллюстративный материал, показаны системные отношения и связи, в которые входит данное слово; во второй части словарной статьи указывается ареальная характеристика вокабулы.

Наш словарь является полным диалектным словарем, поэтому левая и правая части его частично пересекаются, в таком случае наиболее приемлемым способом толкования значения слова представляется описательный, развернутый способ, а не синонимический, как в большинстве дифференциальных словарей. Синонимический способ толкования является дополнительным, вспомогательным. Описательный способ толкования семантики вокабул является основным в таком полном диалектном словаре, как Акчимский, описывающем лексико-семантическую систему одного говора[I]. Составители Полного словаря говора с. Вершинино Томского района Томской области (Вершининского словаря) также придерживаются данного принципа описания значения вокабул[2].

Так как в нашем словаре представлен фрагмент лексической системы, т.е. определенная подсистема, встает проблема использования мотивирующих толкований для словообразовательных собственно диалектных дериватов. Собственно диалектные производные прилагательные имеют более сложные по своему составу толкования - в них условно можно выделить две части: та часть, в которой дается собственно диалектный мотиватор, дополняется описанием его лексического значения. В противном случае одно неизвестное будет истолковано через другое неизвестное. Например: ерестливый - легко приходящий в состояние раздражения, злости, склонный ереститься, сердиться, браниться; жлобистый - такой, который жлобится, ведет себя, как жлоб, очень жадный.

В связи с проблемой описания семантики слова встает вопрос об отборе иллюстративного материала, который не просто подтверждает данное толкование значения, но и наглядно демонстрирует своеобразие употребления слова в языковой системе.

Вслед за Н.А. Лукьяновой[3] мы считаем, что в качестве основного иллюстративного материала должны быть представлены "естественные" контексты, которые фиксируют живую разговорную речь носителей говоров. Спровоцированные, "искусственные" контексты, полученные во время целенаправленных бесед-опросов с опорой на языковое чутье информантов, играют вспомогательную роль, они подтверждают семантическое определение вокабулы.

При составлении словаря нам необходимо было решить также некоторые вопросы, связанные с определением ареальной характеристики

вокабулы. Как уже отмечалось ареальная информация о слове представлена во второй части словарной статьи.

Первое, что мы должны были показать, так это общее и различное в значениях прилагательных в разных лексических микросистемах сибирских говоров. Кроме того, мы должны были решить вопрос о вариантности лексических единиц при определении ареальной характеристики слова.

Первая задача решалась путем сравнения дефиниций оценочных прилагательных, представленных в различных словарях сибирских говоров. Выделены следующие типы отношений между этими словами.

I. Количество значений совпадает в разных говорах Сибири. Выделяются две разновидности отношений этого типа:

а) отношения абсолютного тождества – одному означающему соответствует одно и то же означаемое (значение) в разных сибирских говорах, например: неповаженный "избалованный" – НСО и (СГСО)*; драчливый "драчливый" – НСО и (СОС), разговорчатый "разговорчивый" – (СГН), (СГСО) и (СГПБ); могутной "обладающий большой физической силой, выносливый" – (СГН), (СГКК) и (СГПБ) и т.д.

б) одному означающему соответствуют разные означаемые (значения) в разных говорах Сибири, например: наречистый "разговорчивый, словоохотливый", – (СГН), (СГСО), (СГПА) и наречистый "умеющий хорошо говорить, красноречивый" – (ИОС), (СГКК), (СГПБ); досужий "не в меру любопытный" – НСО, досужий "умелый" – (СОС); душной "издающий неприятный запах" – (СГН), (СГКК), (СГСО) и душной "с хорошим запахом" – (СГСО) и т.д.

Количество значений оценочного прилагательного не совпадает в разных говорах Сибири – отношения относительного тождества: планы содержания формально тождественных единиц совпадают частично, например: маловытный "имеющий плохой аппетит" – (СГН), (СГКК), (ИОС), (СГСО) и маловытный I. "имеющий плохой аппетит" и 2. "слабосильный" – (СГПБ); жоркий "имеющий хороший аппетит" – НСО, (СГПБ), (СГСО), жоркий I. "имеющий хороший аппетит" и 2. "аппетитный, вкусный" – (СГКА).

Прилагательное, отмеченное в говорах НСО, может иметь одновременно различные типы связей с формально тождественными словами, функционирующими в разных сибирских говорах.

Давая ареальную характеристику вокабуле, мы указываем словари, в которых зафиксировано данное прилагательное, а также даем иллюстративный материал из этих словарей.

---

*В скобках указаны словари, в которых зафиксировано данное слово, помета НСО дается при условии, что прилагательное, известное в говорах НСО, не отмечено в СГН.

Лексическими вариантами (ЛВ) слова мы признаем единицы,функционирующие в пределах одной диалектной микросистемы.С точки зрения территориального распространения могут быть выделены следующие виды ЛВ: общерусские,широкоареальные и узкоареальные.Возможны следующие вариантные ряды,составленные из ЛВ различных видов.

I.Трехчленный вариантный ряд,образованный минимум из трех ЛВ различных видов:никудышный /МАС/ - никудышний /СГСО/ - никудашний /НСО/.

2.Двухчленные вариантные ряды могут состоять минимум из двух ЛВ различных видов либо из ЛВ одного вида:

дрожий (МАС) - дрожой (ИОС,СГПА;СГПБ,СГЗ,СГСО);

дерзкий (МАС) - дёрзкий (НСО);

шебутной (СГПБ,ИОС) - шабутной (НСО);

баский (ИОС,СБКК,СГСО,СГПБ) - боский (НСО);

колотной (НСО) - колотный (НСО);

могутной (СГКК,СГСО,СГПА) - могутный (СГКК,СГПБ,ИОС,СГЗ).

В нашем словаре указываются также прилагательные, которые минимально отличаются от вокабулы в формальном плане при тождестве значений и не зафиксированы в говорах НСО.Например: казистый (НСО,ИОС) и газистый (СГЗ) "привлекательный внешне,миловидный" и др. Данные лексические единицы можно рассматривать как ЛВ одного слова очень условно,так как нет же каких-либо данных о том,что они могут употребляться в пределах одной лексической микросистемы.Не отмеченные нами в говорах НСО ЛВ приводятся как справочный,дополнительный материал для вокабулы.

Наиболее сложной является проблема использования в диалектном словаре эмоционально-оценочных помет.В семантическом содержании оценочного слова, как отмечает Н.А.Лукьянова,закреплена инвариантная сема,"связанная с отражением целостного отношения между субъектом и "предметом" на уровне реальной действительности"[4],мнения субъекта о "предмете" речи,которое выражается при помощи эмоций, чувств различной степени.На основании изучения семантики экспрессивной лексики,отраженного в работах Н.А.Лукьяновой,В.Н.Телии[5], Т.А.Графовой[6] и др.,а также результатов нашего анализа оценочных прилагательных,в словаре приняты следующие эмоционально-оценочные пометы: неодобр.("неодобрительное"),осудит.("осудительное"), пренебр.("пренебрежительное"),презр.("презрительное"),бран.("бранное"),одобр.("одобрительное"),сочувств.("сочувственное").

Приведем примеры словарных статей.

БЕССОЛЫЙ,-ая,ое. I.Без соли,невкусный.-Суп какой-то бессолый,

невкусный (Новоключи Купин.).

2.О чел.:не отличающийся умом,с трудом,плохо соображающий.Пренебр.,презр.- Ой,тридцать лет парню,а всё бессолый,всё как дитё малое (Каргат Каргат.); Кака-то девка у них бессолая: пока это она допетрит - её сорока на подстилку в гнездо утащит (Каргат Каргат.) Бессолая баба,какая в ей польза: по дворам балберит ходит (Там же).

СГ: бесголовый, беспонятный, пустоголовый ...

АГ: большеголовый (2 зн.), большеумный, вострый, головастый ...

БОЛЬШЕРОТЫЙ,-ая.I.С большим умом.-Большеротый - это рот большой. Могут и сказать:"Рот большой,рот до ушей - хоть завязочки пришей" (Болтово Сузун.).

2.Чрезмерно громко разговаривающий,нередко переходя на крик. Осудит.,презр. - Тише,не орите,таки большеротые пришли (Иткуль Чулым.); Он большеротый такой,как начнет говорить - хоть уши затыкай (Дубровино Мошков.); Ещё говорят: большеротый,разинул хайло-то своё и орёт чё попало (Болтово Сузун.).

СГ: горластый, хайластый, шумливый, шумоватый ...

== СГН

== СГПБ-I: Большероты все бабы-то наши, пото и с мужиками плохо живут.

== СГПА: Большеротый орет,разинет рот и орет на всю улицу.

3.Не умеющий хранить тайну,раскрывающий посторонним все свои секреты.Пренебр.-Иное что и надо утаить,а у большеротого всё наголе, всё расскажет (Кожурла Убин.).

СГ: бесхитрый,простодырый ...

БРЕХЛИВЫЙ,-ая.I.Такой, который лает попусту,"брешет"(о собаке). Неодобр.-Да замолчи ты,Тузик!Кака брехлива собачонка!" (Болтово Сузун.).

2.Имеющий склонность 'брехать',говорить много пустого,вздорного,нередко ложь (о чел.).Осудит.,презр.- Тем есть брехливы старушки, сами себя не узнают (Баган Баган.); Шибко-то не бреши,не бреши.А мы и сидим тута слушаем.Ишь,брехливый (Убинское Убин.);Брехливый человек неправду скажет,а надо правду говорить (Там же).

СГ: болтливый, болтоватый,брехучий, треплвый ...

== СГПБ-I:I.-Дак кака вера бабам-то,уж и брехливы оне.

СГПБ-I:2. Такой,который ругается без причин и без повода.- Суседка у ей беда брехлива,просто пустолайка,напустится и облаивает.

ВОСТРЫЙ,-ая.О чел.:отличающийся "острым умом",сообразительностью.Одобр.-Я слушаю,слушаю,как это они комуну делают - неправиль-

во делают! Одни и говорят: ты вострая, возьми и выскажи, выговори. Я только не списывала, не слизывала с бумажки, я с потолка буду брать (Баган Баган.); Вострый мужик-то, учился (Болтово Сузун.).

СГ: большеголовый (2 зн.), большеумный, головастый ...

АГ: безголовый, бессодлый (2 зн.), бестолковый, п этоголовый ...

== СПБ-I: I.Экспр. - Вот уж у вас парень востро, пробитной, грамотный, вострый парень, вострёнинй парень-то; Вот ешшо бабушка Фёкла, я вам натакаю. Вот вострa старуха. Она така старуха однако, начётна, песельница была.

== СОС-I: В О С Т Р О Й.- Таська, вишь, кака востра, вострушка.

СПБ-I: 2.Быстрый, ловкий.-Я-то тогда ешшо вострый был - везде поспею; Девка така востра, всё поспеват: и работать, и повеселиться.

СПА: Вострый народ бегат.

СГЗ: О предмете: острый.-Топор-то какой вострый. Вострым как рубанешь - и полдерева долой; Его забавы - мне вострый нож в горле.

ПРИМЕЧАНИЯ

I.Свитова Ф.Л., Грузберг Л.А., Адливанкин С.Ю. Введение//Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, Изд-во Пермск. ун-та, 1984. Вып. I. С. 15-17.

2.Блинова О.И. Полный словарь одного говора//Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнег Востока: Тезисы докл. Краснояро : Изд-во Красноярск. госпединст., 1988.

3.Лукьянова Н.А. О контекстных условиях реализации семантики экс прессивного слова: (К вопросу об экспрессивном контексте)//Экспрессивность на разных ур внях языка.-Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1984.

4.Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: (Проблемы семантики). Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1986. С.54.

5.Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

6.Графова Т.А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.

М.Н. Янценецкая

О СРЕДНЕОБСКОМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ

Сопоставительный словообразовательный словарь,над которым работает большой коллектив сибирских диалектологов[1],строится на материалах среднеобского диалекта (территория Томской,частично Кемеровской,Новосибирской областей и Алтайского края),которые будут представлены в сопоставлении с данными русских говоров Восточной Сибири (иркутских,красноярских и др.) и европейской части Советского Союза.

Разносторонний сопоставительный фон словаря предопределяет его широкие информационные возможности.

Во-первых,такой словарь поможет выявить степень словообразовательной общности сибирских говоров,их,так сказать,"классификационный статус",место в диалектном членении русского языка.

Во-вторых,материалы словаря дадут возможность установить характер соотношения словообразовательной подсистемы среднеобского диалекта и в целом русских говоров Сибири с общей словообразовательной системой диалектного языка.

Следует отметить,что в существующих диалектных классификациях русские говоры Сибири не находят отражения[2],хотя вопрос об их самостоятельности был поставлен ещё в первой половине нашего века[3], а специфика западносибирских и восточносибирских говоров рассматривается в целом ряде работ сибирских диалектологов.

В настоящее время нужны разного типа сопоставительные материалы,которые позволили бы выполнить полное описание говоров Сибири и решить вопрос об их месте в общей системе русских народных говоров. Подготавливаемый коллективом диалектологов словообразовательный словарь призван способствовать решению поставленной задачи.

В-третьих,сопоставление словообразовательных систем литературного языка и говоров Сибири позволит выявить специфику последних, наметить те точки расхождения,которые могут стать источником взаимного обогащения обеих систем и придания литературному языку сибирского "колорита".

В условиях Сибири русский литературный язык испытывает влияние, с одной стороны,местных диалектов,с другой - языка тех групп людей,которые приехали сюда из разных мест нашей страны осваивать природные богатства Сибири.

Влияние местных диалектов на литературный язык проявляется в формировании локально окрашенных вариантов литературного языка,что сказывается,прежде всего,на его орфоэпических нормах .

Особенности такого рода, несомненно, имеются и в области лексического состава литературного языка, лексической семантики и морфемной структуры отдельных групп слов. Исследование данного явления невозможно без предварительной лексикографической обработки местных языковых материалов.

Указанная направленность словаря диктует синхронный лексико-словообразовательный аспект, в котором должны быть представлены производные слова.

При синхронном подходе в центре внимания оказывается мотивационная структура слова.

Производное, возникшее на второй и далее словообразовательной ступени, обладает вариативной морфемно-словообразовательной структурой, и его основа может быть рассмотрена как совокупность простейших морфем, объединяющихся в различные варианты производящих основ и словообразовательных формантов.

Множественность морфологической мотивации в этом случае есть не только факт деривационной истории слова, но и способ существования производного в синхронной системе, и одновременно условие функционирования в речи вариантов его словообразовательной структуры в качестве актуализаторов непосредственных словообразовательных отношений.

Описание производных с лексико-словообразовательных позиций означает внимание к лексико-тематическим характеристикам производных, так как тема образует ту семантическую область, в рамках которой реализуется продуктивность аффиксов, происходит взаимодействие синонимичных и несинонимичных словообразовательных типов, создается специфика словообразовательных типов разных диалектов.

Совмещение словообразовательных и "тематических" характеристик происходит на уровне лексико-словообразовательного значения, которое и оказывается в центре сопоставительного словообразовательного словаря среднеобских говоров.

Словообразовательные значения различаются семантическими элементами, лежащими в основе общения, и как следствие - степенью обобщения. Морфолого-словообразовательное значение строится на частеречном соотношении производящего и производного ("опредмеченный процесс", "опредмеченный признак" и т.д.). Оно характерно для синтаксических дериватов. Менее абстрактным является собственно словообразовательное значение, содержащее указание на определительный или функциональный принцип номинации, обусловливающий проявление пропозициональной основы словообразовательного механизма ("суб

ект по действию","действие помощью орудия"и т.п.).

Дальнейшая конкретизация значения происходит на уровне ЛСЗ, за счет отражения в нем тематической принадлежности производящего и производного ("лицо по животному - объекту промысла","помещение для животных"и др.).В лексико-словообразовательном значении легко угадываются значения собственно словообразовательное и морфолого-словообразовательное.

Избранный аспект описания материала позволяет соотнести обобщенное значение словообразовательного форманта с разными видами словообразовательных значений.

Во всех указанных выше случаях формантное значение не является абсолютным,оно так или иначе ограничивается и конкретизируется мотивирующей семантикой.С этой точки зрения словообразовательный тип следует рассматривать как лексико-словообразовательную единицу языка,способную устанавливать непосредственные и опосредованные связи между формантными (грамматическими) и тематическими (лексическими) значениями.

В словаре должно быть показано также,как обобщенное словообразовательное значение преломляется в семантике одного производного слова и каково в нем соотношение элементов словообразовательного и лексического значения.С этой целью в словарную статью предполагается ввести соответствующую систему помет[7].

Принцип организации модификационного значения иной.Модификаты с единым словообразовательным формантом обобщенным значением не обладают,их семантика структурируется по цепочечному принципу.Каждый вид модификационного значения поддерживается "своей"мотивирующей семантикой (модификаты вещественных существительных имеют значение ласкательности,отвлеченных - уничижительности и т.п.).Всё это определяет специфику словарной статьи модификационных производных.

ПРИМЕЧАНИЯ.

I.Сиайнценецкая М.Н. О принципах построения диалектного словообразовательного словаря//Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии:Актуальные проблемы подготовки и издания словарей.М.:Русский язык,1968,С.212-214;Диалектное словообразование:Методические разработки и рекомендации. Кемерово:Изд-во Кем. ун-та,1989.Вып.2-3.

2.См.,напр.:Захарова К.Ф.,Орлова В.Г.Диалектное членение русского языка.М.:Наука,1970. 164 с.

3.См.об этом:Черных П.Я.Сибирские говоры. Иркутск,1953.-95 с.

И.А. Воробьева

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА В.М.ШУКШИНА
(проект)

В.М.Шукшин - один из самых выдающихся и самобытных писателей нашего времени,роль и значение которого для советского и мирового искусства с каждым годом,с каждым его прочтением и осмыслением все более и более возрастают.Как иногда случается,время и историческая дистанция позволяет,наконец,осознать,что для нас значит В.М.Шукшина,как он нам помогает в постижении жизни,в понимании наших корней и нашей истории.

В.М.Шукшин выразил думы и чаяния русского народа на определенном историческом рубеже: от крестьянского переселения в Сибирь до наших дней,куда вошли и гражданская война,и коллективизация с их катаклизмами,Отечественная война,трудные послевоенные годы,массовый уход сельских жителей в города и многое другое.Он воссоздал бытие народа,его национальный характер,воссоздал на таком проникновенном художественном уровне,философском и эстетическом,к осмыслению которого мы только ещё приступаем.Вот почему совершенно прав С.Залыгин, когда утверждает:"Роль В.Шукшина для современного искусства,литературы очень велика и до конца ещё далеко не понята,а ведь Шукшин принадлежал русскому искусству в той его традиции, в силу которой художник не то, чтобы уничтожал себя, но не замечал самого себя перед лицом того предмета, который становится для него предметом искусства... Он представляет то искусство, которое есть не только правдивое, не только талантливое изображение жизни, но и сама жизнь-реальная, повседневная, героическая, какая угодно" [1].

Одна из самых сильных сторон творчества В.Шукшина заключается в его языке. Язык В.Шукшина, как мы сейчас понимаем, сыграл большую роль в развитии русского литературного языка 60-х годов XX века. В нем отразились языковые процессы, характерные в целом для языка деревенской прозы. Более того, "он противостоял обезличенному стандартизованному языку прозы 40-50-х годов, подчиненному жестким запретительным нормам" [2].

Любой читатель не обойдет вниманием яркую черту стиля писателя - разговорно-обиходный язык его произведений. Причем разговорный характер речи присущ не только диалогу, мастером которого был Шукшин, но и его монологической речи: описанию, повествованию, рассуждению. Это происходит потому, что в его произведениях повествователь - это чаще всего рассказчик, он близок к персонажам и говорит их языком. Поэтому нельзя не согласиться с Евгением Черносвитовым, который пишет: "Со всеми основаниями можно утверждать, что все, что порождало

творческое воображение Шукшина, в какой бы ипостаси он не выступал-писатель, кинодраматурга, режиссера, актера, публициста, - сильно рассказом. Что бы ни делал Василий Макарович, он соскальзывал на рассказ. Именно рассказывал, а не показывал. И тайна сия есть в сокровенном, а не зримом" [3].

О диалектном богатстве, отраженном в рассказах писателя, свидетельствуют работы исследователей его языка. Так, Т.Ф.Байрамова, О.Ф.Шарабарина утверждают, что только в 27 рассказах Шукшина насчитывается 69 диалектных слов разных видов, большинство из которых характерно для говоров Сибири в целом и Алтая в частности. Ни в одном диалектном словаре не отмечены такие лексемы, как досвиданькаться, оплекать ("убежать"), раздешкой, полоскать ("бегать"), приваривать("сильно ударять") и др.[4]

Разговорно-просторечные слова в контексте произведений В.М.Шукшина приобретают дополнительные коннотации, поэтому их семантика может быть выявлена лишь контекстуально. А.В.Прошин в этой связи приводит пример со словом "крой всех", подведение которого под словарное значение "бранить, критиковать" обедняет семантику данного слова в рассказе "Наказ".[5].

Пристальное внимание к семантике слов в языке Шукшина приводит ученых к мысли о семантических наращениях при их употреблении. Так, Т.Г.Аркадьева устанавливает седьмое переносное значение слова столб - "о молчаливом, неразговорчивом, погруженном в свои мысли человеке", а в глаголе завиться - пятое переносное значение "пойти куда-нибудь вызывающе, назло, с лихостью".[6] Отмечено в языке Шукшина редкое сочетание народных слов с книжными формами, "в результате на небольшом пространстве объединяются контрастные по стилистической окраске речевые средства" [7].

Поражает фразеологическое богатство языка В.М.Шукшина. Как утверждают Л.К.Байрамова, И.Садыкова, на один рассказ приходится от 15 до 30 фразеологических единиц [8], и в каждом из них есть группа фразеологизмов, созвучная названию рассказа и отражающая его тему: оживать в памяти, мысли лезут в голову - в рассказе "Думы", поднять на смех, разобрать по косточкам, ни в зуб ногой - в рассказе "Критики" и т.д. Более того, писатель, как правило, не повторяет ФЕ: общий фонд очень невелик, лишь 1/15 часть. Причем он использует ФЕ не только в нормативном, но и трансформированном виде [9]. Обсуждение языковых особенностей произведений В.М.Шукшина на Всесоюзной конференции, посвященной 60-летию писателя (Барнаул, июль, 1989г.), привело всех к мысли, что настала пора создания словаря языка В.М.

Шукшина. Это нашло отражение в решении данной конференции. Создание Словаря предполагает коллективную работу многих лингвистов страны. Выразили свое желание работать над словарем лексикографы Ленинграда, Казани, Бийска. Возглавить эту работу поручили ученым Алтайского государственного университета. Настоящая статья есть первая попытка осмыслить значение такого словаря и принципы его построения.

Словарь языка Шукшина не только войдет в систему уже имеющихся или готовящихся словарей, но и будет иметь свою специфику в связи с тем художественным своеобразием языка и стиля писателя, о котором говорилось в начале статьи.

От других словарей писателей словарь языка В.М.Шукшина отличается тем, что он будет, прежде всего, разговорно-диалектный словарь современности. Он выполняется в русле тех задач, которые поставлены в настоящее время перед лексикографией в связи с проблемой "словарь и культура". Тем более, что мы осуществляем замысел самого В.Шукшина: составить сибирский разговорный словарь. Большущим делом называл Шукшин необходимость составления такого словаря: "Чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно пора открыть и выгрести все добро и раздать".[10].

В словаре должны быть представлены, в первую очередь, все слои разговорной лексики: разговорные слова, просторечия, жаргонизмы и диалектизмы. Поэтому словарь В.М.Шукшина тесно соприкасается с готовящимся в Алтайском университете диалектным словарем Алтая. В.М.Шукшин был большим знатоком речи своих земляков: он её постоянно изучал и записывал. Его племянник С.Зиновьев вспоминает: "Как-то у него появился маленький японский магнитофон. И он всегда с ним приезжал. Брал его с собой, когда мы бродили по деревне, и включал, когда случался на улице разговор с кем-нибудь из стариков. Он особенно любил записывать большие шумные разговоры и речь стариков, которые, как я теперь понимаю, сохранили колорит народного языка".[11]. С другой стороны, словарь языка В.М.Шукшина покажет его роль как художника слова в создании новых семантических оттенков у слов и тем самым определит его место в истории русского литературного языка второй половины XX века.

Теоретической базой, как и в предшествующих случаях, является работа Л.В.Щербы, из которой следует, что словарь языка В.М.Шукшина должен быть исчерпывающим:[12] в него должны быть включены <u>все</u> слова, когда-либо употребленные им во всех художественных и публицистичес-

ких произведениях. Причем существенным моментом при етом должны выступать показатели частотности употребления слова и даже отдельного значения.

Дефиниции слова даются, исходя из контекстов употребления с опорой на такой словарь русского литературного языка, как академический словарь в I7 томах. Предполагаем, что градации семантической структуры многозначных слов в словаре Шукшина не могут полностью совпадать со словарными из I7-томного словаря.

Проектируемый словарь не может не включать в себя систему помет, определяющих стилистическую характеристику слова. Основы такого разграничения лексики еще предстоит разобрать, так как опора только на нормативные словари едва ли будет приемлема: часть слов уже изменила свою стилистическую принадлежность и особенно в контексте произведений В.М.Шукшина. Думается, что необходимы разграничения слов и по сферам их применения (диалектизмы, жаргонизмы), и по стилистическому использованию (книжные, разговорные, просторечия и др.

В словарную статью включаются, как правило, и отрывки из произведений В.М.Шукшина, иллюстрирующих употребление слова или его значения. Трансформированные фразеологизмы должны быть определены как по семантике, так и по восстановленной общепринятой форме.

Первым этапом в работе над словарем является создание картотеки, при этом встают, как правило, две проблемы: источники выборки и техника выборки. Что касается источников, то слова должны быть выбраны из всех собственных текстов (исключая цитаты, песни) вне зависимости от жанрово-стилистической направленности произведений. Работа над картотекой затрудняется тем, что до сих пор не издано полное собрание сочинений В.М.Шукшина, сделанное по всем правилам текстологии. Выход видится в том, чтобы использовать все напечатанное, не пропуская и отдельных заметок. В этом случае нам придется ориентироваться на работу Л.Муравинской, где приводятся даты и место издания трудов Шукшина. Приходится сожалеть, что не разобраны черновики, варианты, незаконченные произведения. Так, по мнению Л.Муравинской, "в последние месяцы жизни Шукшин работал еще над одним произведением, вероятнее всего, повестью, которую можно было условно назвать "Драма в тайге"...[13]

Большое значение имели бы и варианты произведений, не прошедшие суровую редакторскую правку. О том, что Шукшина "правили" и особенно его язык, свидетельствуют многие факты. Вероятно, создателям словаря придется работать и над архивом писателя.

Что касается техники выборки, то она на современном этапе не может быть ручной. Из двух более прогрессивных путей создания картотеки: 1) с использованием ЭВМ и 2) с использованием средств оперативной полиграфии, мы останавливаемся на первом. Применение ЭВМ ускорит работу над созданием картотеки, сохранит точность воспроизведения текста. Программа введения текстов для словаря в машину разработана в Томском государственном университете под руководством Г.А.Ракова. Эта программа может быть использована и для нашего словаря.

Одновременно с созданием картотеки в вузах-учредителях словаря языка В.М.Шукшина предполагается усиленное изучение языка писателя через систему научных статей, курсовых и дипломных работ студентов.

Примечания

1.Залыгин С. Герой в кирзовых сапогах //В.М.Шукшин.Собр.соч.: В 2 т. Т.1. М.:Молодая гвардия,1975.С.6.

2.Кожевникова Н.А.,Николина Н.А. О языке В.М.Шукшина //В.М.Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С.62.

3. Черносвитов Е. "Только это не будет экономическая статья..." Шукшинские чтения. Барнаул: Алт.кн.изд-во, 1989. С.33.

4. Байрамова Т.Ф. Шарабарина О.Ф. Место и роль диалектизмов в рассказах В.М.Шукшина //В.М.Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С.100.

5. Прошин А.В. Прагматический аспект речи персонажей в рассказах В.М.Шукшина//В.М.Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул,1989.С.100.

6. Аркадьева Т.Г. Семантические наращения слов в рассказе В.Шукшина "Письмо"//В.М.Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул,1989.С.94.

7. См.указ.статью Кожевниковой Н.А., Николиной Н.А. С.63.

8. Байрамова Л.К., Садыкова И. Фразеология рассказов В.М.Шукшина// В.М.Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С.96-97.

9. Там же. С.96.

10.Шукшин В. Ненаписанная автобиография// Смена, 1975.№ 1975,№19, С.26-27.

11.См. Он похож на свою родину//Земляки о Шукшине Барнаул:Алт.кн. изд-во,1989. С.109.

12.Щерба Л.В. Очерки общей теории лексикографии//Известия АН СССР: Отд. лит-ры и языка, 1940. №3. С.92.

13.Муравинская Л. Хроника жизни и творчества В.М.Шукшина в документах письмах, воспоминаниях //Он похож на свою родину. Барнаул: Алт.кн. изд-во,1989. С.245.

Т.С. Коготкова

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Вопрос о связи областной номинативной лексики с проблемами современного терминоведения разработан в науке недостаточно. Между тем в эпоху научно-технической революции разговор о народно-диалектном происхождении многих терминологических единиц (ТЕ) и даже терминологических систем (ТС) актуален не только в терминостроительной практике, т.е. при разработке государственных и отраслевых терминологических стандартов, но и в культурноречевой пропаганде, если иметь в виду, что терминологическая лексика находит регулярный выход через прессу и другие средства массовой информации в общее употребление.

Как известно, областная лексика предметно-номинативного содержания является однословным корневым фондом в различных стандартизованных ТС современного русского языка[I]. Предпосылки для этого заложены во внеязыковых условиях существования любого национального языка, в той материальной, духовной и культурно-исторической общности, существенные звенья которой являются идентичными в системе общенародного языка и в конкретных отдельно взятых диалектно-языковых системах. Прямолинейное отражение реальной жизни в словарном запасе любого естественного языка позволяет рассматривать лексическую систему как совокупность тем, идей, понятий, составляющую все материальное и духовное многообразие объективной действительности.

Выделение народной речи как основной среды, где прежде всего находятся истоки генетически самобытной национально-русской терминологии, заставляет исследователей обратить внимание на областную русскую лексикографию. Областной словарь - это едва ли не основной источник для установления прототипа стандартизованного (или нестандартизованного) современного термина, а также его содержательного (реально-специализированного)наполнения.

Областной словарь в этом случае выступает как вторичный источник с заданными свойствами (в нашем случае - в части показа и лексикографического раскрытия в нем профессионально-производственной лексики). Известно, что лингвистическое источниковедение позволяет включать в круг своих источников не только памятники письменности или записи народной речи, но и сами лингвистические издания

разной направленности, связанные с разработкой конкретной научной темы или проблемы[2].

На сегодняшний день областная лексикография располагает достаточно обширным списком областных словарей, начиная от словарей XIX века ("Опыт областного великорусского словаря", "Дополнение к Опыту областного великорусского словаря и Словаря В.И. Даля) и кончая региональными словарями сегодняшнего дня, создание которых осуществляется как результат фиксации живой народной речи, непосредственно протекающей перед наблюдателем диалекта, диалектологом-лексикографом.

Хронологический срез народно-диалектной лексики, отмеченной в этих словарях, достаточно широк. (Первую запись областных слов В. Далем, к примеру, исследователи относят к 1819 году[3]. Если иметь в виду в е с ь список областных словарей, то следует констатировать, что коллекционирование и наблюдения за областной лексикой ремесленно-производственного содержания ведутся более чем за полтора века. Продолжительность таких наблюдений говорит об устойчивости или неустойчивости слова и его семантики, о характере семантических сдвигов в слове, наконец, позволяет устанавливать коммуникативные сбои при реальном употреблении слов с производственной семантикой в народно-диалектной среде и его же в речевом обиходе современных производственников.

Означенная в заглавии тема доклада заставляет более подробно остановиться на тех лексикографических изданиях, в словнике которых наименование реалий, процессов, свойств предметов, относящихся к многочисленным видам хозяйственной и производственно-промысловой деятельности русского народа, занимает заметное место.

Потребность в своде специализированных слов в общепонятных и общедоступных пояснениях их стала ощущаться уже в начале ХУШ века. Создание терминологических словарей, выходивших либо отдельными, либо прикнижными изданиями, составляло в России прошлого века одну из заметных сторон в деятельности различных профессиональных объединений, таких как Русское техническое общество, Общество русских врачей, Гидрографических департаментов и п. д. Словники этих лексикографических пособий были невелики, а по составу слов (местных и общеупотребительных) неоднородны.

Выход России на капиталистический путь развития, первые шаги по интеграции промышленно-производственной деятельности выдвинули на повестку дня упорядочение самого речевого общения. Полное взаимопонимание невозможно было без уточнения и сведения воедино спе-

циализированных слов и преодоления местного колорита в их семантике.

Третьим лексикографическим изданием явился "Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного" В. Бурнашева (1843 г.). Остановимся на этом издании подробнее. Словник "Опыта" содержал 25 000 терминов и был определен в результате выборки терминологической лексики из трехсот томов разных специальных книг на русском языке, а также из общения автора с множеством производителей по разным отраслям сельского хозяйства, посещая при этом разные мастерск , постоялые дворы, лавки, рынки, торжища, народные собрания.

Тематический диапазон словника "Опыта" очень широк. О его характере пишется в предисловии к книге следующее: "Слова эти принадлежат к полеводству, луговодству, огородничеству, садоводству, домоводству, домостроительству, скотоводству, овцеводству, коневодству, свиноводству, пчеловодству, птицеводству, рыболовству, лесоводству, хмелеводству, шелководству, землеизмерению, плотничеству, кузнечеству, столярничеству, бондарничеству, слесарничеству, кожевничеству, купнерству, портняжничеству, сапожничеству, ткачеству, валянию, солодовничеству, медоварению, салотоплению, воскобелению, свечелитству, пивоварению, свежеванию, хлебопечению, торфоразыскани̇ю, свеклосахароварению, паточному и крахмальному производству, винограде-разводению, виноделию, винокурению, смолосадничеству, гончарничеству, солеварению, соледобыванию, рудокопству, металлоплавлению, птицеловству, звероловству, судостроению, судоходству и проч. И наконец, житью-бытью русского простолюдья, т.е. обрядам, обычаям, описанию жилищ, пищи, пития, одежды, обуви, времяпрепровождения, увеселений и проч. проч. в разных полосах нашего обширного государства".

Содержание и методы составления первого в русском языкознании словаря специализированной лексики "Опыта" В. Бурнашева можно использовать и в современной работе диалектологов по созданию региональных словарей.

Фиксация тематически детерминированной лексики в говорах и в городском просторечии - один из существенных аспектов в общей проблематике диалектной лексикологии. Интенсивная смена предметно-понятийного фонда в современной деревне, естественно, влечет за собой выпадение многих слов (или целых пластов лексики) из языковой системы говора. В этих процессах перехода традиционно-местных слов в пассивное употребление или даже выпадение их из употребления вооб-

ще соблюдается жесткая зависимость от наличия или отсутствия внеязыковой опоры в виде конкретной реалии, денотата. Если специфическая для деревни реалия функционально нагружена, то слово, её называющее, живет в речи всех возрастных и социально-образовательных групп деревенского населения[4].

Всякое упущение во времени необратимо для регистрации тематически детерминированной номинативной лексики в говорах и в городском просторечии.

Предложенный только что перечень производственных занятий по "Опыту" В.Бурнашева это не только полная систематизация исконно национальных черт деятельности русского населения, но и практическая подсказка для выбора темы по сбору и изучению тематически-детерминированной лексики в говорах или по письменным источникам в местных изданиях разной хронологической приуроченности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Коготкова Т.С. Опыт лингвистического описания одной терминосистемы//Культура речи в технической документации.М.:Наука,1982.
2.Котков С.И. О предмете лингвистического источниковедения.// Источниковедение и история русского языка.М.:Наука,1964. С.8; Он же: О лингвистических источниках с заданной информацией и некоторых других//Лингвистические источники.Фонды Института русского языка.М.:Наука,1967. С.5-6.
3.Канкава М.В. В.И.Даль как лексикограф."Подна". Тбилиси,1958. С.54.
4.Развитие железнодорожных, водных и воздушных путей сообщения в Сибири послужило причиной для выхода из активного употребления лексики ямщины и связанных с нею промыслов.По наблюдениям А.М. Кошкаревой,76,9% от всех изученных ею слов этой тематики (2 000 единиц) - архаизмы, пассивный фонд словоупотребления. См.Кошкарева А.М. Лексика ямщины и связанных с нею промыслов в Прииртышских говорах: Автореф. дис . ... канд.филол.наук. М.,1981.

И.А.Попов

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Русская атласная лингвистическая география во все периоды своего существования развивалась в тесной связи с диалектной лексикографией и лексикологией. Однако в разные периоды их существования это взаимодействие носило разный характер.

Первое такое крупное взаимодействие проявилось при разработке лексической части Программы собирания сведений для диалектологического атласа русского языка[1], которая активно стала применяться с 1946г. Несколько ранее (1939-1940гг.) материалы областных словарей использовались для разработки лексических разделов вопросников[2], публиковавшихся в те годы.

Однако все эти разделы в Программе ДАРЯ в Вопросниках были довольно краткими (в ДАРЯ 153 вопроса), что объяснялось недостаточной разработанностью диалектной лексики в те годы. Составители Атласа отмечали, что "...круг вопросов, включенных в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы"[3], что лексических карт "могло бы быть сравнительно больше, если бы лексика русских диалектов была бы в большей степени изучена ко времени составления Программы. В дальнейшем, по мере развития монографического изучения лексики русских диалектов и выявления словарных и семантических диалектных различий, возможно создание новой серии атласов русских говоров, посвященной лексике и семантике"[4].

На ограниченный охват лексики в Атласе обратили внимание и его рецензенты: В.А.Архангельский писал, что "лексические карты относятся к очень ограниченному кругу слов и притом отчасти таких, которые не представляются центральными в структуре лексики русского языка"[5]. "Конечно, несколько десятков лексических карт не могут отразить основные звенья лексико-семантической системы русского языка в его диалектном разнообразии. Чтобы выполнить эту задачу нужно создать специальный лексический атлас, который включал бы несколько сотен карт"[6].

Вспомним, что опубликованный том "Атласа центральных областей к востоку от Москвы" насчитывает 58 карт, а весь лексический том ДАРЯ, работа над которым ведется, - около 100 карт.

Таким образом, недостаточная разработанность диалектной лексикографии и лексикологии в те годы наложила ограничения на лингвогео-

графическое изучение лексики в то время и отодвинула решение этой проблемы на будущее. Будущее же складывалось не очень благоприятно, хотя научная ситуация вскоре изменилась. Дело в том, что после завершения сбора материалов для ДАРЯ эти хорошо организованные диалектологические коллективы были ориентированы на создание региональных словарей. Таких региональных словарей было составлено около 30. Особое место среди них занимает СРНГ по материалам и принципам составления.

Это были годы удивительного расцвета русской диалектологической лексикографии, создания и развития разных диалектологических школ, разработки словарей разных типов. Предположительно можно сказать, что в этих словарях содержится около 250 тысяч слов. Они хорошо показали лексико-семантические системы русских говоров. Вместе с тем выявился один очень важный пробел: эти областные словари не дают точного представления об ареалах слов. Они в подавляющем большинстве следуют традиции русской диалектной лексикографии, которая начала складываться в середине прошлого века, фиксируют слово и значение, где оно было записано, но не выявляют весь ареал.

Конечно, большое количество разных словарей позволяет расширить представления об ареалах слов, но тем не менее эти знания все равно остаются приблизительными. Не случайно Ф.П. Филин в "Проекте Словаря русских народных говоров" отмечает, что этот словарь не ставит задачу показа изоглосс из-за неполноты материалов источников[7]. Однако огромные словарные материалы, зафиксированные в областных словарях, позволили расширить поле разработки программ лексического атласа, его теоретических принципов, т.е. само по себе отпало то препятствие, которое сужало сферу лингвогеографического изучения лексики в предыдущие годы. Этому способствовало и проведение многих лексикологических исследований по диалектной лексике (в статьях, диссертациях), разработка теоретических принципов русской лингвистической географии в Институте русского языка и др. работах. Поэтому как продолжение прежних пожеланий возникла идея создания ЛА, который отразил бы ареалы основной части словарного состава русских говоров.

В 1972 г. на совещании ОЛА в Ленинграде состоялось первое обсуждение проспекта ЛА, а в 1974 г. был опубликован сам проспект и началась работа над программой по разделу "Природа". Таким образом, успехи русской диалектной лексикографии в те годы позволили вернуться к осуществлению идеи ЛА, которая высказывалась в 50-х гг. В результате мы видим, что судьба этих двух направлений в науке вновь тесно переплетается. Естественно, что огромные словарные ма-

териалы (в словарях, картотеках, СРНГ, исследованиях) послужили и продолжают прежде всего служить базой для разработки программы ЛА. Так, в частности, создавалась программа по теме "Лексика природы", так продолжается сейчас работа над другими разделами: лексика семейных отношений, лексика, характеризующая человека, лексика производственной деятельности, жилища, одежды, обуви, материальной и духовной культуры и т.п.

Работа над разделом "Лексика природы" была закончена в 1980 г., а в 1987 г. она была опубликована под названием "Программа собирания сведений для региональных словарей и атласов"[9], сама тема держалась в те годы под запретом. Однако ветер перемен коснулся и этой темы.

С января 1989 г. она включена в программу комплексного изучения русского языка по АН СССР до 2000 г. Таким образом, те усилия, которые предпринимались в предшествующие годы, в том числе группой Лексического атласа в Ленинградском отделении географического общества СССР, не пропали даром, а подготовленный ранее раздел программы по теме "Лексика природы" и проспект ЛА позволили сразу приступить к организации собирания материалов. Был создан на основе упомянутого вариант Программы собирания сведений для ЛА и разослан в вузы. Почти все вузы европейской части изъявили желание участвовать в этой работе.

Началось проведение диалектологических экспедиций и разработка материалов областных словарей для картотеки атласа, которая ляжет в основу будущих карт. Учитывается, что существующие словарные картотеки и областные словари отражают богатейшие материалы, собранные в последние десятилетия. Диалектологические экспедиции призваны, в основном, уточнить ареалы слов и значений. Этим данный атлас принципиально отличается от ДАРЯ в США, в которых материалы экспедиций были главным и единственным источником информации.

Однако следует иметь в виду, что информативность разных словарей и картотек для Лексического атласа неодинакова. Таким образом, типология областных словарей и картотек с точки зрения отражения в них ареала весьма различна.

Можно назвать следующие типы словарей:

I. Словари, посвященные изучению лексики одного говора, например, Деулинский словарь[10], Акчимский словарь[11].

2. Словари и картотеки более широких регионов представляют ценность для атласа в разных отношениях. Если они имеют хорошую ареа-

льную характеристику, они могут быть надежной опорой для атласа. Но таких словарей мало. Наиболее выделяются Псковский словарь[12] (до четвертого тома), Архангельский областной словарь[13]. В них очень внимательно прослеживаются ареалы слов и значений. Эти и подобные им словари – прекрасная база для Лексического атласа, : эта проблема проверки ареалов в экспедициях или анкетным способом остается. Эти словари приблизились к осуществлению идеи Б.А.Ларина о создании словаря-атласа.[14].

3. Третий тип словарей – это словари с усечением ареальных характеристик, их обобщениями и другими лакунами. Этими недостатками страдает основная масса словарей. Они вынуждают обратить серьезное внимание на экспедиционные обследования.

4. Особое место занимает Словарь русских народных говоров[15]. Он хорош для разработки программ, но не годится для изучения изоглосс. Словарь объединяет разные и случайные материалы, допускает слишком широкие обобщения территорий (например, "арх.", "волог."), что практически не дает возможности установить реальный ареал слова. Всякая попытка создать карту по его материалам терпит неудачу.

Такая сложная картина вырисовывается при разработке словарных материалов для ЛА.

В Ленинграде такая разработка уже началась. Ленинградская группа интенсивно направляет на эту работу усилия студентов, кафедр. Ведется работа над рядом словарей и картотек.

Важно, чтобы так же интенсивно развивались работы в других местах.

Будут созданы региональные зоны, диалектологические центры, которых, руководствуясь общей стратегией атласа, будут решать все эти вопросы в пределах своих зон.

Время заставляет спешить с собиранием и обработкой материалов. Поэтому успех во многом зависит от творческой инициативы на местах. Будем надеяться, что эти инициативы будут возрастать, и региональные коллективы будут в полном смысле слова творческими научными коллективами.

Изучение ареалов слов и значений важно для всей территории распространения русского языка. Ареалы отражают историю развития словарного состава говоров в связи с историей народа. Эта проблема существует не только для народного языка Европейской России, но и для Сибири. Сибирское отделение АН СССР по существу должно стать центром такой работы в пределах сибирского региона. Пока этой обобщающей работы не ведется; важно интенсифицировать сбор материала в по определенной программе в пределах тех регионов, где имеется

диалектологические словари и картотеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

I.Программа собирания сведений для диалектологического атласа русского языка. М.,1964.
2.Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка. М.;Л.,1940.
3.Вопросы теории лингвистической географии. М.:Наука,1962. С.180.
4.Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы. М:Наука,1957. С.8.
5.Архангельский В.Л.Об "Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы."Лексика//Тезисы докладов об изучении русских и украинских говоров Дона и Северного Кавказа,прочитанных на IV межобластном совещании диалектологов.Ростов Н/Д: Изд-во Ростовск.ун-та,1958.-С.19.
6.Там же. С.20.
7.Филин Ф.П. Проект "Словаря русских народных говоров". М.;Л:Наука,1961. С.12.
8.Попов И.А. Лексический атлас русских народных говоров.Проспект. Л.:Наука,1974.
9.Попов И.А. Программа собирания сведений для региональных словарей и атласов. М.:Наука,1987.
10.Словарь современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области). М.:Наука,1969.
11.Словарь говора д.Акчим Пермской области. Пермь:Изд-во Пермск. ун-та,1984. Т.1.
12.Псковский областной словарь с историческими данными. Л.:Изд-во Ленинградск.ун-та,1967. Вып.1.
13.Архангельский областной словарь. М.:Изд-во Московск.ун-та, 1980. Вып.1.
14.Ларин Б.А.Опыт областного словаря-атласа//Слово в русских народных говорах русского Севера. Л.:Изд-во Ленинградск.ун-та. 1962. С.136.
15.Словарь русских народных говоров.М.;Л.:Наука,1964. Вып.1.

Г.С.Азарх

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ (лексикографический аспект)

I. I. Термин „словообразовательный формант" в современной дериватологии употребляется в различных значениях: он может быть равнозначен словообразовательному аффиксу, включать словообразовательную морфему и словоизменительную парадигму производного слова или весь комплекс языковых средств, отличающих производное от производящего (аффикс и словоизменительная парадигма, морфонологические чередования на стыке производящей основы и аффикса, изменение корневого вокализма, акцентный тип производного). В докладе словообразовательный формант употребляется во втором значении (аффикс + словоизменительная парадигма производного).

2. Словообразовательные морфемы неоднородны по своей позиции в слове, функциям и фонемной структуре. Функциональная нагрузка их может быть различной не только у аффиксов разных классов – префиксов, суффиксов, инфиксов, постфиксов, но и у словообразовательных морфем одного класса и одной части речи.

Основная функция словообразовательного аффикса – преобразование производящей основы в производную, которая прежде всего отличает производное слово от производящего, и указание на семантическую зависимость производного от непосредственно производящего или однокоренного с производным слова. Каждое производное слово является свернутым словосочетанием или предложением. Стержневое слово тождественных по смыслу производному словосочетаний или предложений первоначально и является производящим, его основа формирует производящую основу, с которой сочетается аффикс производного слова. Словообразовательный аффикс "отсылает" производное к производящему, связывает его с последним. Словообразовательный формант – показатель производности слова. Это основная функция, присущая всем словообразовательным аффиксам и формантам.

Производность слова – понятие диахроническое. Следует различать смысловую и формальную, или структурную, производность слова. При морфологическом (аффиксальном) словообразовании производное в момент рождения всегда членимо на производящую основу и формант. Производящая основа – показатель смысловой зависимости производного, а формант – его структурной зависимости. И смысловая, и формальная производность слова исторически изменчивы. Актуальная в синхронии смысло-

вая зависимость производного слова – это его мотивированность. В момент порождения производное является сверткой одного описательного оборота или ряда синонимичных описательных оборотов с одним и тем же стержневым словом. Следовательно, в момент порождения производное непосредственно связано с одним производящим. При регулярном воспроизведении у производного может установиться отношение смысловой зависимости и от других членов того же словообразовательного гнезда. Явление множественности синхронной мотивации типично для производных с мутационным словообразовательным значением (СЗ) отношения к тому, что названо производящей основой. Мотивирующими при этом типе СЗ могут помимо непосредственно производящего быть также и члены одной с производящим словообразовательной парадигмы, его кодериваты той же ступени производности. При множественности мотивации этого типа формальное членение производного не изменяется. Например: хитрец – хитрый – хитрый человек и хитрец – тот, кто хитрит – хитрый. При мотивации слова членами одной словообразовательной цепи разных ступеней производности в зависимости от актуализации той или иной мотивационной связи меняется и членимость производного на производящую основу и формант. Например: скромнич-ать – скромник и скромн-ичать – скромный.

При различии не только взаимосвязанных лексических значений у производного, но и разных СЗ у этих лексико-семантических вариантов, возникших в результате семантического словообразования или морфологического словообразования в разные периоды истории русского языка, ЛСВ имеет неодинаковую членимость. Например: учитель-ство[1] собир. – учитель/учи-тель; учитель-ство[2] 'работа учителя' – учитель; учи-тел-ство[3] 'поучение' – учить. На наш взгляд, при различиях в значении лексическом и одновременно словообразовательном, а также при разной мотивированности и членимости производных лексем с тождественным звуковым обликом предпочтительнее их подача в разных словарных статьях.

Производящее слово может быть утрачено. В этом случае производное при наличии слов того же словообразовательного гнезда сохраняет формальную членимость. При этом производное мо[жет у]тратить и мотивированность, и первичное СЗ. Смысловая производность слова может не сохраниться и при разрушении семантической соотносительн[ос]ти его с производящим. Например, в современном русском язы[ке] семантически не связаны бог-атый, убог-ий и бог, греб-ень и грести. Смысловая и формальная производность слова исторически изменчивы. При этом мотивационные связи производного более подвижны, чем ег[о] структура. В связи с этим требование дериватологов включать в словарную дефиницию производного его производящее следовало бы уточнить. При толко-

вании слов с мутационным или транспозиционным СЗ возможно и включение их мотивирующих в синхронии, а при идиоматизации лексического значения, что типично для производных с мутационным СЗ, целесообразно и введение в словарную статью лексических синонимов производного.

3. Словообразовательный формант является показателем грамматического класса производного, его частеречной принадлежности. Этой функцией обладают и специфичные для словопроизводства разных частей речи аффиксы, а также конфиксы при префиксально-суффиксальном способе словообразования. Подобные аффиксы дублируют грамматическое значение словоизменительной парадигмы. Для русского языка характерна оппозиция глагольных и именных производных основ, так как глагольные аффиксы специфичны. При возможности субстантивации, адъективации и адвербиализации слов именных частей речи в русском языке практически отсутствует вербализация, что связано со специфичностью глагольных суффиксов. С возможностью дублирования словообразовательной морфемой грамматического значения словоизменительной парадигмы производного, видимо, связана и тенденция к усложнению системы словообразования и соответственно к упрощению системы словоизменения в русском языке.

4. Специфичные для определенной части речи суффиксы могут быть формальными показателями словоизменительного класса производного. Для производных с подобными суффиксами не характерно морфологическое варьирование. Эти суффиксо-флексии (Реформатский) поддерживают оппозицию разных типов склонения и спряжения. Изменение у производного СЗ сопровождается и изменением его морфологической характеристики, и изменением его членимости, если суффикс производного является показателем словоизменительного класса. Например: емк-ость[1] от емкий с транспозиционным СЗ отвлеченного качества; емкости[2] от емкость вследствие ассоциативного переноса (семантическое словообразование) с мутационным СЗ; емкость/емкости[3] разг. от емкости (семантическое словообразование) с модификационным СЗ разновидности того, что названо производящим.

5. Суффиксы - показатели словоизменительного класса могут указывать и на несловоизменительную грамматическую категорию, присущую производному: род и одушевленность/неодушевленность существительного, качественность/относительность прилагательного, вид глагола.

6. При однозначности связи аффикса с несловоизменительной грамматической категорией он, как правило, указывает и на определенный тип СЗ, свойственный производному. До тех пор пока слово с подобным аффиксом сохраняет производность и членимость, его общее словообразовательное значение (мутационное, либо транспозиционное, либо моди-

фикционное) остается стабильным.

7. Суффиксы могут быть формальными показателями словоформы. В этой функции обычно выступают суффиксы с неменьшей нагрузкой, сигнализирующие о производности слова и его грамматическом классе, причем последняя функция не является обязательной для суффиксов этой группы. Таковы, например, субстантивные суффиксы -ат-/-ят- (показатель мн. числа), -анин-/-янин- (показатель ед. числа), ряд суффиксов инфинитива и форм прош. вр. Разная морфемная структура основы слова в разных его словоформах – свидетельство слияния в прошлом в одну лексему однокоренных образований, принадлежавших некогда к различным словообразовательным типам.

II. 1. Производные с суффиксами, не являющимися показателями определенного типа СЗ, обладают лишь контекстно-зависимым словообразовательным значением. Средствами выражения контекстно-зависимого СЗ являются формант, категориальная принадлежность производящей основы, морфологическая характеристика производного и его контекст. Производные с контекстно-зависимыми мутационным или транспозиционным СЗ при тождестве производящей основы и форманта, как правило, различаются и по своим морфологическим признакам, и по лексической сочетаемости, а также своими мотивирующими.

Совмещение разных частных модификационных СЗ характерно прежде всего для образований, суффиксы которых не являются показателями определенного типа СЗ. Частное модификационное значение обычно контекстно зависимо. Актуализацию того или иного из регулярно совмещающихся частных модификационных СЗ (например, уменьшительности, увеличительности, невзрослости, интенсивности проявления признака и субъективной оценки; однократности и интенсивности действия) выявляет контекст. При совмещении в слове разных лексических и одном словообразовательном значениях его лексико-семантические варианты целесообразно представить в одной словарной статье.

2. Стилистическая окраска свойственна не словообразовательной морфеме или форманту, а производному слову. Различия в стилистической окраске свойственны лишь однокоренным синонимам. При отсутствии оппозиции параллелей типа стилистически нейтральное слово//его стилистически окрашенное соответствие (крикун – крикса; стук – стукотня, стуковень, стукотень, стукоток; большой – большенный, большунный, большанский, большохонный; стукнуть – стукануть и т.п.).

III. 1. При образовании слов с мутационным СЗ используются суффиксы; при образовании слов с транспозиционным СЗ отвлеченного действия или качества – суффиксы; в производстве слов с модификационным СЗ – суф-

фиксом и префиксом (у прилагательных и глаголов); в деривации слов с соединительным СЗ – префиксом (у имен), конфиксом и инфиксом. В суффиксальной части конфиксов обычно употребляются суффиксы с минимальной функциональной нагрузкой.

2. Центральным, основным для системы словообразования является мутационное СЗ. Производное с этим СЗ наиболее противопоставлено производящему семантически. Это значение типично для именного и глагольного словопроизводства, сохраняется при изменении мотивационных связей и лексического значения производного. Модификационное СЗ устойчиво лишь при семантической оппозиции производного производящему по определенному дополнительному семантическому признаку и наличии подобной оппозиции у серии слов одного словообразовательного типа. Транспозиционное СЗ свойственно лишь существительным. В диалектной речи транспозиты нередко являются ситуативными образованиями и обычно выступают в одном контексте с производящими глаголами или прилагательными в синонимичных высказываниях. При дополнительном модификационном СЗ транспозиты нередко употребляются в устойчивых словосочетаниях: с глупиной, с глупинкой, с глупцой; только стуковня, стукотня, стуковень, стукотень, стукоток идет/стоит. У образований с первичным соединительным значением, дублирующим смысл производящих словосочетаний, регулярно развиваются вторичные мотивационные связи со стержневыми словами этих словосочетаний. Это постепенно приводит к преобразованию соединительного значения в мутационное.

3. Значение префиксов приближается к обобщенному лексическому значению. Суффиксы – показатели определенного типа СЗ имеют общее, либо мутационное, либо модификационное, либо транспозиционное значение. Средством выражения соединительного СЗ является инфикс -о/е-. Суффиксы сами по себе и в составе форманта могут иметь лишь обобщенное и связанное значение. Неправомерно, на наш взгляд, приписывать формантам, вычленяющимся у воспроизводимых слов закрытой ЛСГ, значение родового имени этой группы. В русском языке нет так называемых "ягодных", "яичных", звукоизобразительных и тому подобных словообразовательных суффиксов и формантов. Семантика формантов весьма абстрактна. Конкретность значения формантов, если бы она была свойственна языковой системе, препятствовала бы регулярности семантического словообразования. Следует обратить внимание и на то, что развитие переносных значений чаще наблюдается у слов непроизводных, опрощенных, а также у тех производных и членимых образований, суффиксы которых не являются показателями определенного типа СЗ.

О.А. Булгакова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТ "П+к/а/"
В "СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ КРАПИВИНСКОГО ГОВОРА".

Мутационный СТ "П+к/а/"отадъективных конкретных существительных в крапивинском говоре - это один из типов о высокой степенью продуктивности/ по материалам словообразовательной картотеки говора с. Крапивино Кемеровской области,находящейся на кафедре русского языка Кемеровского университета.Этот СТ представлен 192 существительными.

Словообразовательное значение конкретных отадъективных существительных с суффиксом -к/а/представляет собой сложную,иерархически организованную структуру.Описание семантической структуры СТ в словаре реализуется через выделение видов словообразовательных значений (СЗ):

. На предельном уровне обобщения СЗ равно частеречному значению "предмет (одуш.или неодуш.)по признаку".Значение этого уровня обобщения называется в лингвистике общим словообразовательным значением (ОСЗ),или грамматико-словообразовательным значением (ГСЗ),или морфолого-словообразовательным значением (МСЗ).

На втором уровне обобщения СТ "П+к/а/" представлен двумя подтипами: функциональным и характеризующим.Функциональный подтип имеет частное словообразовательное значение (ЧСЗ) "предмет (одуш.или неодуш.) по функционально значимому признаку"(104 лексемы),характеризующий (или определительный) подтип имеет ЧСЗ "предмет (одуш.или неодуш.) по характерному признаку" (88 лексем).

На третьей ступени обобщения семантика форманта конкретизируется до уровня субкатегорий:"артефакт","натурфакт","лицо".Существительные со значением лица представлены в данном СТ только в характеризующем аспекте,существительные со значением натурфакта преимущественно представлены в характеризующем аспекте,а существительные со значением артефакта - в функциональном.СЗ данных классов мы называем словообразовательно-субкатегориальным значением (ССЗ).В данном СТ выделяются 5 ССЗ:"артефакт по функционально значимому признаку","натурфакт по функционально значимому признаку","лицо по характерному признаку","артефакт по характерному признаку","натурфакт по характерному признаку".

Четвертый уровень абстракции СЗ учитывает синтаксические роли

производящего в пропозиции, лежащей в основе лексического значения производного слова. СЗ этого уровня называют в лингвистике собственно словообразовательным значением (Ю.Д.Апресян[1], И.Н.Ященецкая[2]) или словообразовательно-синтаксическим (Е.С.Кубрякова[3]), в нашем словаре данное значение называется словообразовательно-пропозитивным (СПЗ) – Л.А.Араева[4]).

В словообразовательно-субкатегориальном значении "артефакт по функционально значимому признаку" выделяются словообразовательно-пропозитивные значения: "артефакт по средству действия"(водянка – 'мельница', керосинка – 'лампа', 'керогаз'), "артефакт по функционально значимому месту"(казанка – 'лодка', исподка – 'одежда'), "артефакт по времени использования"(времянка, капиталка – 'помещения'), "артефакт по функциональному действию"(вязанка – 'кофта', плетенка – 'корзинка'). В ССЗ "натурфакт по функционально значимому признаку" выделяется СПЗ "натурфакт по месту действия"(американка, берлинка – 'сорта картофеля', холмогорка, ярославка – 'породы коров'). Таким образом, в функциональном подтипе отадъективных существительных СТ "П+к/а/" "работают" актанты "средство", "объект", "место", "время", "действие".

Характеризующий подтип представлен тремя классами. Это существительные со значением лица, натурфакта и артефакта. В ССЗ "лицо по характерному признаку" выделяются СПЗ "лицо по внешнему признаку" (космачка, лохматка), "лицо по внутреннему признаку"(горячка, хитрюлька), "лицо по признаку, обусловленному внешними обстоятельствами" (одиночка, разведенка). ССЗ "натурфакт по характерному признаку" представлено пятью СПЗ: "натурфакт, характеризующийся по внешнему признаку (белянка, пеструшка – 'коровы'), "натурфакт, характеризующийся по внутреннему признаку"(беглянка), "натурфакт, характеризующийся по месту"(камчатка, березовка, кедровка – 'белки'), "натурфакт, характеризующийся по времени образования"(майка, апрелька – 'коровы') "натурфакт – результат характеризующего действия"(найденка – 'корова'). ССЗ "артефакт по характерному признаку" представлено двумя СПЗ: "артефакт по внешним характеризующим признакам"(мохнашка – 'шуба', коротышка – 'зипун'), "артефакт по внутреннему состоянию" (гнилушка – 'дом'). Таким образом, в определительном подтипе характеристика предметов осуществляется по внешним для предметов признакам, по внутренним признакам и по признакам, обусловленным внешними обстоятельствами (местом, временем, действием). Существительные со значением лица характеризуются как по внешним, так и по внутренним признакам, существительные со значением натурфакта преимущест-

венно обозначаются по внешнему виду (по внутреннему признаку характеризуются только животные) и существительные со значением артефакта в основном называются по внешнему виду. Если актант "средство" имеет место только в функциональном подтипе, а актанты "внешний и внутренний признак" – только в характеризующем, то актанты "место", "время", "действие" обнаруживаются и в том, и в другом подтипах, но выполняют в них разные роли: в функциональном подтипе это функционально значимое место, время и функциональное действие, а в определительном подтипе они называют предмет по времени, по месту, по действию. Различаются функциональный и характеризующий подтипы и по своей мотивирующей базе. Так, тематические группы (ТГ) мотивирующих относительных и притяжательных прилагательных "прилагательные, обозначающие материал" (железный, каменный, деревянный и др.), "прилагательные, указывающие на принадлежность" (казанский, кубанский, испанский и др.), "прилагательные, указывающие на местоположение" (поперечный, центральный, верхний и др.), "прилагательные, обозначающие время функционирования" (временный, капитальный), "прилагательные, обозначающие признак по действию, названному глаголом" (вязаный, долбленый и др.), выступая в актантах "средство", "объект", "место", "время", "действие", проецируют появление существительных со значением артефактов и натурфактов в функциональном аспекте. ТГ мотивирующих качественных прилагательных "прилагательные, обозначающие признак по внешнему виду" (лохматый, мохнатый, косматый), "прилагательные, обозначающие признак по цвету" (белый, бурый, рыжий и др.), "прилагательные, обозначающие запах" (душистый, вонючий), "прилагательные, обозначающие место" (верхний, нижний), "прилагательные, обозначающие возраст" (молодой), "прилагательные, обозначающие внутренние качества живого субъекта" (хитрый, горячий) мотивируют существительные со значением артефактов, натурфактов и лиц в характеризующем аспекте. Таким образом, каждый СТ имеет свой набор тематических групп производящих, каждая тематическая группа производящих имеет свой набор актантов, что определяет появление в рамках СТ определенных тематических групп производных.

На пятом уровне абстракции внутри СПЗ выделяются лексико-словообразовательные значения (ЛСЗ) тематических групп производных. Состав тематических групп производных в рамках СТ детерминируется мотивирующей базой данного СТ и формантом, оформляющим этот СТ. Например, ТГ производящих "прилагательные, обозначающие материал" в рамках исследуемого СТ мотивирует производные существительные ТГ "печи" (железка, каменка), "орудия быта" (деревяшка, железка), "посуда"

(чугунка),"пища"(гречка,манка,овсянка,ячменка),"лекарства"(валерьянка),"дороги"(брусчатка,гравийка,грунтовка,железка,ледянка), "средства передвижения"(деревянки – 'санки',железка – 'сани',дюралька – 'лодка'),"одежда"(кожанка,суконка).

Ядерные ТГ производящих могут в одном аспекте мотивировать производные разных тематических классов (ТК).Так,ТГ "прилагательные,обозначающие материал","прилагательные,указывающие на местоположение"мотивируют существительные со значением артефактов и натурфактов,ТГ "прилагательные,обозначающие возраст","прилагательные,обозначающие внутренние качества живого субъекта"детерминируют появление существительных со значением натурфактов и лиц,а ТГ "прилагательные,обозначающие действие", и "прилагательные,обзначающие признак по внешнему виду", мотивируют существительные всех трех ТК.

Для данного СТ это одна из основных причин появления многозначных дериватов.Например,молодка – 'лицо по возрастным особенностям', 'животное по возрастным особенностям'; американка – 'соха','картошка','рожь'; кубанка – 'шапка','сорт пшеницы'.

Вместе с тем каждый тематический класс существительных на лексическом уровне представлен существительными разных тематических групп (например,ТК артефактов составляют существительные, называющие орудия,посуду,мебель,помещения,средства передвижения и т.д.), внутри одного ТК слова разных ТГ могут образовываться по одному типу номинации от мотивирующих существительных одной ТГ,что также ведет к появлению разветвленной сети многозначных дериватов (например,железка – 'орудие','печь','дорога'; долбленка – 'колода', 'кровать','лодка'; плетенки – 'лапти','корзины'),ибо один и тот же признак может быть приложим к большому ряду объектов реальной действительности.Связь значений таких многозначных слов осуществляется на основе общности типа номинации,отраженного в семантике мотивирующего.Количество реализаций соотношений мотивированного и мотивирующего слов ограничено функциональной семантикой форманта, так как каждый суффикс специализируется на оформлении определенного набора тем.Чем продуктивнее суффикс в словообразовательной системе языка,тем большее количество полисемантов образуется в рамках данного СТ (так,в СТ "П+к/а/" 20% производных – многозначные субстанты).

Межсловная мотивация может сопровождаться внутрисловной,т.е. семантическая структура многозначных дериватов может формироваться за счет внутрисловной и межсловной мотивации одновременно (так

называемая множественная мотивация – см.работы М.Н.Янценецкой[5], Л.А.Араевой[6], А.В.Морозова[7]).При этом действие межсловной и внутрисловной мотивации может быть как однонаправленным,так и разнонаправленным.Например,существительное колючка имеет три лексико-семантических варианта. Все три ЛСВ семантически соотносятся с ЛСВ прилагательного колючий. .Первый и второй ЛСВ образованы от I ЛСВ исходного прилагательного колючий "обладающий способностью колоть". В данном случае параллельно действуют межсловная и внутрисловная мотивация,межсловная метонимия "поддерживает" внутрисловную,что способствует сохранению словообразовательной структуры и 2 ЛСВ субстантива.Третий ЛСВ существительного колючка является результатом межсловной метонимии (от 3 ЛСВ прилагательного колючий "язвительный,насмешливый,злой")и внутрисловной метафоры,выступая в значении подобия "как колючка".Внутрисловный метафорический перенос создает условия для синхронного семантического опрощения,но действие межсловной мотивации способствует сохранению словообразовательной структуры 3 ЛСВ существительного колючка.

Таким образом,предложенный способ подачи семантической организации СТ в "Словообразовательном словаре красноярского говора"позволяет выявить причины и пути развития многозначности производных слов и,в свою очередь,показать влияние полисемии на развитие семантической структуры типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Апресян Ю.Д.К построению языка при описании синтаксических свойств слов//Проблемы структурной лингвистики.1972. М.:Наука,1973. С.279-326.

2.Янценецкая М.Н.Словообразовательное значение и его виды:Основные понятия.Томск:Изд-во Том. ун-та,1987. Вып.I. С.27.

3.Кубрякова Е.С.Типы языковых значений.Семантика производного слова. М.:Наука,1981.

4.Методические рекомендации по сбору,классификации и анализу производной лексики говора.Часть 2, § I (рукопись).

5.Янценецкая М.Н.,Араева Л.А.Явление множественной мотивации в русском языке//Производное слово и способы его формирования (рукопись).

6.Араева Л.А.Множественная мотивация и некоторые вопросы системных отношений в словообразовании и лексике//Словообразование в современном русском языке:Проблемы деривации и номинации в русском языке. Омск,1988. С.II-13.

7.Морозов А.В.Источники полисемии отглагольных существительных в современном русском языке:Автореф.дис. ... канд.филол.наук. Томск,1988. 20 с.

Н.В. Холина, Г.А. Иванова

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИСЛОВНОГО И МЕЖСЛОВНОГО ПОРЯДКА (по материалам Словаря говоров Алтайского края)

Современные исследования в области региональной полисемии опрокинули сложившиеся представления о диалектной лексике "как лексике преимущественно моносемантичной"[1]. В связи с этим возросла актуальность исследований деривационных процессов в диалектных многозначных единицах к их производных, поскольку и те, и другие подчинены действию тождественных законов деривации. Отношения внутрисловной деривации базируются на ассоциативных связях между предметами, которые являются следствием восприятия и осознания человеком сферы обитания. Эти связи устанавливаются между вполне определенным кругом предметов, который может быть представлен следующим образом: человек - натурфакт. Таким образом, в сознании человека окружающий мир представляется не как дискретная материя, а как целостная, синкретичная сущность.

Различный характер системной связанности слов, относящихся к различным лексико-семантическим разрядам, представляется бесспорным. Особый интерес в этом плане представляют глагольные единицы, поскольку "семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий"[2].

В представленной работе взяты многозначные и однозначные диалектные единицы лексико-семантической группы "перемещение в пространстве" "бродить", "багать", "блудить"[3].

В качестве созидающего внутрисловные связи определяется ассоциативный механизм. Причем необходимо разграничивать не только типы ассоциаций (по сходству и по смежности), но и некоторые градации в рамках ассоциаций по сходству, которые могут быть представлены также двумя разновидностями: ассоциации на сходстве действий (динамических признаков) одного и того же предмета (человека) и ассоциации, формирующиеся на базе сходства проявления динамического признака у предметов, разных по природе, круг которых определен триадой "человек-натурфакт-артефакт". Анализируемые в работе многозначные лексемы в основе формирования своей парадигмы имеют только ассоциации по сходству.

Первая разновидность ассоциации отмечена в лексеме "бродить" и

"бегать".

Бродить I. Ходить. - Ни сена там не косят, ни че, только по ягоды бродят" (Чарым., Чарым.).

Бродить 2. Переходить через реку. - А еще брод был, где на конях бродили" (Чарым., Чарым.),

Бродить 3. Ловить рыбу в мелких местах, идя по воде. - У нас были налимы, их неводом бродили" (Тог., Тог.),

Бродить 4. Ходить из одного места в другое, избегая дела или как-будто в поисках чего-либо. - Кто бродит, шарится, так шарун, а она - шарунья (У.-Калм., Корг).

Бегать I. Ездить верхом на лошади. - Старший -то сын на коне здорово бегает, сызмальства (У.-Кан., Сан.).

Бегать 2. Ездить на машине. - Он бегал с ей на мотоцикле, возил Аксинью-то (У-Кан., Корг.).

Бегать 3. Ездить далеко от дома, путешествовать. - Счастливо вам бегать! Когда вернетесь, приходите, я завтра дома (У.-Кан., Сан.).

Бегать 4. Гулять, забавляться, бездельничать вне дома (о ребенке). - Вон Маша бегать у меня охотница (У.-Кан.,Корг.).

В первом случае один и тот же динамический признак характеризует один и тот же предмет (человек), но изменяются условия протекания признака (река), цель (ловить рыбу) и наличие/отсутствие цели . Таким образом, видоизменение наполнения констант динамического признака - обстоятельство (средства выполнения, цель и именно их актуализация)-является предпосылкой возникновения семантического варьирования.

Вторая разновидность ассоциации по сходству организует в совокупности с первой разновидностью семантическую структуру глагола "бегать".

Бегать /о животных/. Быку бегать за коровами - находиться в период случки. - Бык бызует, утресь бызовал ревел, ему надо за коровами бегать. (У,-Кан., У.-Кумир).

Бегать. Участвовать в конных состязаниях в бегах. - Бегуна только черезят (готовят к бегу), бегом бегать (У. Кан.,Корг.).

Для данных значений производящее в семантической парадигме лексемы не зафиксировано, поскольку, видимо, оно совпадает с существующим в литературном языке.

Следовательно, диалектные глаголы группы "перемещение в пространстве" имеют свою структуру, которую можно представить в виде определенным образом организованной совокупности семантических признаков - предмет (носитель динамического признака) - обстоятельства (средства осуществления действия) - целеустановки (ее наличие или отсутствие). Отношения внутрисловной деривации могут базироваться либо на сходстве динамического признака, носителем которого является один и тот же предмет, и учет новых обстоятельств или целеустановки (или ее отсутствия), при которых и в которых протекает определенный динамический признак (бродить, бегать, блудить), либо на сходстве динамического признака и проявления его у разных предметов (бегать).

Внутрисловная деривация представляет собой своего рода свертывание в рамках одной формы целого ассоциативного комплекса. Семантическая парадигма лексемы являет банк информации о динамическом признаке, условиях его существования в разных материальных субстанциях.

Частичное развертывание информации, сконцентрированной в рамках многозначного слова, возможно через посредство производных единиц, в основном субстантивов. Следует отметить, что принцип развертывания информации (т.е. характер производных единиц) определяется разновидностью ассоциации по сходству. Если представлены значения, возникновение которых предопределено обстоятельственной константой, то набор производных следующий:

1) производящее "бродить 3" - ловить рыбу в мелких местах →
бродни - высокие и просторные рабочие сапоги на мягкой подошве, без каблуков, шитые внутренним швом, не пропускающие воду, удобные для ходьбы, работы, рыбной ловли и охоты. - Рыбацкие сапоги еще бродными зовут. (У.-Кан.,Корт.) Бродни - это как чулок, только голяшки длинны и привязывают веревкой, они легкие, без каблуков (Бийск.,Новик.) - средство (обстоятельство);
бродник, бродок - небольшой невод. - Бродником ловили, это невод, он метра два-три (Трет.,Староал.). Рыба засошит в бродник, мелкая останется (Трет.,Екатер.) - средство (обстоятельство);

2) производящее "бродить 2" - переходить через реку в мелком месте → броды - переход через речку, где отмель и хорошее дно.

- Броды - это через речку переход, где мелко, неглубоко (Павл.,Павл.) - место (обстоятельство).

Анализ показывает, что производные значения, возникшие на основании варьирования обстоятельственных характеристик, выступают в качестве мотиваторов для существительных со словообразовательным значением "предмет, с помощью которого осуществляется действие", "предмет, в котором осуществляется действие", "место, в котором (через которое) осуществляется действие". Производные значения, основанием для появления которых послужило варьирование целеустановочного компонента (с целью/без цели осуществляется действие), мотивируют субстантивы со значением "предмет, осуществляющий действие" (являющийся носителем динамического признака).

Блудить. Уходить из дома, со двора, бродить, где не следует. - Та нидишка никуда не ходила, а эта кака-то шалава, ну шарунья, все блудит (У-Кан.,Тал.). →

блудень - о том, кто не сидит дома, любит погулять. - Любительница ходить - блудница, походяща... А мужик - тот блудень (У.-Кан.,Сан). Бродит много - то блудень, а еще проходимка (У.-Кан.,Тал.);

блудница - о женщине, любящей погулять, побродить по селу. - Блудница, если блудит, ходит по неделям и дом терлет (Майм., Майм.). Любительница ходить - блудница, походяща (У.-Кан., Сан.);

блудня - человек, который мало бывает дома, много бродит по деревне. - Она как блудня: выйдет по деревне, а за детьми не глядит (Ребр.,Подстеп.). Этого блудня опять дома нет (про деда) (Павл.,Рогоз.). Блудня - идет, куда не надо, не занимается вроде плохим, где-то задерживается, сидит, не приходит вовремя (Павл.,Павл.).

Кроме того, производное слово не только является материализатором информации производящего, но и вносит конкретизирующие, дополнительные элементы в мотивирующую семантику человек (без желания работать → без цели).

Блуда - блудливый человек, не любящий работать. - Пакостник он, Волынкин, а прозвали блуда. Его мать так и звала, потому что он у нее сметану в погребе съел: "Ты, Гришка, как блуда" (Бийск.,Луг.). Блуда не работает нигде (Перв.,Перв.); человек (без цели (без работы) → предосудительное поведение);

бродяга - о человеке предосудительного поведения. - Савина яма называется, скотина там гибла, бродяги бродили (Кытм.,Кытм.);
блудня,бран.- гулящая девушка. - Блудня - это, к примеру, девка, которая гуляет с парнями, часто с разными (Павл.,Павл.);
человек без постоянного ме́ста жительства;
бродяга - ссыльный, не имеющий постоянной прописки. - Сосланных называли бродяги (Перв.,Б.Ключи);
бродяжка - пришлый человек, чаще - бежавший из предгорья, рабочий завода или рудника. - А у нас безрукий был... ну, бродяжка его считали... хозяйства никакого не имел... (У.-Кан., Тал.).

Набор производных субстантивов от мотивирующих значений, возникших на основе второй разновидности ассоциации по сходству (носителем динамического признака являются разные предметы), совпадает с выше рассмотренным - "предмет, наделенный признаком":
бегун - окаковая лошадь, участвующая в бегах. - Бегун - какой рысак, какой иноходец. Бегун - конь, шибко быстро бегает. У нас один иноходца держал, другой - рысака, третий - бегуна (У.-Кан.,Корг.);
бегунец - то же, что бегун. - Бегунец бегал по закладу, раньше бегунцов много держали (У.-Кан.,Сан.);
блудена - о корове: склонная блудить, теряться.- Гулять любит - так погулена. А корова - нет, та блудена (У.-Кан.,Корг.).

В некоторых случаях производные субстантивы берут на себя функцию корректировки производящей семантики. Пример тому - производное "бродок". Производящая единица предлагает только один набор характеристик носителя признака - человек (ср.: бродить - ходить из одного места в другое, избегая дела или как-будто в поисках чего-либо.- Кто бродит, шарится, так шарун, а она - шарунья (У.-Кан., Корг.) . Семантика мотивированного существительного "бродок" приобретает набор иных семантических компонентов:
бродок - о склонном бродить с места на место, обычно о скотине. - Ну бродок телок: опять за Чарышом (У.-Кан.,У.-Кум.). Васеня видела бродка - теленка. Такой бродок! (У.-Кан., Корг.).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: I) отношения внутрисловной деривации диалектных глаголов лексико-семантической группы перемещения в пространстве обусловле-

ны ассоциативными связями, устанавливаемыми между предметами в процессе их восприятия; 2) семантическая структура глагольного слова представляет собой концентрат информации о данном динамическом признаке; 3) развертывание и пополнение информации, заложенной в многозначной глагольной лексеме, происходит в производных субстантивах; 4) производные субстантивы выполняют функцию корректировки семантической наполненности производящего и определяют возможные пути пополнения семантического потенциала мотивирующей единицы.

Примечания

1. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, Изд-во ТГУ, 1975. С.120.

2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., Высшая школа 1972. С.339.

3. Исследуемый материал (глагольные и производные субстантивные единицы) взят из Словаря русских говоров на Алтае (т.I), подготовленного к печати на кафедре общего и исторического языкознания Алтайского университета. В сносках указаны регионы, в которых зафиксировано то или иное слово в конкретном контекстуальном окружении. На первом месте обозначен район, на втором - населенный пункт. Обозначения, принятые в статье, также взяты из указанного Словаря: Бийск - Бийский район (Луг. - Луговское, НОВИк. - Новиково); Кыты. - Кытмановский район (Кытм. - Кытманово); Майм. - Майминский район (Майм. - Майма); Павл. - Павловский район (Павл. - Павловск, Рогоз. - Рогозиха); Перв. - Первомайский район (Перв. - Первомайское, Б.Ключи - Бешенцевские Ключи); Ребр. - Ребрихинский район (Подстеп. - Подстепное); Трет. - Третьяковский район (Екат. - Екатерининское, Староал. - Староалейское); Тог. - Тогульский район (Тог. - Тогул); У.-Кан. - Усть-Канский район (Корг. - Коргон, Сан. - Санаровка, Тал. - Талица, У.-Кумир. - Усть-Кумир); Чарыш. - Чарышский район (Чарыш. - Чарышское).

Л.Г. Ким

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА
(на материале имен существительных)

Перед лексикографом, избравшим в качестве единицы лексикографирования словообразовательный тип, неизбежно возникает проблема более адекватного его описания в сопоставительном словообразовательном словаре. Словарная статья должна представлять не только формальный механизм производства слов в соответствии с тем или иным деривационным типом, но и семантическое наполнение типа. В последнее время лингвистическая литература достаточно регулярно представляет результаты работы, направленной на изучение и описание семантической организации единиц словообразовательной системы, в том числе словообразовательного типа.[1] При этом семантическая характеристика словообразовательного типа обычно включает указание не только на самое общее значение типа (грамматико-словообразовательное значение)[2], но также и на конкретные семантические группы производных, объединенных лексико-словообразовательной семантикой.[3] Причем, разные словообразовательные типы в одной языковой системе, а также один тип в разных говорах будут различаться, как правило, не общим грамматико-словообразовательным значением, а набором, сочетанием лексико-словообразовательных семантик в структуре типа. Следовательно, задача, стоящая перед составителем словообразовательного словаря, заключается в последовательном отображении всего набора лексико-словообразовательных значений, поскольку именно эта сторона характеристики деривационного типа отражает его "семантическую индивидуальность".

При обращении к практике описания семантической структуры типа прежде всего возникает вопрос определения степени абстракции лексико-словообразовательных значений. В лингвистической литературе зачастую при описании семантики типа представлены лексико-словообразовательные значения, неодинаковые по степени обобщения, что иногда является следствием непоследовательного описания материала. Так, выделяются в одном случае названия лиц без какой-либо дифференциации в структуре типа, а в другом случае названия лиц различаются по отношению к объекту его занятий (<u>тракторист</u>), по сфере деятель-

вости (массажист) и т.д.[4]

Т.е. отдельные лексико-словообразовательные значения, будучи одинаковыми по природе (т.е. обобщенная словообразовательная семантика на уровне слов семантической группы), оказываются различными по степени обобщения. Поэтому неизменно возникает желание либо "уравнять" их, либо придать этой неоднородности "законный" характер, т.е. утвердить ее как естественное отражение на словообразовательном уровне.

Например, ряд производных слов объединяется лексико-словообразовательным значением "животновод, ухаживающий за животным" (гусятница, кролятница, скотница, птичница, телятница). Лексико-словообразовательное значение отражает обобщенную словообразовательную семантику слов тематической группы "животновод". Другие производные (посудница 'моет посуду', чулочница 'вяжет чулки', баночница 'ставит банки', ключница объединяются лексико-словообразовательным значением " лицо, имеющее отношение к какому-либо объекту". Эти значения, будучи явлениями одного порядка по своей природе, тем не менее оказываются на разных ступенях обобщения. В первом случае последовательно конкретизируются все элементы словообразовательного значения[5]: родовое значение "лицо" сужается до видового "животновод", мотивирующий компонент "объект" получает конкретизацию на уровне "животное", а релятивная семантика "иметь отношение" формулируется как "ухаживать". Все компоненты деривационного значения оказываются в отношениях взаимообусловленности.

Во втором же случае тематическая дифференциация классифицирующего значения не поддерживается специализацией мотивирующей семантики, и поэтому все элементы структуры лексико-словообразовательного значения являются более обобщенными: "лицо, имеющее отношение к объекту". Что это? Неумение исследователя подать материал в одной плоскости или объективная реальность, специфика семантики элементов словообразовательного уровня?

Обратимся к следующему: курятница, кролятница, телятница и гармонщик, баянщик. В одном случае язык лексическими и однородными словообразовательными средствами отражает детализацию одной ситуации. Обобщенное лексико-словообразовательное значение "лицо, имеющее отношение к объекту" получает конкретизацию "животновод, ухаживающий за животным", и "музыкант, играющий на музыкальном инструменте". Расчленяется на детали одна ситуация, и это расчленение значимо, актуально для носителей языка.

В другом случае лексико-словообразовательное значение отражает деривационную семантику слов, обозначающих отдельные явления р а з н ы х с и т у а ц и й (человек моет посуду, человек изготавливает предметы одежды- чулки).

Если бы язык в равной мере отражал детализацию ситуаций и использовал бы при этом одинаковые модели, одинаковые средства, то проблемы бы не возникало. Так, например, если бы язык детализированно отражал одну из ситуаций и содержал в своей системе такие слова, как *плитница 'чистит плиты', *стольница 'вытирает столы', входящие в один тематический ряд со словом посудница, то мы объединили бы их значением "работник столовой, имеющий отношение к объекту". А поскольку существует определенная асимметрия между действительностью и ее обозначением, то не каждая деталь вне языковой реальности отражается при ее наименовании. Обозначение в языке получает то, что значимо, актуально для носителей языка.

Следует также иметь в виду, что различные детали одной ситуации могут быть выражены в языке с помощью разных словообразовательных формантов, что приведет к распределению их по разным словообразовательным типам. Так, слова сапожник, чулочница, шапочница, имеющие лексико-словообразовательное значение "мастер, изготавливающий предметы одежды", окажутся в разных словообразовательных типах и войдут в парадигматический ряд с более общим значением "лицо, имеющее отношение к объекту".

Разная степень обобщения лексико-словообразовательных значений отражает объективную реальность, существенные черты словообразовательной системы, чутко реагирующей на запросы лексики. Словообразование выделяет, конкретизирует те тематические пласты лексического яруса, которые важны для носителей языка, отражает специализацию в обществе. И обобщает то, что не является существенным, значимым в жизни общества. Так, конкретизированное лексико-словообразовательное значение имеют производные существительные тематической группы "след" (лыжница 'след лыжи' , колесница, нартница). Словообразовательная семантика формулируется как "след, оставленный средством передвижения (или его частью)". Существительные медвежатница, лосятница, соболятница, утятница образуют тематический ряд, объединенный лексико-словообразовательным значением "собака - средство охоты на зверя".

Диапазон колебаний уровня абстракции лексико-словообразователь-

ной семантики может быть значительным. Так, с одной стороны, значение "собака - средство охоты", объединяющее существительные, обозначающие виды охотничьих собак, а с другой стороны, значение "животное, названное по месту обитания", которое объединяет производные, обозначающие и птиц, и рыб, и зверей. С одной стороны, "музыкант, играющий на музыкальном инструменте", а с другой, - "лицо, имеющее отношение к объекту". Причем следует подчеркнуть, что если верхний предел словообразовательной семантики ограничен рамками грамматико-словообразовательного значения ("предмет, имеющий отношение к предмету"), то границу нижнего предела определить сложно, а может быть, ее и не существует, и "вертикальная" структура словообразовательного значения носит открытый характер, т.к. увеличение количества тематических групп, степени их конкретизации зависит от углубления знаний человека о мире, приводящего к созданию более дробной классификации познанных явлений. В языке отражается образ жизни, этнографические особенности его носителей. Так, в говоре, носители которого занимаются рыбной ловлей, представлены тематические значения: "сеть, предназначенная для ловли рыбы" (ельцовка, смулевка, хариузовка), "сеть с ячеей определенного размера" (двухперстовка, трехперстовка). В говоре же, носители которого не занимаются этим видом деятельности, названия сетей не образуют отдельных тематических групп, а войдут в более общую со значением "орудие".

Таким образом, принципиально различные уровни обобщения лексико-словообразовательной семантики позволяют отражать в языке самые разнообразные отношения между явлениями и предметами внеязыковой действительности, выделенные человеком и получившие необходимость специального языкового обозначения.

Примечания

1. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю.Шведовой. М.: Наука, 1980. т. I. С.783. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С.242; Янценецкая М.Н. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1985. С.3-30.

2. Янценецкая М.Н. Словообразовательное значение и его виды: Основные понятия. Томск, 1987. С.46.

3. Там же.

4. Русская грамматика. С.183, 189 и др.

5. О компонентах словообразовательного значения см.: Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

Н.И. Шапилова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА ОТСУБСТАНТИВНЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (на материале говора с.Крапивино Кемеровской области)

Словообразовательный тип СТ понимается нами как "схема строения производных слов, характеризующихся общностью трех элементов: I) части речи производящей основы; 2) семантического соотношения между производными и производящими; 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования, а для аффиксных способов тождественностью аффикса"[I] и как совокупность производных, образованных по этой модели.

Обращение к СТ в ономасиологическом аспекте обусловило пристальное внимание к мотивирующим. Важным становится исследование функциональной семантики мотиватора и форманта.

В качестве мотивирующего в анализируемых словообразовательных типах выступает субстантивная лексика конкретной и абстрактной семантики. Однако преобладающей является конкретная субстантивная лексика, которая характеризуется разноаспектностью, гетерогенностью семантики. Обозначая предметные сущности, субстантивы способны выступать в различных синтаксических ролях в пропозитивных структурах, что также является важным при определении словообразующих потенций слов этой категории. Деривационно значимым, как показывает материал, является и субкатегоризация в пределах конкретных существительных, т.е. выделение имен артефактов, натурфактов и лиц. В роли мотивирующих для указанной группы прилагательных выступают субстантивы всех трех вышеназванных категорий с явным преобладанием имен артефактов, обусловленным, возможно, общей пропорцией слов этих категорий в пределах конкретной субстантивной лексики.

Многоаспектность семантики мотивирующих при одноаспектности семантики производных ведет к тому, что производящие получают возможность неоднократной актуализации в пределах одного или разных СТ. Многократная актуализация субстантива в пределах одного типа порождает многозначные производные (скот→ скотское$_I$ мясо; скотский$_2$ навоз), а в пределах разных типов - словообразовательную синонимию (корова→ коровское, коровное масло).

Семантика формантов прилагательных носит предельно абстрактный характер, конкретизирующийся в процессе функционирования за счет тематической принадлежности и синтаксической роли сочетающихся с этим прилагательным слов. Другими словами, для конкретизации форманта зна-

чимым является учет внутреннего и внешнего контекста в плане его тематической принадлежности и ролевых функций.

Производные в пределах анализируемой подсистемы представлены словами обоих разрядов - качественных и относительных прилагательных.При этом следует отметить значительное преобладание относительных прилагательных:вальцовая мельница,дробовая двустволка,холщовое одеяло,подовый хлеб,дерюжные платья,корчажное сусло,ведерная квашня,кирзовые сапоги,изюмные цветы,детная мать,глубеничное варенье,хмарная погода,кинная установка,кирпичный ч.й;холодные сенки,вкусный хлеб,голодные дети,морозная зима и др.

Противопоставление семантики качественных и относительных прилагательных обусловлено их различным ономасиологическим заданием: качественные прилагательные обозначают ингерентные,внутренние присущие признаки предметов,относительные прилагательные выражают признак через отношение к предмету[2].

Производящая база отсубстантивных прилагательных,как уже отмечалось,представлена преимущественно словами конкретной семантики. Вместе с тем на периферии рассматриваемой подсистемы обнаруживается производные(отглагольные) существительные,обозначающие опредмеченное действие:обивка→обивочная машина,голод→голодные дети,уборка→уборочная кампания и др.

Следовательно,при определении предельно абстрактного словообразовательного значения типа необходимо учитывать как ядерную,так и периферийную частеречную семантику мотиваторов[3].Исходя из этого, грамматико-словообразовательное значение рассматриваемых СТ должно быть сформулировано следующим образом:"имеющий отношение к предмету (собственно предмету и опредмеченному действию)".Следует заметить,что в рамках рассматриваемой подсистемы производные мотиваторы вторичной семантики находятся на периферии и представлены незначительным количеством единиц.Так,например,в структуре словообразовательного типа С + н (ый) выявлено 6 таких мотиваторов; С + ов (ев) - I; С + ск - ни одного.

Опираясь на предложенную в работах Е.С.Кубряковой[4],М.Н.Янценецкой[5] уровневую структуру СТ,мы попытались представить типовую семантическую структуру СТ производных отсубстантивных суффиксальных прилагательных с предельно общим грамматико-словообразовательным значением (ГСЗ) "относящийся к предмету (собственно предмету,опредмеченному признаку)". Эта типовая структура и может быть положена в основу словарной статьи словообразовательного

словаря одного говора.

Семантическое описание СТ осуществляется через словообразовательное значение (СЗ), под которым понимается "обобщенное значение производных слов определенной словообразовательной структуры, устанавливаемое на основе семантического соотношения данных производных слов с их производящими"[6]. Представляя собой общее для производных слов деривационное значение, устанавливаемое на основании семантического соотношения производящих и производных, СЗ на разных уровнях обобщения их семантики (от грамматической до категориально-лексической) предстает как "иерархически организованное неэлементарное значение"[7].

На первом уровне членения СТ с учетом аспектов номинации выделяются два подтипа: функциональный и определительный (характеризующий). В пределах функционального подтипа объединяются производные на основе частного словообразовательного значения (ЧСЗ) "имеющий отношение к функционально значимому предмету, опредмеченному признаку": морковная паренка, банный ковшик, колесный мастер, конская работа и др. Определительный (характеризующий) подтип объединяет производные на основе ЧСЗ "характеризуемый через отношение к предмету, опредмеченному действию". Определительный принцип номинации учитывает признаки качественного типа: березовая кора, кедровый груздь, пихтовые леса, корневая лошадь, подовый хлеб, хмарная погода, денежный облог, атомная роса, камузные лыжи и др. Значительная часть СТ указанной подсистемы содержит производные функционального подтипа, что обусловливается спецификой мотивирующих единиц, представленных в основном конкретными существительными с преобладанием имен артефактов, в значении которых функциональный компонент занимает доминирующее положение по отношению к другим компонентам: колесный мастер, сатиновая рубашка, продуктовый магазин и др. В адъективных производных функционального подтипа функциональный принцип номинации не получает непосредственного отражения. Именуя признак через отношение к функционально значимому объекту, указанные производные единицы имплицируют в своем значении релятивную сему (функциональный предикат), выражающую отношение разной степени абстракции, разной степени определенности между субъектом и объектом, субъектом и местом, субъектом и временем. Круг функциональных предикатов, через которые могут конкретизироваться указан-

ные отношения, исчисления. Систематизация их позволила бы более точно, более конкретно выявить типы предикатов по уровню абстракции и, соответственно, типы СЗ, семантическую структуру типа.

На втором уровне членения производных СТ выделяются тематические классы производных, объединяемых словообразовательно-субкатегориальным значением "имеющий отношение к артефакту, функционально значимому натурфакту и лицу". При этом в рамках функционального подтипа более представлены дъективы о исходными именами артефактов и натурфактов, а в характеризующем – о исходными именами натурфактов: паровая мельница, половые матки, цементовый погреб, керосиновая лампа; кандышные луга, снеговая вода, кедровый груздь и др.

На третьем уровне членения СТ выделяются тематические подклассы, объединенные словообразовательно-пропозиционным значением (СПЗ):

"имеющий отношение к средству" (буксирный пароход, ручной сепаратор, колесный пароход);

"к функционально значимому объекту" (колесный мастер, машинный двор);

"функционально значимому месту" (заводские молотилки, магазинный хлеб, речная рыба);

"функционально значимому времени" (зимняя, осенняя, весенняя работа);

"к цели, результату" (кормовой горох, банный ковшик, пешная лопата, самогонный аппарат);

"характеризуемый по объекту" (пихтовый лес, рыбное озеро);

"по внешнему виду объекта" (по форме: кирпичный чай, квадратная морда, по цвету: сиреневый цвет);

"по времени" (майский цветок, мёд);

"по месту" (избные цветы, березовая белка, окрестные села, местные ребята);

"по функции субъекта" (цыганская жизнь, материнская ласка);

" по подобию " (крестовый дом, сахарный горох).

СПЗ в рамках СТ, содержащих суффиксальные отсубстантивные прилагательные, многоступенчаты. Приведенные формулировки СЗ яв-

ляются обобщенными, отражающими первую ступень абстракции. Вторая ступень абстракции СПЗ создается за счет конкретизации релятивной семы (функционального предиката). Например, СЗ "имеющий отношение ко времени" конкретизируется СЗ второй ступени: "действующий в определенное время" (зимовая мельница, зимняя дорога), "посаженный в определенное время" (зимовая пшеница).

Представленная модель отражает семантическую структуру продуктивных СТ, имеющих весь иерархический набор СЗ в классов слов в пределах типа. Однако в подсистеме есть и СТ, не имеющие полного набора ступеней.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Земская Е.А. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1973. С.182.

2. См. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986 С.33;

3. Араева Л.А. Парадигматические отношения в словообразовании (в печати).

4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1985. С.118.

5. Янценецкая М.Н. Словообразовательное значение и его ви... Основные понятия. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987.

6. Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. С.50.

7. Кубрякова Е.С. Указ. раб. С.199.

Е.В.Иванцова

ОТРАЖЕНИЕ ВАРЬИРОВАНИЯ СЛОВА В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

Вопрос о лексикографических трудах как источнике исследования вариантности слова рассмотрен на примере разных типов словарей среднеобского региона: толковых дифференциальных[1], обратного[2], мотивационного[3], вариантного[4] и полного словаря одного говора. Все они предоставляют лексикологу разные возможности.

Толковый дифференциальный словарь отражает как формальное, так и лексико-семантическое варьирование слова в говорах. Источник позволяет выявить перечень зафиксированных лексикографами собственно диалектных вариантов (ВЁДРЕНЫЙ-ВЁДРЕШНИЙ-ВЁДРОВЫЙ-ВЁДРЫЙ 'погожий, ясный'; ДИХОТА. 1. Тошнота, 2. Недомогание) и слов, находящихся в вариантных отношениях с общерусскими (ЕРАНЬ 'герань; ЖАЛО 'острая часть различных орудий')[5]. Определив набор вариантов, имеющихся в говорах, мы можем классифицировать их, установить соотношение вариантов разных типов и разновидностей внутри каждого типа. Варианты в толковом словаре разрознены (ссылки на другие варианты имеются не всегда), но при прямом алфавитном порядке расположения материала в источнике частично группируются единицы с формальными различиями в правой части звуковой оболочки. При наличии ссылочной части после толкования значения по источнику можно судить о длине вариантного ряда (ср.: КРУГЛАШ. Круглое нерасколотое полено; см. кругляш и КОСЁВИЩЕ. Рукоятка косы, косовище; см. косовище, косьёвище; то же, что косиловище, косьё, окосево, окосище, окосье).

Толковый словарь включает также грамматические сведенья о вариантах, их ареальную характеристику и примеры употребления этих слов в речи диалектоносителей. Например, ЗВОНЯТЬ, няю, няешь, несов. Звонить. -К утрене звонят (Крив.Крив.)[6]. Контексты помогают судить об особенностях сочетаемости вариантной единицы, локальные пометы - о степени распространенности отдельных вариантов. Так, вариант КИСЛЕНИЦА в значении 'красная смородина' отмечен в источнике в двух, КИСЛИЦА - в трех, КИСЛИЦА - в пятнадцати, КИСЛИЦА - в семи районах среднеобского бассейна. Однако наблюдения в функциональном плане весьма ограниченны. Примеры подобраны в строгом соответствии с заголовками словарных статей и иллюстрируют только их: КЛИВЕР. Клевер. -Наша пчела не может взять с красного кливера, а с белого берёт хорошо здешна пчела (Кем.Яшк.Пашк.). При

этом же известно, употребляется ли в говоре наряду с диалектным вариантом и общерусский эквивалент. Лишь по отдельным контекстам с одной локальной пометой можно установить факт сосуществования и собственно диалектных вариантов в системе одного говора.

Слабо представлены в толковом словаре связи вариантности с другими типами парадигматических отношений. Наиболее очевидна взаимосвязь варьирования и синонимии: она прослеживается и при отсылках к дублетам, и в примерах: КВОКТУНЬЯ. Наседка; см.квохтунья,клоктунья; то же,что квохтуша,квохтушка,квочка,клочка,клоктуша,клокуша,клушка,парунья,седунка,седунья. КВОХТУНЬЯ. [...] Когда курица парит,её квохтунья называли и наседка и парунья,называли и клохтунья (Кем.Мар.Подъел.). КВОХТУША. [...] Квохтуша,а некоторы зовут садунья. Она сперва клохчет, а потом сидит (Пар.Гор.). и т.д. Толкования значений иногда демонстрируют связи формального и лексико-семантического варьирования единиц в диалекте. По данным среднеобских говоров,набор ЛСВ чаще всего совпадает у лексико-фонематических вариантов, ср.: КОЛОК 1.Перелесок,2.Заболоченный участок среди леса - и ОКОЛОК с теми же значениями; КУЛЁМА 2.Ловушка на медведя, 2.Род капкана на мелкого зверя - в КУЛЁНА 'то же'. Антонимические,мотивационные и другие отношения слов с лексическими единицами вариантного ряда можно пронаблюдать лишь по отдельным высказываниям в иллюстрациях источника.

Следует отметить, что лексико-семантическое варьирование отражено в дифференциальном словаре менее полно,чем формальное.

Обратные словари не дают толкования значений слов и поэтому могут быть использованы при изучении вариантных отношений лишь в сочетании с толковыми. Инверсарий фиксирует количество ЛСВ единицы, но при исследовании лексико-семантического варьирования малопригоден. Преимущество обратного словаря перед толковым в том, что он группирует варианты с различиями в левой части звуковой оболочки, облегчая сбор языковых фактов (ЗАЛЮБИТЬ-ПОЛЮБИТЬ-СПОЛЮБИТЬ, УКОТЕРНИК-ЛУКОТЕРНИК-РУКОТЕРНИК). Поскольку члены вариантных пар с различием суффиксов и финалей даны в обратном словаре в рядах образований с однотипными исходами, с его помощью возможен анализ закономерностей возникновения вариантов в результате аналогического взаимодействия групп одноструктурных слов,определение зон развития вариантности и прогноз судьбы ряда вариантных оппозиций (ср.в инверсарии: ЛИСТВИНА,КАРГЫЗИНА,ОСИНИНА, но ДЕРЬВИНА,ТАЛИНА,ТОПОЛИНА... и варианты БЕРЁЗИНА-БЕРЕЗИНА,ОСО-

КОРИНА-ОСОКОРИНА).

У "Мотивационного диалектного словаря" много сходства с дифференциальным толковым словарем, но, наряду с диалектными, он включает общерусские слова и отражает их мотивационные связи. Словарь становится, таким образом, базой для изучения взаимодействия явлений вариантности и мотивированности. Источник демонстрирует, что варианты одного и того же слова могут иметь совпадающий и различный набор мотиваторов. Общность мотивирующих единиц характерна для вариантов, различающихся местом ударения либо одной фонемой в корне или аффиксе. Например: ПАЛЬНУТКА, ПАЛЬНИЦКА и ПАЛЬНИЦА 'самка полевого тетерева' имеют общие лексические (пальник 'полевой тетерев', поле, полевой) и структурные (куропашка, пеструшка, ронжушка, тетёрка - названия самок птиц) мотиваторы. Причем вступает в мотивационные связи не обязательно наиболее близкий по форме к мотивирующему слову вариант. Ср.: Когда придёшь в баню, то перед баней в предбаннике раздеваются (В.-Тет. Б.Яр) (при наличии вариантов ПЕРЕДБАННИК и ПРЕДБАННИК).

Иная картина у формальных вариантов, различающихся аффиксами, и у лексико-семантических вариантов. Как правило, набор лексических мотиваторов у них совпадает полностью или частично, но структурные мотиваторы различны (разный набор либо наличие/отсутствие структурных мотиваторов). Так, варианты ТОЧИЛКА и ТОЧИЛО 'приспособление для точки' имеют общий лексический мотиватор точить и частично совпадающий перечень однокоренных образований от него (точильник, наточить), но разные структурные мотиваторы (молотилка - и зубило, молотило, тесло); у ЛСВ ПОЕСТЬ 'принять пищу, закончить есть' и ПОЕСТЬ 'съесть немного чего-л.' общий лексический мотиватор есть 'принимать пищу', но структурная мотивация в тексте отмечена только у первого из ЛСВ (погулять, попоить, попить...)

По статистическим данным при мотиваторах можно судить о частотности вариантов (ср.: ТАЛИНА, ТАЛИННИК и ТАЛЬНИК 'вид ивы' - соответственно 29, 7 и 39 словоупотреблений).

Словарь свидетельствует не только о частотности варианта, но и о продуктивности модели, по которой он создан (на основании того, имеет ли слово структурные мотиваторы и сколько их). Например, СТРЯПКА 'женщина, стряпающая пищу к свадьбе' мотивируется единицами дружка 'распорядитель на свадьбе', модистка 'портниха', а СТРЯПЧА с тем же значением структурного мотиватора не имеет.

Каждый из рассмотренных источников обладает ограниченными воз-

можностями. Они не дают полного представления о составе вариантных рядов, характеристиках составляющих их единиц. Общей чертой этих словарей является преимущественное отражение так называемых разнодиалектных вариантов, отмеченных в группе говоров, а не реально функционирующих в системе одного говора. С уверенностью можно говорить о сосуществовании вариантов лишь при пометах об одном и том же населенном пункте. Свойство отражения однодиалектных вариантов присуще словарям говора.

Материалы к словарю формальных вариантов в говоре с.Вершинино Томской области (в виде перечня вариантов и образцов словарных статей) З.М.Богословской показывают полный список выявленных в говоре вариантных рядов, дают возможность исследовать характер этих "цепочек", типы формальных различий, отчасти связи вариантности и омонимии, указывают на грамматические особенности вариантов и значения диалектных слов. Например: КЕДРАЧ,а или у,м.-КЕДРОВНИК,а или у,м.-КЕДРЯК,а или у,м. Лес, состоящий из кедровых деревьев; КЕРЖАНКА,и,ж.-КЕРЖАЧКА. Женщина-староверка [4]. В образцах словарных статей приводятся также сведения о числе употреблений вариантов (в абсолютных цифрах) и их частотности (в процентах), социально-речевом типе говора, в котором используется вариант (I-архаический, II-литературный, III-средний), его узуальности/неузуальности, стилевой принадлежности, даны значения слов: БОЕЦ,бойца,18,45%,I,редко III, БОЙЩИК,а,16,40%,I,редко III, СБОЙЩИК,а,м.-6,15%,I и III. Устар. Участник кедрового промысла (тот,кто сбивает кедровые шишки) 4. Приводится обширный иллюстративный материал. Такой словарь был бы наиболее удобен для исследования явления вариантности в функциональном аспекте.

По сравнению со словарем вариантных единиц, полный словарь говора с.Вершинино, составляемый в Томском университете, более скупо отражает контексты и функциональные характеристики слов, однако имеет ряд преимуществ как источник. Он позволяет выявить объем и типы не только формальных, но и семантических вариантов в системе говора. Только этот источник дает материалы для анализа специфики семантической структуры диалектного многозначного слова. Разработанная система помет помогает определить соотнесенность вариантной лексики с основными формами национального языка (литературной, просторечной и собственно диалектной). По предварительным наблюдениям, для говора типичны смешанные вариантные ряды, состоящие из общерусских единиц (О) и их диалектных

вариантов (ДО)- особенно в области формального варьирования: БУДНИ, мн. О и БУДНЯ, ед. ДО, БРИГАДИР, О и БЛИГАДИР, ДО; БОЧКА I. Б ТЫШОЙ цилиндрический сосуд с выпуклыми стенками О и 2. Часть рыболовного снаряда в форме конуса ДО в т.п. Доля собственно диалектных (Д) цепочек в вершининском говоре меньше: БУЕРАК и БАЕРАК 'овраг' Д, БУС I. Мелкое сито, 2. Мелкая мучная пыль, 3. Мелкий дождь Д. У значительной части слов вершининского говора система ЛСВ совпадает с литературным языком, тогда как общерусских рядов среди формальных вариантов, напротив, очень мало.

Наряду со специфическими чертами, этот источник сочетает в себе показания о вариантах, характерные для толкового дифференциального и специального однопараметрового словарей. Комплексное применение разнотипных лексикографических работ позволит наиболее глубоко изучить проблему вариантного слова в говоре. При этом встает вопрос и о совершенствовании принципов таких словарей. Для толкового дифференциального словаря, в частности, желательным было бы регулярное использование отсылок к вариантам, причем отсылок к опорной единице, а не к первой по алфавиту, и более полное толкование значения диалектных вариантов общерусских слов (например, ИДЕ толкуется через "где", но слово "где" многозначно); для обратных словарей - включение в словники лексического значения или указания на тождество семантики слов; для полных словарей - совершенствование иллюстративной части с показом различных парадигматических связей и функционирования вариантных лексем в речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/Под ред. В.В. Палагиной. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1964-1967. Т. I-3 и "Дополнение" к нему/Под ред. О.И. Блиновой и В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1975.

2. Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья)/Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1982-1983. Т. I-2.

3. См., например: Обратный словарь среднеобских говоров.-В кн.: Диалектное словообразование: Очерки и материалы/Под ред. М.Н. Янценецкой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. С. 22-135.

4. Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора. Дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1983. Приложение.

5. Прописными буквами обозначены заглавия словарных статей.

6. Все источники сокращения локальных помет даны в соответствии с источниками.

З.М. Богословская

ФОРМАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ СЛОВА В ПОЛНОМ СЛОВАРЕ ОДНОГО ГОВОРА

Формальные варианты слова рассматриваются в лексикографическом аспекте в работах Т.В.Зайцевой,Б.П.Тимофеева,Т.А.Тимофеевой,В.А.Козырева,Ф.П.Сороколетова,С.Д.Кузнецовой,Е.В.Иванцовой[1].

Как отмечают исследователи,показ вариантных единиц в словарях различных типов является трудной задачей.Сложность проистекает прежде всего от отсутствия единства в решении проблемы тождества слова.К наиболее опорным теоретическим вопросам относятся следующие: 1.Можно ли квалифицировать в качестве вариантов слова многозначные слова,вступающие в вариантные отношения только отдельными своими значениями? 2.Следует ли считать модификациями слова образования, имеющие,помимо материальных различий,различия стилистические,эмоционально-экспрессивные? 3.Являются ли вариантами слова такие формы ,как ГОЛОВА-ГЛАВА,ЗОЛОТО-ЗЛАТО,т.е.русизмы и стар славянизмы? 4.Каков допустимый предел изменений звуковой оболочки слова?Относятся ли к вариантам слова семантически идентичные однокорневые единицы,имеющие разные суффиксы,префиксы?

Кроме того, при составлении региональных словарей возникают дополнительные трудности,обусловленные как спецификой объекта лексикографического описания (диалект - устная разновидность языка),так и многочисленностью, многообразием самого явления варьирования слова.

В пределах русского старожильческого говора с.Вершинино Томской области, на базе которого составляется словарь недифференциального, полного типа[2],нами выявлены 3 002 вариантных ряда,включающие в свой состав 7 193 единицы.В "Словаре современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области)"[3],содержащем свыше 7 тыс.слов,зафиксировано 713 вариантных рядов.Сопоставление этих количественных показателей даёт основание говорить о том,что вариантные единицы довольно многочисленны в одном говоре. Можно предположить:в говорах вторичных по образованию,к каким относится и исследуемый нами говор с.Вершинино,число формальных вариантов слов больше,чем в говорах исконных,к каким относится говор д.Деулино.Очевидно,более широким варьированием слов характеризуются и средиерусские,а также другие переходные говоры,говоры,функционирующие в разнородном окружении.Например,Л.И.Венлина,изучавшая явление конкуренции суффиксов -'l(a)/-ie(a) в славянских язы-

ках, выявила, что варианты слов с данными суффиксами распространены почти повсеместно в говорах русского языка, однако основные очаги их "находятся в средневеликорусских говорах ... и в русских старожильческих говорах Урала, Сибири"[4].

Таким образом, лексикографическая разработка вариантных единиц касается значительного количества слов диалекта.

Наиболее распространённым типом вариантного ряда в говоре, как и в литературном языке, является двучленный тип. Однако в отличие от кодифицированной формы языка в говоре большое место занимают и сложные, многочленные ряды (БОЛЕЗНЬ, БОЛЕС(Т)Ь, БОЛЕСТЬ; БРИГАДИРСТВОВАТЬ, БРИГАДИВИТЬ, БРИГАДИРНИЧАТЬ; ГРИБОВНИЦА, ГРЫБОВНИЦА, ГРИБНИЦА, ГРИБНИЦА). Полный словарь одного говора даёт возможность показать не отдельные виды вариантов слова, а весь вариантный ряд, т.е. совокупность модификаций слова на лексическом уровне. Приведем заголовки некоторых словарных статей: АВТОБУС, АФТОБУС, ВТОБУС; АГРОНОМ, АГРОНОМ, ГРОНОМ; БРЕДЕНЬ, БРЕДНИК, БРОДНИК; ВОЛОЧИЛ, ВОЛОЧИЛ, ВОЛОЧИЛ, ВОЛЧИНЫ; ЗДЕСЬ, ЗДЕСЯ, ЗДЕСЬ; ЗЕМЛЯНИКА, ЗЕМЛЯНИЦА.

В состав вариантного ряда включаются разные с точки зрения системной соотнесенности единицы: общерусские (С), диалектно-просторечные (П), диалектные (Д). Например, ГОРЧЕШНИК и ГОРЧИШНИК (общерусская единица и её диалектный вариант), БЕЛОГОЛОВНИК и БЕЛОГОЛОВКА (диалектные единицы), ЗДОРОВЕЛИЙ И ЗДОРОВУЩИЙ (диалектно-просторечная единица и её диалектный вариант).

В вариантный ряд объединяются единицы, имеющие разную классификационную характеристику: собственно варианты слова, вариантоиды, дублеты. Последние включаются в ряд лишь в том случае, если находятся хоть с одним членом ряда в собственно вариантных или вариантоидных отношениях[5].

Приведем образцы словарных статей с вариантными образованиями.

ГРЯЗНУЧИЙ и ГРЯЗНУЩИЙ. Экспр. Очень грязный. -Штанишки повесит, грязнучие висятся; Грязнуча (внучка). Каждый день мой ед; Широчуша - сильно широка. Есть матерущая - большой, матерый. Такой матерущий, говорят, ой, грязнущий такой. Д 2/П I.

ВТОРНИК и АВТОРНИК. Второй день недели. -В пятницу нельзя колоть, четверг - черви едят, понедельник - тяжёлый день, во вторник - завсегда лучше; Во вторник ты меня жди; (...) она сказала, что Лены нету со вторника на работе; Понедельник, авторник, среда (...). С I6/ Д III 4.

Варианты слов, различающиеся стилевой окраской, помещаются в

разные словарные статьи. Например:

ДЕВОЧКА,р.мн. девочков. I.Ребёнок или подросток женского пола. – Иду нимо,а со мной девошька;А тут девочки как подружки, они то экзамены сдают ....,то втрабатывают, и ходить не с кем. О 24.

// Дочь. – Одну девочку вместе нажили,а енно у каждого по ребёнку было; Вот у ней уж девочка во второй класс перешла. ДО 47.

2. Девушка. – Раньше за позор,за стыд считали,что девочка замуж вышла; Девочки, садитесь чай пить. ДО 44.

ДЕВЧОНКА.Разг. I.= Девочка I. –Я говорю,что я был девчонок беспощадно до пятого класса. О 4I.

// Дочь. – Я была старша в семье.Три девчонки были;Рябина девчонка убежала,и моя убежит,поло оставит всё. ДО I2.

2.= Девочка 2. – Раньше парнишки и девчонки откупят вечёрку, целуются на коленях; Там сидит одна девчонка, её бросил ухажёр. О 36.

Варианты слова,имеющие различия в системе значений,находятся также в разных словарных статьях. Проиллюстрируем это:

ЕЛЬНИК. I.Еловый лес. – А у нас там такой пихтач,ельник;Ели много – так ельник,кедра – так кедрач,когда пихта – пихтач,черемуха – так черемошник. О 7.

2.=Ёлка I. – А,пихта,пихтач,есть да. Есть ельник,сосна,пихты, кедры. ДО I.

ЕЛЬНЯК. = Ельник I. – У нас ельняк там,еловый лес растёт.ДО 3

Вариантные единицы,характеризующиеся одинаковой семантической структурой,но имеющие небольшие различия (в оттенках того или иного значения,в преимущественном употреблении в составе устойчивого словосочетания и т.п.),приводятся в одной словарной статье. Например:

ГРЕМЕТЬ и ГРЯМАТЬ. Издавать громкие,резкие,раскатистые звуки; грохотать. – Грозы гремят шибко; Гроза – потому что гремит там, молнии сверкают,чиркают; Гром уже грямал.Погрямал,погрямал,да дождей нет. О I5 / ДО 2.

// чем. Грохотать. – Ходют,кандалами гремят.Больше тяжелы цепи; Наймут ребятишков,ну,они,по кольям и бегают,погремушками гремят.Зайцев набьют. О 2.

БОЯРЫ (БОЯРЕ),мн.,ед. БОЯР и БОЯРИН./стар.Участник свадебного обряда,гости на свадьбе. – Бояре,тысяцкий.Все бояры невесту дарят деньгами;Про невесту поют и про бояр всех,которы едут;Гуляли у жениха,конечно,первый день с утра и вечером потчеват,а там по

боярам. Д 21

БОЛЬШОЙ БОЯРИН. Устар. Один из почетных участников свадебного обряда. - Рядом о жонихом - большой боярин, а остальные - просто гости. Д 10.

МЛАДШИЙ БОЯРИН. Устар. Помощник большого боярина. - Свадебный поезд едет. Свадьбишны едут, бояре - гости, ребята холостые. И старшие бояре были, и младшие, и большие. Д 2.

СТАРШИЙ БОЯРИН. Устар. Самый почетный участник свадебного обряда, руководитель ритуала. - Бояр несколько. Различали: один - старший боярин, большой боярин, потом младший боярин. Д 2.

При написании заголовка словарной статьи важно разграничение основного варианта и неосновного (неосновных) варианта (вариантов) слова. По мнению О.И.Блиновой, "в основу определения основного варианта должны лечь такие признаки, как 1) степень употребительности (частотность) вариантных образований в говоре (а она различна), 2) их продуктивность и 3) системная принадлежность, т.е. принадлежат ли вариантные компоненты только системе диалекта или они известны и другим разновидностям национального языка. Для определения основного варианта слова в частной системе говора решающим является первый критерий - частотность". Противопоставление вариантов слова по частотности тесно связано со степенью их распространенности по социально-речевым типам говора: архаическому (традиционному, переходному (среднему), "передовому"[6]. По этой причине необходимо привлечь ещё один критерий: широту распространения варианта слова в говоре. Основным представителем вариантного слова является, как правило, узуальная или двухгрупповая (встречающаяся в двух социально-речевых подсистемах говора) единица. Например:

БЕЛЬЧОНОК и БЕЛЁНОК. ДЕТЁНЫШ БЕЛКИ. - Бельчата, бельчонок. Белка, она же переход делат, из тайги шла прямо через деревню, полно ее здесь было; У белки беленок, у лисы - лисенок. О 9 / ДО II-III 3.

Как видим, основной вариант слова - узуальная единица БЕЛЬЧО-НОК, вариант БЕЛЁНОК не встречается в "передовом" типе говора.

Если модификации слова выступают в исследуемой микросистеме как равноценные единицы, при организации словарного материала опираемся на алфавитный принцип.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1.Зайцева Т.В.Лексикографическая разработка структурно и семантически близких слов // Тр.Института языка и литературы АН Латвийской ССР. Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига,1963. Т.14. С.23-30;
Тимофеев В.П. Исходная (словарная) форма слова в русском языке: Учебное пособие. Свердловск,1971.С.56-61; Тимофеева Т.А. Варианты слов в словарях русского языка. Краснодар,1981.-16с. Деп. в ИНИОН АН СССР 4 авг. 1981 г., № 8289-81;Козырев В.А. Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л.,1986. С.3-17; Сороколетов Ф.П.,Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.:Наука,1987.С.177-184; Иванцова Е.В.Отражение варьирования слова в диалектных словарях // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири,Урала и Дальнего Востока: Тезисы докладов 24-26 октября 1983 г. Красноярск,1988. С.118-119.
2.Блинова О.И. Полный словарь одного говора // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири,Урала и Дальнего Востока:Тезисы докладов 24-26 октября 1988 г. Красноярск,1988. С.108-110.
3.Словарь современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред.И.А.Оссовецкого. М.:Наука,1969. 612 с.
4.Вендина Т.И. Явление конкуренции суффиксов - (а)/- (а) в славянских языках (к проблеме прогрессивной палатализации заднеязычных):Автореф.дис. ... канд.филол.наук. М.,1973. 24 с.
5.Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора Автореф.дис. ... канд.филол.наук. Томск,1984.-19 с.
6.Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса. - Томск: Изд-во Том. ун-та, Изд. 2-е,1975.С.99.

Л.Г. Гусева

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XIX - НАЧАЛА XX в в. КАК ИСТОЧНИК УРАЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Уральские народные говоры, история которых исчисляется несколькими веками, являются результатом взаимодействия различных русских говоров, контактов с языками аборигенов этого края, о чем свидетельствуют материалы вышедших 7 томов "Словаря русских говоров Среднего Урала"[1]. Поскольку в этом словаре представлена диалектная лексика, зафиксированная в XX веке (прежде всего во второй половине), очевиден интерес к диалектным материалам на исследуемой территории, отраженным в различных письменных источниках. "По-видимому, именно полная история тех или иных говоров в их эволюции от эпохи к эпохе должна быть в идеале в центре внимания славянской региональной исторической диалектологии. При этом избранная диалектная территория может и не совпадать с ареалом всего диалекта, она может быть представлена и точкой, и локальной зоной или произведениями местных писателей. Наиболее удачным представляется здесь метод взаимно сопоставимых на единой шкале сравнения отдельно избранных локальных микрозон", - отмечает А.С. Герд [2]. Таким представляется путь изучения лексики и среднеуральских говоров в диахроническом плане.

Среди многочисленных источников диалектной лексики находятся и периодические издания XIX - начала XX века, прежде всего, "Записки УОЛЕ" и "Живая старина", содержащие в ряде статей уральские диалектные слова. Среди них статьи Ф. Зобнина "Из года в год" (описание круговорота крестьянской жизни в Усть-Ницынском селе Тюменского округа)[3], О.Е. Клера. "Материалы к флоре и фауне Уральского края: о некоторых лечебных травах Среднего Урала"[4], Л.Ф. Первушина "Суеверия села Катайского Камышловского уезда"[5], В.И. Яркова "Наговоры, записанные в Сысертском заводе в ноябре 1895 г."[6], "Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде" и "Дополнения к сборнику пословиц и поговорок" В.Г. Олесова[7], "Материалы по этнографии Пермского уезда" А.И. Костарева[8], "Очерки по истории, географии, промышленности и этнографии Урала" М.В. Малахова[9] и др.

Сопоставление уральской диалектной лексики, зафиксированной в указанных выше работах, с материалами "Словаря русских говоров Среднего Урала" (СРГСУ) и его картотеки дает возможность говорить о многих лексемах, отсутствующих в современных говорах на этой территории, о развитии семантики диалектных слов. Так, Ф. Зобнин, давая развернутую картину жизни крестьян, где "дроворуб, пахота да страда

подвигается в своем неизменном порядке из года в год", отмечает ряд таких слов:

В о р о о н "орудие для манипуляции с пряжей"(в СРНГ,У,II7 это слово, сопоставляемое с широко бытующим в русских народных говорах в о р о б ы "орудие для разматывания и наматывания ниток, пряжи в виде крестовины из вращающихся деревянных планок, укрепленных горизонтально на планке", дается со ссылкой только на материалы Ф.Зобнина).

В о р о т ц а "одна из молодежных игр", и г р а т ь в о р о т ц а м и: "на полянке же играют воротцами. Двое из играющих образуют собою 2 столба. Затем, подняв вверх по одной руке, они держали в ней платок, заменяющий перекладину на воротах. В эти воротца пробегает одна пара за другой, образуя также воротцы". Этот фразеологизм отмечен в СРНГ(У,I24) тоже со ссылкой только на материалы Ф.Зобнина.

Г у щ е н н и к "посуда, в которой держат гущу".

Ж е р л и ц а "большая удочка". В СРНГ (IX,I4I) отмечены только ж е р л и к а, ж е р л и к а, ж е р л и х а. В "Словаре русского языка XI - ХУП в в."(У,93) отражено ж е р л и ц а "снасть для ловли щук и других хищных рыб".

З а т о р "очень густое тесто". В СРНГ в данном значении слово не отмечено.

Л о в д а "две досочки, своим колебанием указывающие на присутствие рыбы в мотне". В СПСУ (II,83) отмечены л а в д а, л а й д а, л а ф т а "центральный поплавок невода".

Н а м а з у ш н и к "вид ловушки на рыбу". В СРНГ (XX,29) отмечено с указанием на уральскую территорию слово н а м а з у ш к а "рыболовная морда, намазанная внутри приманкой".

Не отмечены в современных среднеуральских говорах также слова, как б а с т р а ж ь "врун" (зафиксировано М.В.Малаховым; в СРНГ (II,I36) слово дается со ссылкой только на этот источник), ш п о к в а р ь "скалозуб", т о л о ч и т ь с я "унавоживать поле"[9]; х р о б о с к о "дерзко" (ср. х р о б о с (т)к и й "шумный, звучный, громкий, резкий, прыткий; быстрый, стремительный; храбрый, смелый. Вода, кровь хробоско бежит. Хробоско живет - пышно, красиво." Даль, IУ,566), п я л е н о й "шалун"[10] (ср. п е л и т ь с я "шалить". СПСУ,III,I24, п я л и т ь с я "взбираться на что-нибудь, залезать; проникать, лезть, куда-нибудь"[11].

Едва ли будут понятны без специальных изысканий по выяснению значения диалектных слов следующие пословицы: ближняя с з а р о к о м, а дальняя с двумя (ср. з а р о к "недостаток" перм. - СРНГ,

Х,388), дожил' до т ю к и (до крайности), ни хлеба, ни муки, с х в а с т о й (вранья) пошлин не берут, - записанные В.Г. Олесовым.

В указанных работах содержатся интересные материалы для наблюдений над семантикой диалектных слов: ср. н а п р о с т е "на просторе, на свободе" и н а п р о с т е "налегке"(СГСУ,II,180), в р а к а т ь "предсказывать будущее" и в р а к а т ь "сплетничать" (СГСУ,I,97), г у н я "одежда" и г у н я "ветхая одежда"(СГСУ, I,130), п о к у ч и т ь с я "повиниться" и п о к у ч и т ь с я "попросить, пожаловаться" (СГСУ,IУ,78) и др. Так, И.Кузнецова отмечает, что около 30% диалектных слов, зафиксированных Ф.Зобниным, имеют другие значения в современных уральских говорах[12]. Некоторые слова отличаются либо морфемами: н е х т о ж а "ничтожный человек" и н е х т о м и н а "недостойный уважения человек"(СГСУ,II,208), ш а д р о в и т ы й шадровитый (корявый) - "оспы не боится" и ш а д р и в о й (ш а д р и в ы й)"с оспинами, рябинами (о лице, а также о человеке с таким лицом)" - СГСУ,УII,40; либо на уровне фонемного состава: и н е в д я к у (не хочется) - да пономаришь, ср. н е в д я х у "поневоле, по необходимости" (СГСУ,II,193).

Выявление подобных слов (с учетом материала и других источников: первых диалектных словарей, фольклорных произведений, записок путешественников, уральских памятников письменности в краеведческих музеях и в археологической лаборатории Уральского университета), организация этого материала может быть началом создания лексикографического труда, показывающего уральские говоры в развитии.

Кроме этого, выявление диалектной лексики, отсутствующей в современных говорах, дает возможность изучать ее в разных аспектах: этимологии, словообразования, системных отношений, тематической классификации, архаизации диалектной лексики. Часть материала, как показывает анализ, не отражена в "Словаре русских народных говоров" и может быть использована для пополнения картотеки этого словаря.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1.Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск:Изд-во Свердловского ун-та,1964-1988.

2.Герд А.С. Славянская региональная историческая диалектология и русский Север//Лексика и фразеология северорусских говоров. Вологда,1986.С.7.

3.Зобнин Ф. Из года в год (описание круговорота крестьянской жизни в Усть-Ницынском селе Тюменского округа) //"Живая старина".-СПб, 1894.

4.Клер О.Е. Материалы к флоре и фауне Уральского края: о некоторых лечебных травах Среднего Урала//Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1878.Т.IУ.

5.Первушин П.Ф. Суеверия села Катайского Камышловского уезда// Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1898. Т.ХУП. Вып.2.
6.Арков В.П. Наговоры,записанные в Сысертском заводе в ноябре 1896 г.//Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1898. Т.ХУП. Вып.2.
7.Олесов В.Г. Сборник пословиц и поговорок,записанных в Камышловском уезде//Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1884. Т.УII. Вып.4. Он же. Дополнение к сборнику пословиц и поговорок//Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1884. Т.УII. Вып.4.
8.Костарев А.И. Материалы по этнографии Пермского уезда//Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1907. Т.ХХУI.
9.Малахов М.В. Посмертные записки.Вторая Серия.Очерки по истории, .географии,промышленности и этнографии Урала//Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1906. Т.ХХУП.
10.Нотвин Н.П. Говор крестьян Шадринского уезда Пермской губернии// Записки УОЛЕ. Екатеринбург,1913. Т.ХХХП.
11.Словарь говоров Соликамского района Пермской области/Составитель О.П.Беляева. Пермь,1973. С.524.
12.Кузнецова И. Диалектная лексика,характеризующая крестьянский уклад жизни,в работе Ф.Зобнина "Из года в год"//Актуальные проблемы филологии.Тезисы студенческой научной конференции II-I2 апреля 1989 г. Свердловск,Изд-во Уральск.ун-та,1989. С.4I.

Т.А. Демешкина

МОТИВАЦИОННЫЙ ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мотивационный диалектный словарь (далее сокращенно:МДС)[I] представляет собой уникальное явление в лексикографической литературе.Уникальность его заключается в том,что,будучи словарем нового типа,он фиксирует не только лексические единицы,но и отношения мотивации между ними.Данные МДС и его картотеки имеют большое значение для изучения говора в лексикологическом,словообразовательном и синтаксическом аспектах.Трудно переоценить возможности МДС при построении типологии смысловых отношений разноуровневых единиц языка.Материалы МДС отражают около 30 тысяч случаев актуализации отношений лексической мотивации слов,что позволяет выявить типы смысловых отношений мотиваторов разных частей речи.Обратимся к структуре словарной статьи МДС.Словарная статья содержит 3 части: заглавное слово (I),мотивирующие единицы (II),контексты,иллюстрирующие актуализацию мотивационных отношений заглавного слова (Ш).

Каждая часть статьи с разной степенью эффективности может быть использована при выявлении смысловых связей слов. Первая часть словарной статьи состоит из заглавного слова в начальной орфографической форме, его грамматической характеристики и толкования лексического значения. Наибольший интерес представляют для нас дефиниции словаря, которые существенным образом отличаются от способов толкования слов в других словарях. Используемые способы подачи однокоренных слов в словарях часто не отражают семантических связей между ними. На этот недостаток в толкованиях значений указывают А.Н. Тихонов [2], Е.А. Земская, Е.А. Иванникова [4] и др. Дефиниции МАС наряду с компонентами лексического значения, обладающими различительной силой, содержат мотивирующие единицы и указывают на классификационную принадлежность обозначаемого (лицо, орудие, растение и т.п.). Предикатная часть единицы сигнализирует" о характере и особенностях связи между мотиваторами. Дополнительная часть толкования отражает индивидуальные смысловые особенности мотивемы, которые не имеют формального выражения и не обусловлены соотносительностью слова с лексическими и структурными мотиваторами.

Выявление типов смысловых связей слов возможно в результате последовательного обобщения всех частей дефиниции. При этом обобщению (конкретизации) одной части соответствует обобщение (конкретизация) других. В результате такого подхода выводятся формулы толкования лексического значения мотивированных слов, на основании которых определяются классы мотивированных и мотивирующих слов и особенности характера их связи.

Обобщение той части толкования, которая соответствует форманту (значимому сегменту, отражающему классификационный признак слова), позволяет все мотивированные слова объединить в несколько групп, неодинаковых по количеству и характеру устанавливаемых мотивационных отношений: имена со значением лица, животного, места, времени, конкретного предмета и имена деятельности. Выделенные группы имен отличаются друг от друга типом предметно-понятийного содержания, составляющего основу лексического значения. На собственно языковом уровне это проявляется в разноаспектности семантики, что, в свою очередь, обусловливает специфику смысловых связей слов.

Обобщение предикатной части толкования значения мотивемы позволяет определить тип семантического аспекта, на основе которого осуществляется связь с мотиватором. Так, в слове конюшня, употребляемом в одном контексте со словом конь, актуализируется функциональный аспект семантики. Информация о том, какой именно аспект значения лексического мотиватора участвует в установлении

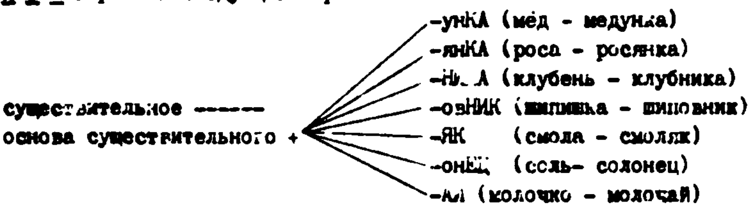
мотивационных связей, содержится в толковании мотиватора (II часть статьи). При этом акцент делается на представлении тех аспектов семантики мотиватора, которые являются актуальными при установлении отношений мотивации. Так, слово морковь, в зависимости от того, какой лексико-семантический вариант слова морковник оно мотивирует, толкуется в одном случае как 'съедобные, утолщенные корни оранжевого цвета' (актуализируется функциональный аспект 'предмет, употребляемый в пищу'), в другом - 'огородное растение' (реализуется характеризующий аспект 'растение'). Выбор лексического мотиватора и, следовательно, тип актуализируемого аспекта семантики диктуется заданием коммуникативного акта.

Анализ толкования значений мотивемы и её лексического мотиватора позволяет выявить регулярные и нерегулярные типы смысловых отношений слов. Так, мотивированное существительное реализует 34 типа смысловых отношений, наиболее регулярными из которых являются следующие: действие - субъект действия ("Ботом бьют по кедре, шишки-то вот и валются. Собиральщики внизу ходют, собирают"), действие - объект действия ("На леденцы длинные похожи сосульки, сосать бы их, да холодные"), действие - средство действия ("У нас больша была жаровня, чугунна, отец на пески брал, рыбу жарил"), действие - место действия ("Они тода не ломаются, кода их в парник парить положат - полозья или дуги"), действие - результат действия ("Затируху варили раньше. Молоко скипятят, муку сыпют и мешают. Она там и разотрется. И на воде есть".), предмет - результат переработки предмета ("Кожики из кожи делается, кожаны еще верхонки называтся"), предмет - место нахождения предмета ("Колокольня кругла была . Всю паску звонили. Другой ловкий был бить в колокола, хыть пляши"), совокупное множество предметов - предмет ("Шуга - это значит снег и льдинки, а когда чиста река, ни одной ни снежинки нет, ниче"), отношения родства ("С медвежиху ростом был большой медведь"), отношения размера ("Пила, ручки, придавют полотно, пригнул у пилы...Ручна пила, или ножевка, одна ручка"), отношения количества ("Така гнусина была! Нету гнусу сечас"), отношения сходства ("Крапивка еще есть, у неё листья, как у крапивы, есть она двух сортов, лист красивый, с рисунком").

Периферию смысловых отношений составляют отношения: действие - опредмеченное действие ("Потом лён чесали...И после чески лён становился чистым"), орудие действия - побочный результат действия ("Сомчём спожинки. В мялках. Подм[illegible]е.")

Вторая часть словарной статьи содержит (помимо лексического мотиватора) структурный мотиватор и статистические сведения.

Анализ формантов, общих у структурного мотиваторе и мотивемы, помогает выявить формальные средства выражения типов смысловых отношений слов. Мотиваты имеют общие корневые морфемы и в дополнение к ним набор значимых сегментов, выражающих классификационный признак слова. Так, смысловые отношения часть предмета – предмет – выражены следующим образом:

Третья часть словарной статьи МДС содержит иллюстративный материал, дающий богатую возможность изучения отношений мотивации в синтаксическом аспекте.

На синтаксическом уровне мотивационные отношения возникают в результате взаимодействия компонентов пропозициональной структуры предложений. Возможны следующие типы отношений между мотивационно связанными предложениями: отношение тождества ("Капуста любит глинистое место...Глина, песок для капусты хорошо"), отношения включения ("А я вот город не люблю. Была в Томском, дак стосковалась по дому. Не люблю в очереди. Городские нахальны. Прибежит какая, встанет: "Я была, была!") отношения пересечения ("Сушат его(лен), таки мялки были, мнут его, получается куделя, потом треплют его, этот лён, потом чесали его- така чесалка из гвоздей сделана, вычешут его, и тода прясть начинали на прялке".)

Таким образом, анализ структурной словарной статьи МДС показывает, что словарь дает возможность построить типологию смысловых отношений не только лексических, но и синтаксических единиц языка.

Примечания

1. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982 Т.1 (А-О); 1983. Т.2 (П-Я).

2. Тихонов А.Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ.//Вопр. языкознания, 1967 № 1, С.112-120.

3. Земская Е.А. Производные слова в толковых словарях русского языка.//Современная русская лексикография 1976. Л.: Наука, 1977, С.110.

4. Иванникова Е.А. Производные слова грамматического функционирования как объект лексикографии 1976. Л.: Наука, 1977. С.122-135.

Н.Е. Грушко

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ПОЛИСЕМИЮ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

В имеющихся словообразовательных словарях учитываются главным образом структурные связи производного и производящего. Словарь гнездового типа не дает возможности в полной мере описать семантические связи слов, поскольку словарная статья в словаре такого типа дает лишь плоскостное изображение словообразовательных связей, не учитывая многомерность, объемность семантических связей слов словообразовательного гнезда. Представляется, что следующим шагом словообразовательной лексикографии должно стать описание семантических связей слов. Словообразовательный словарь такого типа может иметь две разновидности: являться словарем производных слов или описывать семантику словообразовательных типов. Предлагаемое описание полисемии имен действия и схема-матрица могут быть использованы при составлении словаря производных слов.

Полисемия имен действия долгое время находится в поле зрения исследователей. Самой яркой особенностью семантики таких существительных является наличие в структуре их полисемии синтаксических и лексических дериватов, процессуальных и предметных значений. Наиболее свободно глагол реализует свои словообразующие возможности в образовании имен действия.

Задачами данной работы является: I) выявление в структуре полисемии имен действия словообразовательных значений разного уровня абстракции, 2) описание различных факторов, значимых для формирования полисемии имен действия, 3) выработка схемы-матрицы для словообразовательного описания многозначных имен действия, которая отражала бы иерархию ЛСВ в структуре полисемии. Дальнейшее описание посвящено решению сформулированных выше задач.

I. Все имена действия имеют одно общее словообразовательное значение (ОСЗ) - "предмет по действию". В структуре их полисемии совмещаются словообразовательные значения различных уровней: собственно словообразовательные (ССЗ) и лексико-словообразовательные (ЛСЗ). Собственно словообразовательные значения характеризуются отсутствием идиоматичности, для лексико-словообразовательных характерно её наличие. Причем как теми, так и другими представлены и предметные, и процессуальные ЛСВ. Несколько замечаний о методике их выявления.

ССЗ являются отражением синтаксической сочетаемости производящего глагола и имеют формулы "субъект действия", "объект-результат действия", "орудие-средство действия", "место действия". Например, оковка$_2$ "то, чем оковано", выброс$_2$ "то, что выброшено", сплетение$_2$ "то, что сплетено". Значения синтаксических дериватов представляют собой один из видов ССЗ, в котором актантная структура глагола выступает в свернутом виде, например, ковка$_I$ "действие по глаголу ковать".

ЛСЗ являются отражением лексической сочетаемости глагола и характеризуются идиоматичностью. Например, расческа$_2$ "гребень для расчесывания волос", впадение$_2$ "место, где река впадает в море". ЛСЗ объединяются в такие типы, как, например, "место деструктивного воздействия на предмет"/ скос$_2$,сгиб$_2$, срез$_2$, порыв$_2$, надрез$_2$/, "количество полученного продукта"/обжиг$_2$, обмолот$_4$, укос$_2$, высев$_2$/ "отверстие"/прокол$_2$, пролом$_2$, прорез$_2$, выруб$_2$/.

Замечено, что чистая синтаксическая деривация - явление более редкое, чем деривация лексическая. Образование синтаксических дериватов также может сопровождаться идиоматизацией. Например, плавка$_2$ "один производственный цикл выплавления металла", усечение$_2$ "сокращение слова или стиха в конце", проварка$_2$ "обработка горячей водой", вынос$_2$ "проводы умершего к месту погребения". Процессуальные ЛСЗ, так же, как и предметные, можно объединить в типы, например, "время действия"/бороньба, косьба, удьба/, "интенсивные действия /дерготня, толкотня/, "однократное действие"/севок, клевок, хлопок/, "физическое состояние человека"/тошнота, икота, ломота/.

II. Представляется, что основными факторами, релевантными для формирования полисемии отглагольного имени, являются: I) степень участия семантики производящего, в этом плане необходим учет омонимии и полисемии; 2) степень участия суффиксальной семантики, т.е. словообразовательного типа, которому принадлежит производное; 3)результаты внутрисловной, семантической деривации, при анализе соотношения внутрисловной и межсловной деривации необходимо выявить способы /степень/ их взаимной поддержки. Рассмотрим последовательно эти факторы.

I. Прежде всего необходимо выявить случаи мотивированности ЛСВ имени разными глаголами. Например, разделывать$_I$ — разделка$_I$, разделать — разделка$_2$. Полисемия производного может создаваться за счет мотивации ЛСЗ омонимами. Например, I.навешивать — навеска$_I$, 2.навешивать$_2$ — навеска$_2$. Наконец, семантическая структура имен дейст-

ями может формироваться за счет множественной мотивации переходным и возвратным глаголом, например, вращать и вращаться → вращение, подписать и подписаться → подписка.

На возможность мотивации несколькими ЛСВ многозначного глагола влияют два фактора: принадлежность глагольного ЛСВ к определенной лексико-семантической группе или способу глагольного действия, а также стилистическая сфера деривации. Так, глаголы физического действия, обладающие наиболее развитой полисемией, мотивируют, как правило, своими прямыми значениями, так как актантная структура глагола выступает здесь в наиболее полном виде. Глаголы же звучания способны мотивировать своими переносными значениями, например, мычать$_{I}$ → мычание$_{I}$, мычать$_{2}$ → мычание$_{2}$, ср. ржать → ржание. У приставочных глаголов способностью мотивировать обладают ЛСВ, принадлежащие результативным способам глагольного действия, временные модификации глагольных значений в имена не переходят.

Существительные, образованные от переносных значений глагола, скорее являются исключением, чем правилом отглагольной деривации. В основном такова природа полисемии в сфере разговорной речи и просторечия.

2. Суффиксальная семантика влияет на полисемию имени в двух аспектах: количественном и качественном. Количественный аспект проявляется в том, что суффиксальная семантика предопределяет возможность наследования именем глагольной полисемии, т.е. количество глагольных значений, переходящих в синтаксические дериваты. Качественный аспект проявляется, во-первых, в том, что словообразовательный тип имени влияет на появление в структуре его полисемии наряду с процессуальными предметных значений и, во-вторых, в том, что от него зависит уровень абстракции синтаксического деривата, ССЗ или ЛСЗ. Рассмотрим последовательно эти факторы.

Наиболее полно усваивают многозначность глагола имена на -ние. Так, например, существительное перевязывание обозначает действие по четырем значениям глагола перевязывать и двум значениям глагола перевязаться. Имена других словообразовательных типов на -ка и безаффиксные отличаются в этом плане от имен на -ние. Они, как правило, наследуют лишь одно, реже - два значения глагола. Например, перерез$_{I}$, перерезка "действие по I зн. глагола перерезать"/из 4 ЛСВ/, подрез$_{I}$, подрезка "действие по I зн. глагола подрезать"/из 4 ЛСВ/, пробег$_{I}$,пробежка "действие по I,2 зн. глагола пробегать"/из 7 ЛСВ/.

По способности совмещать в структуре полисемии процессуальные и предметные значения имена разных словообразовательных типов также различаются. Для имен на -ние предметные значения наименее характерны, отсутствуют предметные значения также и у имен на -ок, -б/а/, -от/а/, ек, к/и/, -мн/и/, -отн/я/. Имена действия с суффиксом -к/а/ и нулевым суффиксом наиболее "охотно" совмещают в структуре полисемии процессуальные и предметные ЛСВ.

По способности конкретизировать значения синтаксических дериватов до уровня ЛСЗ суффиксы имен действия выстраиваются в своеобразную шкалу: от имен на -ние к именам на -ка и с нулевым суффиксом, а затем к именам с суффиксами -ок, -б/а/, -от/а/ -отн/я/, имеющих значения, конкретизированные до уровня ЛСЗ.

3. По результатам деривации в структуре полисемии имен действия выделяются 3 типа ЛСВ: а) результат межсловной деривации, б) результат двойной мотивации - глаголом и первичным значением имени, в) результат семантической деривации. Встает проблема их разграничения.

Безусловно, в результате межсловной деривации появляются процессуальные ЛСВ, а также некоторые предметные, например, садить$_{II}$ → садка$_2$ "материалы, помещаемые в горячую печь". К межсловным дериватам относятся ЛСВ имени, появившиеся в разных функциональных стилях, например, притычка$_I$ прост.- притычка$_2$ спец. К результатам межсловной деривации следует отнести именные ЛСВ, образованные от переносных ЛСВ глагола, например, резня$_2$, грызня$_2$.

Двойная мотивация предметного ЛСВ возможна в двух случаях: I) когда процессуальное значение конкретизировано до уровня ЛСЗ, например, посадка$_I$ "размещение саженцев в земле" -- посадка$_2$ "высаженные деревья"; 2) когда процессуальное значение восходит лишь к одному из значений многозначного глагола или к однозначному глаголу, например, смазка$_I$ "действие по гл. смазывать$_I$" — смазка$_2$ "вещество, которым что-л. смазывают". Возможность появления у имени действия вторичного предметного значения зависит также от словообразовательного форманта, так, имена с конкретными суффиксами -б/а/. -ок, -отн/я/ -ет не приобретают вторичных значений предмета.

ЛСВ имени, данные в толковых словарях с пометой "переносное", могут иметь разную природу. Так, например, ржание$_2$, мычание$_2$, грызня$_2$ - с пометой "переносное" - являются результатом межсловной деривации, т.к. образованы от глагольных переносных ЛСВ. Следует отличать от переносных значений такого рода переносные значения, по-

явившиеся в результате внутрисловной деривации, метафорического переноса. Видимо, перенос значения имеет место в тех случаях, когда в производном : э имеется значение на уровне ССЗ и оба ЛСВ имеют одно актантное значение /объектное, субъектное и т.п./. Как правило, метафорический перенос осуществляется в семантической парадигме таких производных, которые уже имеют значение результата, обычно они даются с пометой "специальное". Например, срез$_2$ "место, по которому что-л срезано" — срез$_3$ "пласт ткани, подвергаемый обработке"; прокол$_2$ "отверстие" — прокол$_3$ "недочет, упущение в работе"; ср. накал$_3$, подкол$_3$ надлом $_3$, надрыв$_{3,4,5}$, переплет$_3$, сколок$_3$, налив$_5$, раз.ез$_4$, размах$_3$. Обычно метафорические значения имеют имена с нулевым суффиксом. Поск.льку словообразовательный формант здесь материально не выражен, "сопротивление материала" сведено практически к нулю.

Итак, на пересечении действия всех етих факторов как некая равнодействующая сила формируется система значений, т.е. организованное множество значений многозначного имени действия. Встает задача адекватного лексикографического отражения етой системы. В словарной статье необходимо отразить весь комплекс факторов: уровень абстракции значений - ССЗ или ЛСЗ, влияние полисемии и омонимии производящего, влияние словообразовательного типа производного, результаты семантической деривации, иерархию ЛСВ в структуре полисемии.

Ш-IУ. Предлагаем следующую схему-матрицу, отражающую вышеперечисленные факторы, формирующие полисемию производных имен действия.

ЛСВ		ССЗ лексемы - "предмет по действию"
I.	синт. деривация	СЗ = ССЗ "действие по I зн. гл.(всего у гл. 5 зн.)
2.		СЗ = ЛСЗ "действие по гл." + идиоматичность
3.	Лексическая деривация	СЗ = ССЗ "предмет, имеющий отношение к действию" а)объект-результат действия - "то,что...", б)орудие-средство действия - "то,чем...", в)место действия "место, где..." г)субъект действия - "кто,что..."
4.		СЗ = ЛСЗ "предмет, имеющий отношение к действию + идиоматичность а)объект, б)орудие, в)место, г)субъект действия.
5.	Семантическая деривация	СЗ = ЛЗ - метафорический перенос значения

Реальные семантические парадигмы имен действия формируются путем комбинации вариантов значении, например, I+3, I+4, I+3+5, I+3+4 и т.п.

Г.В.Калиткина

ОБ ОДНОЙ ПОМЕТЕ В МОТИВАЦИОННОМ ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ ФОРМ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Среди системы помет, используемых в литературных и региональных словарях, к формам субъективной оценки имен типа ДОМИШКА – ПАРНЕНЧИШКА – ШУЧОНКА – РАБСТЕШКА относятся пометы "снисходительное", "презрительное", "уничижительное". При этом в настоящее время нет удовлетворительных оснований разграничения данных помет, что отмечается многими авторами[1]. Мы предлагаем ввести для подобных форм субъективной оценки имен существительных помету "табу".

Первым достаточно полно описал феномен табу Дж.Дж.Фрезер[2], подведя под общий термин магических запретов все те действия, от которых удерживался первобытный человек во избежание (воображаемых) вредных результатов. На известной стадии человеческого развития "магия носила не только вселенский, но и универсальный характер, не было ни одной области природы, ни одного уголка повседневной жизни, на которую дикарь бы не распространял законов магии, власти ее чар и запретов. Но особенно важную роль, разумеется, играла магия в хозяйственном обиходе"[3]. Однако и Дж.Дж.Фрезер, и Л.Леви-Брюль[4] рассматривают данное явление с этнографических позиций.

С.Ульманн[5] обращается к причинам возникновения языковых табу в цивилизованном обществе: чувству страха, чувству деликатности, стремлению соблюдать приличия и придает табу статус семантической универсалии. С.Видлак[6] также анализирует современные факты и заключает, что "определенные содержания в данных социально-психологических условиях могут быть выражены только при помощи соответствующих в данном случае языковых форм, тогда как другие языковые формы того же самого содержания оказываются – как несоответствующие – изъятыми из лексического обихода временно или навсегда"[6]. Энциклопедия "Русский язык" также постулирует существование системы табу "на самых поздних стадиях развития общества и культуры"[7].

Что касается субститутов табуированных языковых знаков, то, на наш взгляд, в данной функции выступают формы субъективной оценки имен в следующих условиях.

I. При описании "параллельных миров" – абсолютной аналогичности внешних обстоятельств для автора сообщения и некоторых вторых лиц: "А у меня девеча ПОРОСЯТИШКА занемог...А у чего боров всопалился, и свинья, и поросята пропадают. Это бог наказал, а боров мой уже день лежня лежит, все болеет БОРОВИШКА" (Том.Н.Шт.). "Мартея

давеча выпустила овечек, овечки-то будут ходить в стаде. Стала (и я) ОВЧОНОК держать, хрёстный дал, и мы развели" (Мар.Б.Ант.). "Эта СВИНЕШК у меня в зиму пойдет. А у тебя нынче большая свинья выросла" (Колп.Инк.).

На наш взгляд, это наиболее яркое проявление табу на "мир" субъекта речевой деятельности, поскольку описание параллельной ситуации свободно от табуирования соответствующих языковых форм. Заметим также, что во всех контекстах речь идет о домашних животных, "вредные последствия" для которых более ощутимы, чем для объекта неживой природы, скажем, для какого-либо предмета хозяйского обихода.

2. "Стреляли из дробовиков и ловили петлями. ДРОБОВИЧИШКА был" (Юж.Урт.)."Возле коров вся-то жизнь и прошла. Жили небогато: КОРОВЁНКА была, ЛОШАДЁНКА" (Юрг.Вар.)"Пойти ОГУРЧИШКИ снять(...)Тады много было огурцов".(Зыр.Шин.)"На быках пахали и боронили, и сено возили:скот обеспечали(...) а в войну и в колхозе надо, и свою СКОТИНЕНКУ - трудно было".(Шег.Труб.)"По сено ездили...Себе СЕНИШКА привез пару возов".(Мол.Майк.).

В контекстах данной группы нет описания параллельных миров. Введение/снятие табу обусловлено сменой фокуса, в котором рассматривается данный фрагмент действительности. Например, СТРЕЛЯЛИ ИЗ ДРОБОВИКОВ И ЛОВИЛИ ПЕТЛЯМИ - общий план, панорама ситуации: люди промышляли при помощи орудий. Отправитель сообщений остается ВНЕ данной программы как с собственной точки зрения, так и с точки зрения получателя сообщения. Вторая часть контекста ДРОБОВИЧИШКА БЫЛ - крупный план, в фокус попадает автор. Отсюда немедленное введение табуированной формы, (подсознательно) предписываемой теми же соображениями, что и рассмотренные выше. Возможен и противонаправленный процесс: вместо мира отправителя сообщения объектом описания становится некая внеличностная ситуация. Результатом становится снятие табу:"Была КОРОВЁНКА, да таперича - нет. Стара уж стала. Коровушку-то держать - сенка ей надо" (Кем.Ал.).

3. В данную группу можно объединить контексты, в которых табуированию подвергаются реалии, связанные с традиционными промыслами и видами сельскохозяйственной деятельности. В контекстах данной группы нельзя наблюдать отмеченное выше изменение фокуса, так как они более узки, ограниченны: "Выпустила СВИНЕНЧИШКА, ен во дворе вылезет, в окошко входит, могли бы БЫЧИШКА купить" (Том.Берш.). Места у нас таки, что до хорошей рыбы надо лопатки поломать. В СЗЕРИШКАХ, ИСТОЧИШКАХ полно чебаков, окуней, щук, карасей. Закинешь БРОДНИЧИШКА в каку-нибудь ямку, глядишь - ведро, а то пол-

тора ведра добудешь" (Пар.Алат.)."ПОМИДОРИШКИ, ОГУРЧИШКИ посадили" (Колп.Волк.). "Ну, СКОТИНЁШКУ держали: КОРОВЁНКУ держали, ЛОШАДЁНКУ, да" (Колп.Н.-С.).

Ср.:"Осетр вообще большой, маленьким не бывает. Так небрежительно говорят: так, ОСЕТРИШКА поймал. А он все равно большой" (В.-Кет.Б.Яр.).

4. Табуированные формы могут вводиться речевым этикетом в тех случаях, когда отправитель сообщения видит себя ВНУТРИ отдельной ситуации, причисляя себя к определенному социуму: "ДВОРИШКИ МУЖИЧИШКИ пришли из армии подправили" (В.-Кет.Ат.)"Как жила раньше? СЕНИШКО возила, ДРОВИШКИ рубила, два КОНИШКА-то было" (Том.Бат.)"Я вычитываю в КНИЖОНКАХ кой-что, молитвы всякие, на бумагу выписываю" (В.-Кет.Мох.). "Так и тогда обзаводились: то ШУБЁНКУ надо, то ИЗБЁНКУ, то КОРОВЁНКУ" (Том.Бат.). "Я забегаю к ним в СЕНИШКИ, хватаю БЕДРИШКО - худы, а там уж Скора помощь, сгорели со спирту, а тут начальство, вырывает он ведро у меня, а тут канава" (Том.ГУТ.) - заметим, что в последнем случае табу снимается, когда речь заходит о лице, чей социальный статус выше ("начальство"). Данную группу в целом характеризует следующее метатекстовое высказывание: "Тако ранешно наше житье-бытье было. ЖИТЬИШКО говорили. Скажу: "Хоть бы ЗДОРОВЬИШКО было" (В.-Кет.Мох.)

5. Табуированные формы могут вводиться в результате нежелания демонстрировать свое положительное отношение к некоторому фрагменту действительности как (слишком) интимное: "Ну, как я самовар поставлю, да и начала его воду-то хлестать, думала, решу САМОВАРИШКА" (Ург.Попер.). "А я за обласком ездил, прягнал. Мне ОБЛАСИШКА жалко, возьмет еще да продаст" (Крив.Тог.)."Думала, ПОСТЕЛЁНКУ, ПОДУШОНКУ всю намочила" (Том.Верш.). "Посуду били, ПОСУДЁНКУ всю разбили, в сор деньги кидали, (я) мела. Много свадьбов было" (В.-Кет.Б.Яр.).- Во всех данных контекстах табу уничижает ценность данных реалий.

Однако более интересны контексты, в которых декларируется положительное отношение к фрагментам действительности, стоящим за табуированными языковыми формами: "Я раньше пахала, были кони. Бурка и еще забыла, сам КРАСИВЫЙ КОНИШКА был" (Кем.Елых.). "Счас собак отравляют. ХОРОШИЙ так-то, СПРАВНЫЙ СОБАЧОНКА был "(Бел.Рем.). "Когда я возрос побольше, ходил коней гонять(...)КОНИШКА один ДОБРЫЙ был, ну, я его запряг" (Кож.Кож.) - и метатекстовые высказывания:"Обычно говорят на худую ЛОШАДЁНКА. Говорят так вообще-то хорошо. КОРОВЁНКА - тоже так же. Или даже можно сказать что это ласково"(В.-

-Кет.Тайм.). "ШАЛЁНКА - стара шаль, может и нова называться" (Том.Бат.).

Для современного человека табу (запрет) связано не столько с магией, как для дикарей, описанных Фрезером и Леви-Брюлем, сколько с этикетом (обычаями).В результате теряется жесткая обязательность табуирования некоторых предметов и явлений в определенной ситуации, сознательное действие превращается в подсознательное (не всегда ясно сознаваемое). Для современного носителя языка, таким образом, табуирование - не закон поведения, а лишь некоторая тенденция, то есть возможны сообщения, описывающие тождественные ситуации и различающиеся наличием /отсутствием табу: "Еще дружил со мной. Мне посылочки везёт, а у меня когда ПИВЧОНКО есть, дак я пива подам ему" (В.-Кет.Мох.). "А тут ето я зятя ждала и ПИВЦО изладила(...)Наверно, папироску ложили на щепочки, когда лазили пиво пить в погреб" (Лен.-Куз.Шаб.).

В том и другом контекстах пиво - продукт деятельности отправителя сообщения; для того и другого контекста характерна смена фокуса, ставящая в центр внимания некоторое второе лицо (лиц), в результате чего реалия обозначается стилистически нейтральной формой "пиво"; при этом один из авторов прибегает к табуированной форме "ПИВЧОНКО", а другой к эмоционально окрашенной - "ПИВЦО". То же самое можно сказать и следующей паре контекстов:"Хозяйство у нас свое. ПОМИДОРИШКИ выращиваем ОГУРЧИШКИ. Помидоры не шибко растут" (Юрг.Попер.)."ЛУЧИШКА, БАТУНИШКА посадил" (Ас.Митр.).

Таким образом, регулярность использования форм субъективной оценки имен существительных в роли табу на определенные фрагменты действительности зависит от особенностей психики индивида, поскольку для современного человека магия утратила свой "вселенский" характер. Однако подсознание и этикет (в динамическом соотношении) подталкивают участников коммуникативного акта актуализировать особые языковые формы для обозначения предметов, объектов и явлений, в первую очередь имеющих отношение к их хозяйственной деятельности и их духовному миру. Формы субъективной оценки имен существительных, выступающие в роли табу, не связаны с дополнительной по отношению к стилистически нейтральным формам соответствующих имен информацией ни денотативного, ни коннотативного характера. Они воспринимаются отправителем сообщения как единственно уместные в данной ситуации.

Следовательно, пометы "снисходительное", "уничижительное","пренебрежительное", характеризующие помещаемые в словарях формы

субъективной оценки имен существительных, не должны иллюстрироваться контекстами тех типов, что рассмотрены выше.

Примечания

I. Трипольская Т.А. Семантическая структура экспрессивного слова и её лексикографическое описание(на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица). Автореф дис канд.филол.наук. Новосибирск, 1984. С.21.

2. Фрезер Дж. Золотая ветвь. Вып.2.Табу. Запреты. Л.,1928.

3. Там же.

4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.. 1930.

5. Ульманн С. Семантические универсалии //Новое в лингвистике. М.,1970. Вып.5 С.250-270.

6. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля// Этимология. 1965. М.,1967. С.270.

7. Русский язык. Энциклопедия. М.,1979. С.345.

Условные сокращения географических названий

Географические названия даются по схеме 'район, населенный пункт'.

Районы:

Ас.	- Асиновский	Колп.	- Колпашевский
Бел.	- Беловский	Крив.	- Кривошеинский
В.-Кет.	- Верхнекетский	Мар.	- Мариинский
Зыр.	- Зырянский	Мол.	- Молчановский
Кем.	- Кемеровский	Том.	- Томский
Кож.	- Кожевниковский	Шег.	- Шегарский
		Юрг.	- Юргинский

Населенные пункты:

Ал.	- Алаево	Майк.	- Майково
Б.Ант.	- Большой Антибес	Митр.	- Митрофановка
Бат.	- Батурино	Мох.	- Мохово
Б.Яр	- Белый Яр	Н.Ичт.	- Нагорный Иштан
Вар.	- Варюхино	Попер.	- Поперечное
Верш.	- Вершинино	Рем.	- Ремовая
Волк.	- Волково	Тахт.	- Тахтамышево
Губ.	- Губино	Тог.	- Тогур
Ельк.	- Елыкаево	Труб.	- Трубачево
Инк.	- Инкино	Урт.	- Уртам
Кож.	- Кожевниково	Шин.	- Шиняево

А.Н.Ростова

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В ПОЛНОМ ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

При лексикографической разработке диалектного словаря полного типа, отражающего как локальные, так и общерусские лексические единицы, образующие в лексике говора единую нерасчлененную систему, встаёт вопрос о структуре словарной статьи, интерпретации многозначного слова, принципах толкования различных групп слов.

Глубина и адекватность лексикографического описания слов в диалектном словаре определяются различными факторами, среди которых немаловажное значение имеет мера информативности и объективности привлекаемых для анализа лингвистических источников, богатство фактической базы исследования.

Характерной особенностью многих служебных слов является высокая частотность употребления их в речи. Так, рассматриваемые в данной статье слова да(союз) и да(частица) зафиксированы в записях диалектной речи говора с.Вершинино Томского района Томской области в количестве соответственно 1032 и 623 словоупотреблений.

В большинстве случаев функция и значение служебных слов не зависят от условий употребления их в различных источниках изучения диалекта - текстах и метатекстах[1]. В метатекстах служебные слова выполняют свою "изначальную" языковую функцию[2]. Лишь для отдельных слов устанавливается "прикрепленность" некоторых их значений к тому или иному типу источников. Так пояснительные значения служебных слов чаще всего обнаруживаются в метатекстах. Например, слово дак выражает различные типы смысловых отношений, которые могут обнаруживаться как в текстах, так и в метатекстах - условные, причинные, противительные и т.д. Пояснительное значение этого слова в говоре с.Вершинино зафиксировано только в метатекстах: -Ну, раз разженились они обратно - дак разженя; Утка есть, а он - дак самец, мужик; Реколомка - дак вот, когда реку ломают, зовут "реколомка" и др. У усилительной частицы да пояснительный оттенок значения возникает при ответе на поставленный вопрос и обычно актуализируется также в метатекстах: - Сношеница? Да вот у моёго мужа был брат, его жена - моя сношеница; Елань - да вот грива, где пашут, сеют. Однако в целом для служебных слов, в отличие от знаменательных, не является принципиальным учет характера источника, в котором они зафиксированы (текст или метатекст).

Достаточное количество контекстов позволяет обоснованно выделить

различные значения служебных слов.

Исключительно важную информативную значимость для разграничения значений или оттенков значений многих групп служебных слов приобретает интонация. Зафиксированная на письме речь, не отражающая интонационный рисунок, неизбежно теряет определенную долю информативности. Поэтому в тех случаях, когда исследователь привлекает для анализа не непосредственно звучащую речь, её письменную фиксацию, возникают трудности в определении и квалификации типов выражаемых служебными словами смысловых отношений. Например, интонационный рисунок позволяет разграничить соединительное и противительное значение союза да. Без учета интонационных показателей провести такое разграничение затруднительно: - В 23 году зимой большой был, всё померало. Нет, он без снега, да холодный.

Иногда об интонации свидетельствуют пунктационные знаки. Так, разграничить частицу, употребляющуюся в конце предложения и имеющую заключительно-закрепительный оттенок значения, к постпозитивную утвердительную частицу помогает наличие запятой, свидетельствующей о логической паузе и особой интонации: -Калачики, да. Вот уж не каждый ког испечь; Сама тоже расстраивалась, бегат, -Да, икру мечет, потерял своих (утвердительная частица да). А наряжались да. Новый год - это тоже с неделю длится; Деук (парни) берут к себе (на колени). Поцалуй да (заключительно-закрепительное значение частицы да, запятая не ставится при отсутствии паузы в логического выделения частицы).

Высокая частотность служебных слов влечёт за собой их полифункциональность, а специфика значений порождает вопрос об интерпретации их лексико-семантической структуры в словаре [3]. Наиболее спорным как в теоретическом, так и в практическом плане является определение критериев общности семантики, установление семантического инварианта для служебных слов. Этот вопрос неизбежно возникает при выделении лексико-семантических вариантов (ЛСВ) служебных слов и оттенков значения внутри ЛСВ, при определении основного ЛСВ. Определение "границ" значения ЛС должно строиться с учётом специфики различных разрядов служебных слов. Так, частиц, особенностью которых является их прикрепленность к слову и специализация на выражении разнообразных коммуникативных характеристик сообщения [4], вопрос о тождестве - отдельности ЛСВ решается с учетом выражаемых значений и (как дополнительный признак) с учетом синтаксической позиции частицы. В соответствии с этими принципами в Словаре говора с.Вершинино в лексико-семантической структуре многозначной частицы

да выделены значения, которые являются общими для говора и литературного языка (утвердительное, усилительное, вопросительное, для выражения недоверия, возражения, при неожиданном воспоминании о чём-либо упущенном в предшествующем разговоре и др.), и локальное, характерное для диалекта значение: в позиции конца предложения для выражения заключительно-закрепительного оттенка значения. –Дрова, они лучны не будут да; От города далеко да.

Основное значение союзов определяется тем, что "они функционируют как составляющие синтаксические конструкций"[5], поэтому вопрос об общности – отдельности значения ЛСВ союза должен решаться с учетом смысловых отношений и конструирующей функции (формально-синтаксической позиции, в которой закрепляется эта функция)[6], причем формально – синтаксический критерий является определяющим. В соответствии с этим в Словаре говора с.Бершакино в лексико-семантической структуре союза да выделяется соединительное значение – для соединения однородных членов предложения и целых предложений. –А его друг поехал, да я поехала в город-то; Люсички раньше за погоны считали, а сейчас их итварить да наварить – шибко хорошо. В этом значении выделены оттенки значения. Оттенки значений выделяются на основе специфики выражаемых смысловых отношений при условии употребления союза в рамках одной формально-синтаксической позиции (одной синтаксической модели):

//При соединении повторяющихся слов образует сочетания со значением высокой степени действия, признака, состояния. –Ничего, поддает дождик-то. Льёт, да льёт, да льёт; Ой, алмой хорошо! Работы мало, вяжи да вяжи.

//Соединяя два слова одного понятийного ряда, образует сочетание, выражающее единое нерасчлененное понятие, или сочетание со значением охвата, объединения предметов, признаков, действий. - Песни да басни, всё пишут и пишут, не престают; Она клялась-божилась, стали её пинать да бить; Всё во зло да во зло, да в драку.

Функционирование союза да в соединительном значении в особых формально-семантических позициях дает основания для выделения в качестве самостоятельных следующих значений.[7].

1. Соединительное. Употребляется для указания на неожиданный переход от одного действия к другому, нарушающему или завершающему ход событий. –Не спросил, нищё, поймал пирог да рва ; Это у почты упала. Через трубу запнулась, да прям на коленку, на гальку; Это у меня доска была, она как-то заревела, я хлоп её, а она подскакиват - да меня; У ей ботинки изорвались, выбросила их – да босиком.

В этом значении союз да употребляется в конструкциях с эллипсисом (при отсутствии предиката).

2. Соединительный. Употребляется для соединения двух спрягаемых форм глаголов, входящих в состав сказуемого. -Мужик её изменил, она взяла да итравилась; Она села да уехала, куда-то убежала; Взяли бы да кресты сняли (с церкви). Союз да в рассматриваемых примерах не выражает смысловых отношений, служит для соединений входящих в состав сказуемого личных форм глаголов, одна из которых семантически опустошена [8].

Установление иерархии ЛСВ служебных слов предполагает учёт не только смысловых отношений, но и функциональной значимости.

Под функциональной значимостью понимается совокупность факторов, характеризующих функционирование данного ЛСВ в данном языковом коллективе: а) частотность употребления; б) встречаемость в речевых отрезках разной стилистической приуроченности - нейтральных, "высоких", "сниженных"; в) представленность в речи разных социально-возрастных групп говора. При описании лексико-семантической структуры многозначного служебного слова в каждом конкретном случае решается вопрос о приоритетности семантического или функционального критерия. Например, в "Словаре русского языка" (М., Русский язык, 1981) у составного союза да и в качестве основного указано соединительное значение - для соединения однородных членов предложения и целых предложений. -Он уже билеты на себя да на жену взял; Встану, чайник скипятю, заварю да пью. Учёт частотности употребления различных значений союза да и в говоре с.Вершинино, их стилистической приуроченности, представленности в речи разных социально-возрастных групп говора свидетельствует о несомненной функциональной значимости союза в присоединительном значении - для присоединения предложений или отдельных членов предложения, имеющих характер добавочного сообщения. -Сыро ещё рано, да к после грозы темно; Годы, да и здоровье плохое; Всех старух собрала, да и не только старух На присоединительное значение приходится 64 % всех словоупотреблений союза да и (ср.: частотность союза да и в вышеуказанном соединительном значении составляет 9.6% от общего количества словоупотреблений), оно стилистически нейтрально, представлено в речи носителей всех социально-возрастных типов говора. В Словаре говора с.Вершинино присоединительное значение признается главным, основным для лексико-семантической структуры союза да и.

В лексико-семантической структуре частицы да по функциональной значимости выделяется усилительное значение - придания высказы-

ванию большой силы, выразительности (44% словоупотреблений).-Как он так - лименты не плотит? -Да холера их знат!; Да я не одманываю, чё я б[у]у одманывать-то?; Неужели?Да не может быть такого! Однако в качестве основного в Словаре говора с.Вершинино подаётся утвердительное значение частицы да (для выражения согласия,утверждения), поскольку оно обладает большой контекстуальной независимостью, осознается говорящими как главное, первостепенное (на долю утвердительного значения приходится 34% словоупотреблений частицы да). -А теперь они кудри навьют, оденутся...-Да, чик-брик!

При решении вопроса о расположении вторичных ЛСВ определяющим является семантический критерий. Так, под №2 в словарной статье частицы да в Словаре говора с.Вершинино подается значение "для передачи итогов размышления по поводу чего-либо, соответствует значению "так","действительно"(с учётом его семантической общности с утвердительным значением).-Да, жись проходит, и не хочется жить: Лист рассечет весь, почаще и пошире, лепестков, наверно,пять, да больше не будет (7% словоупотреблений), и лишь под №3 подается усилительное значение.

Учёт смыслового и функционального критерия позволяет адекватно представить лексико-семантическую структуру служебного слова в полном диалектном словаре.

Примечания

I. Под текстами понимается письменная фиксация речи в условиях живого, непринужденного общения, под метатекстами - фиксация суждения говорящего о языке.

2. О функциях предлогов в метатекстах см.:Блинова О.И.,Нестерова Н.Г.Предлоги в метаязыковой функции//Служебные слова. Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1987. С.119-124.

3. Литвин Ф.А. Полисемия и омонимия служебных слов//Служебные слова. Новосибирск:Изд-во Новосиб.ун-та,1987. С.76-83.

4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове.- М.-Л.:Учпедгиз, 1947. С.666,668.

5. Прияткина А.Ф. Об экспрессивности союза//Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск:Изд-во Новосиб.ун-та,1984. С.6.

6. Прияткина А.Ф. Союз и его функциональные аналоги//Синтаксические связи в русском языке.Владивосток:Изд-во Дальневост. ун-та.1976. С.55.

7. Эти значения не зафиксированы в "Словаре русского языка". М.: Русский язык,1961.

8. Слово "да" в данном словоупотреблении квалифицируем в качестве союза вслед за авт."Русск.граммат." М.:Наука.1980.Ч.2. С.240.

Р.Т.Гриб

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ "ДИАЛЕКТИЗМ" и "СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИАЛЕКТИЗМ"

Несмотря на то, что диалектологические исследования в последние десятилетия получили исключительно широкое и многоаспектное развитие, мы до настоящего времени не имеем достаточно точного и однозначного термина для обозначения слова как лексической единицы говора. Если словарный состав говора обычно именуется словосочетанием "диалектная лексика", то отдельное слово, принадлежащее определённому говору и не входящее в общенародную лексическую систему, чаще называется диалектизмом, причем как в работах по общей лексикологии, так и во многих случаях в специальной диалектологической литературе. Однако в этот термин вкладывается и иное содержание: не просто диалектное слово как единица словарного состава говора, а диалектное слово, используемое литературным языком в стилистических целях.

Особого внимания при рассмотрении вопроса о терминах заслуживают, на наш взгляд, словари лингвистических терминов, вузовские учебники и пособия по общей лексикологии, где должны отражаться наиболее точно толкуемые термины, где устанавливается статус лексических единиц языка, т.к. эта литература носит учебный характер.

Так, в "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой[1] читаем: "Диалектизмы. 1.Диалектные слова, употребляющиеся в языке художественной литературы как средство стилизации слога ... 2.Фонетическу , грамматические и лексические особенности, свойственные тем или другим диалектам и вкрапливаемые в речь, в основном соответствующую нормам литературного языка".

Из приведенного определения следует, что диалектизмы - это не просто диалектные слова как единицы лексической системы говора, но используемые с определенной стилистической целью в языке художественной литературы.

Несколько иначе формулируется значение термина в "Словаре-справочнике лингвистических терминов" Д.Э.Розенталя, М.А.Теленковой[2]: "Диалектизмы - 1.Слова из разных диалектов, нередко используются в языке художественной литературы со стилистической целью ...". В данном случае соединяются два значения: диалектизм - "диалектное слово" и диалектизм-диалектное слово, используемое в литературе со стилистической целью".

Любопытная картина предстает со страниц учебных пособий по общей лексикологии. Так, проследим это по изданиям последних лет. "Диалектизмы - это слова какого-либо местного диалекта, используемые в литературном языке с художественно-стилистической целью"...[3] "Слова диалектного характера принято называть диалектизмами, однако употребляются для их обозначения и другие термины: провинциализмы, областные слова и т.д. Лучше всего пользоваться наиболее распространенным термином - "диалектизмы", но с уточнением - лексические"[4]. Это же определение повторяется в учебнике для вузов 1981 г.[5]; где в добавление указано: "Диалектизмы, будучи употребленными в художественной литературе, осознаются как чуждые литературному языку, употребляемые обычно в стилистических художественно-выразительных целях"[6]. В учебнике А.Б.Калинина "Лексика русского языка" читаем: "Диалектизм - это слово или оборот речи, или звуковая особенность, или грамматическая черта, характерная для говора и воспринимаемая нами как нелитературная. Понятие "диалектизм" возникает тогда, когда мы слушая чью-то в целом литературную речь или читая художественное произведение, замечаем инородные слова, обороты и другие особенности языка, которые нарушают литературную норму и которые мы объясняем влиянием диалекта. Эти-то диалектные вкрапления в литературную речь мы и называем диалектизмами"[7].

В других работах по общей лексикологии речь идет лишь о "диалектной лексике". Термин же "диалектизм" не определяется, хотя из употребления его авторами можно установить содержание, равное словосочетанию "диалектное слово"[8].

Д.Н.Шмелев термин "диалектизм" применяет к областным, т.е. диалектным словам[9]. Однако в учебнике по современному русскому языку под редакцией Д.Э.Розенталя 1979 года[10] находим "диалектные слова, которые используются в художественной литературе, называются диалектизмами". В энциклопедии "Русский язык"[11] диалектизм определяется как "слово или устойчивое сочетание в литературном языке, которое не входит в его лексическую систему, а является принадлежностью одного или нескольких говоров русского общенационального языка"[12].

Как видим из приведенных примеров, картина достаточно пестра. Различия в значениях термина "диалектизм" носят принципиальный характер: им или определяется лексическая единица говора, или диалектное слово, используемое в лексической системе литературного языка с определенной стилистической заданностью.

Видимо,поэтому в литературе по диалектологии авторы избегают термина "диалектизм" для обозначения лексической единицы говора[13]. Эту же тенденцию обнаруживаем и в "Словаре русских народных говоров"[14],где используется описательное название лексической единицы говора-диалектное слово.Считаем,что такой термин (за отсутствием однословного) более точен.Диалектизм же в большей степени связан с представлением о диалектном слове в системе литературного языка.

Но ещё большую неудовлетворенность вызывает термин "семантический диалектизм".Причем дело тут даже не о втором его компоненте,о котором шла речь.Анализ той же литературы,на которую мы опирались выше,показывает,что этим термином обозначены те или иные лексические единицы говора,которые в плане выражения совпадают со словами литературного языка,но отличаются от них планом содержания,без какой-либо квалификации этих единиц по отношению к соотносительным лексическим единицам литературного языка (просто констатируется факт) или такое обозначение сопровождается определенной квалификацией указанных лексических единиц говора по отношению к соотносительным единицам литературного языка.Иногда используется термин "лексико-семантические диалектизмы".Так, в "Словаре русских народных говоров" указаны "семантические диалектизмы",т.е. слова,в своем оформлении ничем не отличающиеся от слов литературного языка,но имеющие в говорах особые значения (руда - кровь,губы - грибы, пахать - подметать,волочить - бороновать)"[15]... энциклопедии "Русский язык" в качестве разновидности диалектных слов приводятся "лексико-семантические диалектизмы": угадать-узнать,веснушка-лихорадка [16].В других определениях термина находим элементы квалификации рассматриваемых единиц,им обозначаемых,в системе общерусской,общенародной лексики.Так,Н.М.Шанский пишет:"Лексико-семантическими диалектизмами являются слова общенародного характера,имеющие особое значение,не свойственное им в литературном языке: верх-овраг,пахать-мести пол" ,в "Словаре-справочнике лингвистических терминов"Д.Э.Розенталя,М.А.Теленковой: "Диалектизмы семантические. Общенародные слова с иным,чем в литературном языке,значением.Гораздо в значении "очень',наглый в значении "внезапный",залиться в значении "утонуть",угадать в значении "узнать в лицо".[18].

Более точное,на наш взгляд,определение дается в учебнике по современному русскому языку ...Э.Розенталя:"Среди диалектизмов различают ... семантические - слова,имеющие в данном диа-

лекте не свойственное общенародному употреблению значение. Примеры: туча-гроза, грибы-губы, жалеть-любить, забавный-медленный, заказ-лес, наглы внезапный"[19].

В первом случае речь идет об "общенародных словах с иным, чем в литературном языке, значением"[20]. Но если это слова общенародные, то в основных своих значениях они одинаково хорошо должны быть известны как в литературном языке, так и в говоре. И наряду с этим в говорах бытует иное значение слова данной материальной оболочки. Именно это и подчеркивается во втором случае.[21].

Однако в связи с этим возникает вопрос: что же представляют собою диалектные значения общенародных слов? Имеем ли мы дело ещё с одним значением данного общенародного слова, диалектным, или это особое слово, совпадающее с общенародным по своей материальной оболочке; в последнем случае речь должна идти о словах-омонимах (о собственно диалектным в общенародным значением) как в рамках системы говора (т.к. слово с общенародным значением входит в основу словарного фонда говора), так и в рамках макросистемы национального языка.

Стремление решить этот вопрос отражается в рассматриваемой литературе, но мы находим здесь прямо противоположные суждения. Так, А.В.Калинин в учебнике "Лексика современного русского литературного языка" пишет: "Семантические диалектизмы - это диалектные значения общенародных слов. Если общенародное слово в каком-либо говоре употребляется в особом значении, не свойственном литературному языку, то это местное значение слова и есть семантический (смысловой) диалектизм. Итак, семантические диалектизмы - это не диалектные слова, а диалектные значения слов, известных в литературном языке"[22].

Прямо противоположное толкование находим в работе М.И.Фоминой "Лексика современного русского языка": "Лексико-семантическими диалектизмами называются слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающиеся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются омонимами по отношению к словам литературным"[23].

Важность вопроса о квалификации рассматриваемых лексических единиц говора обусловлена связью его с проблемой тождества слова, одной из центральных в науке о языке. Особую значимость и сложность решение её приобретает именно в данном случае, т.к. речь идет об общенародной, общерусской лексике, одинаково употребляющейся в

в своих основных значениях как в литературном, так и в диалектном языке. Таким образом, диалектные значения общерусских слов могут быть рассмотрены или в рамках полисемии, или в рамках омонимии.

В первом случае речь должна идти о диалектных вариантах общенародных слов, во втором – об омонимии собственно диалектного и общенародного слов одной материальной оболочки как в системе диалектного языка, так и в макросистеме русского национального языка.

По приведенным выше примерам так называемых "семантических диалектизмов" явно просматривается, что 1. Многие из них (примеров) повторяются (губа-грибы, пахать-мести пол и др.), т.е. они стали как бы типичными, штампованными в учебной литературе; 2. Отбираются они, как правило, из числа слов-омонимов.

Естественно, так называемые "семантические диалектизмы" должны изучаться диалектологами, причем посредством анализа фактического материала. Однако в лучшем случае в работах по диалектологии приводится лишь список таких слов со свойственными им в говорах особыми значениями, т.е. констатируется сам факт. Детально же такая лексика мало исследована. Как справедливо пишет О.И. Блинова, ..."языкознание, как отечественное, так и зарубежное, пока не располагает достаточно надёжными в научном отношении критериями разграничения лексико-семантических вариантов слова, с одной стороны, и лексико-семантического варьирования слова и омонимии, которая составляет его предел, – с другой"[24].

Возможно, именно это обстоятельство, а также недостаточная разработанность методов исследования подобного материала и обусловили малую изученность вопроса на большом фактическом материале русских говоров.

Нами была сделана попытка анализа диалектных слов, которые обозначаются, как было рассмотрено выше, термином "семантические диалектизмы", с целью выявления их характера.

Материал был выделен из картотеки диалектной лексики старожильческих говоров Красноярского края; каждое слово выверено по словарям (17-томному БАС[25], толковому, областным местным, этимологическим) с целью выяснения, является ли диалектным данное слово или интересующее нас значение. Кроме того, необходимо было установить происхождение данного пласта лексики, отмеченность слова областными словарями, характер указанных в этих словарях значений. В результате такого отбора было выявлено 406 слов, из них:

существительных - 236, прилагательных - 50, наречий - 28, глаголов-92.

В качест главного встал вопрос о методе исследования. Была сделана попытка проследить характер парадигматических и синтагматических отношений слов с общенародными и диалектными значениями, выявить особе ости, связанные с грамматическим классом слова, сопоставить семантическую структуру общенародного слова в говоре и литературном языке. Однако, по-видимому, больший эффект в данном случае дает компонентный анализ, который был применен нами при исследовании наречий. Результаты исследования представ..ены в девяти статьях[26].

Основные наблюдения сводятся к следующему.

1. Вся проанализированная лексика носит общенародный, общерусский характер: в основных своих значениях исследованные слова одинаково хорошо известны как носителям литературного языка, так и всем носителям говоров (валять, банка, живой, поперечный, бежишь и др.).

2. В подавляющем большинстве случаев общерусское слово в говоре имеет иную семантическую стр.ктуру, чем в литературном языке, т.е. в нём в связи с нужда.. общения носителей говора развивается ещё одно или несколько значений в рамках лексико-семантического варьирования. Это связано с общей тенденцией диалектного языка - дифференцированностью лексики, обусловленной экстралингвистическими факторами. При этом причины возн..новения своеобразных значений общерусского слова в говоре различны; чаще всего это специализация; за счет общенародных слов формируется диалектная терминология, преимущественно - терминология леса (ронять, сочить, пресный, лесина и др.), терминология охотничьего промысла (доставать, выхаживать и др.), сельскохозяйственная те..инология (садить, закладыв..ть), терминология сферы домашнего обихода и быта. Кроме того, во многи.. случаях, особенно из числа прилагательных и наречий, диалектные значения возникают, по-видимому, в результате чисто народного, образного представления об идеальных качествах и признаках лиц, предметов, действий, состояний, а также отражают самосознание, обусловленное особенностями крестьянского быта и уклада жизни.

В этом случае речь не может идти о собственно диалектном слове. Это диалектные варианты общерусских слов, котор.. мы обозначаем аббревиату..ой ДВОС. С другими значениями данного общерусского слова диалектные оттенки находятся чаще в метафорических отношениях, наблюдается метонимия и синекдоха. Во всяком случае, это переносное

ные оттенки значения.

3. Реже в говорах мы находим слова, которые имеют ту же материальную оболочку, что и общерусские, но не связаны с последними в своём значении. Например: солянка – вид кушанья и солянка–солонка. Такие слова мы квалифицируем как собственно диалектные и обозначаем их аббревиатурой ДС (диалектное слово). Они являются омонимами по отношению к общерусским словам. Основных причин возникновения таких омонимов две: различия в словообразовании (главная причина) и распад полисемии.

4. В количественном отношении соотношение ДВОС и ДС по частям речи в наших материалах может быть представлено следующим образом[27]: имена существительные – ДВОС-78%, ДС-22; имена прилагательные – ДВОС-88%, ДС-12%; наречия – ДВОС-78%, ДС-22%; глаголы – ДВОС-74%, ДС-26%.

Таким образом, термином "семантический диалектизм" в настоящее время обозначаются различные языковые единицы: собственно диалектные слова и диалектные варианты общенародных слов (ДС и ДВОС).

В книге "Русская диалектология" под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой указывается, что "если соотносительный член, выделяемый по признакам плана содержания, представляет собой собственно диалектное слово, в диалектологической литературе он иногда получает название "семантического диалектизма". Применительно к соотносительным членам, выделяемым по признакам плана выражения и представляющим собственно диалектные слова, применяются иногда термины "лексический диалектизм" и др. Однако употребление этих терминов более оправданно применительно к тем словам, которые попадают из диалектов в литературный язык (используются в художественной литературе")[28].

Если же к этому ещё добавить, что указанными терминами обозначаются, как мы видели, не только собственно диалектные слова, но и диалектные варианты общерусских слов, то употребление термина "семантический диалектизм" и тем более толкование обозначаемых им слов или только как диалектных вариантов общенародных слов, или только как слов-омонимов (по отношению к общенародным словам той же материальной оболочки)[29] несостоятельны.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Советская энциклопедия. М.: Наука, 1966. С.131.
2. М.: Наука, 1976. С.96.
3. Бордович А.М., Гурский Н.И., Емелевская Е.С., Бирилло З.К. Русский

язык. Минск,1962. С.58.
4.Шанский Н.М.Лексикология современного русского языка. М.:Просвещение,1964, С. 116.
5.Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык.1981. Ч.I.
6.Там же. С.45.
7.М.:Просвещение,1971. С.12..
8.Фомина М.И. Лексика современного русского языка. М.:Просвещение, 1973. С.103. Дудников А.В.Русский язык. М.:Просвещение,1974. С.32.
9.Шмелев Д.Н.Современный русский язык.Лексика М.:Высшая школа,1977. С.154.
10.Современный русский язык/Под ред.Д.Э.Розенталя. М.:Высшая школа,1979. С.35.
11.М.:Сов.энциклопедия,1979.
12.Там же. С.70.
13.См.,например,"Русская диалектология"/Под ред.Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М.:Наука,1965.
14.М.;Л.:Наука1965.
15.Словарь русских народных говоров,вып.1,.. М.;Л.:Наука,1965. С.6
16.Указ.соч. Русский язык."Энциклопедия". С.71.
17.Шанский Н.М.Лексикология современного русского языка. М.:Просвещение,1964. С.118.
18.М.:Наука,1976. С.96.
19.Современный русский язык/Под ред.Д.Э.Розенталя. М.:Высшая школа, 1979.Ч.I. С.35.
20.Указ.соч."Словарь-справочник лингвистических терминов". С.96.
21.Указ.соч."Современный русский язык"/ од ред.Д.Э.Розенталя. С.35
22.Калинин А.В.Указ.соч. С.128.
23.Фомина М.И.Указ.соч. С.103.
24.Блинова О.И.Введение в современную региональную лексикологию. Томск:Изд-во Том. ун-та,1973. С.124.
25.БАС-условное название "Словаря русского литературного языка"в 17-ти т. М.;Л.:Сов.энциклопедия,1950-65.
26.Имена существительные описаны автором в трех опубликованных ранее статьях.
2 М.:Наука,1965. С.201.
29.Калинин А.В. Указ.Соч.С.128. Фомина М.И. Указ.соч.С.103.

Е.И.Королева

О ПОДАЧЕ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ
(на материале Архангельского областного словаря)

Лексикографическое описание наречий в словарях, сделанных на материале современного русского литературного языка, всегда было сопряжено с целым рядом трудностей. У составителей диалектных словарей количество проблем, связанных с описанием наречий, в значительной степени возрастает. Положение диалектологов осложняется тем, что диалектная речь существует только в устной форме. Неподготовленность речевого акта, спонтанность диалектной речи, линейное развертывание высказывания вызывают действие определенных закономерностей, неизвестных кодифицированному литературному языку /КЛЯ/. Все это сближает функционирование наречий в разговорном языке /РЯ/ с употреблением их в говорах. К сожалению словаря РЯ пока еще не существует, поэтому создатели диалектных словарей не могут опереться на их опыт.

Проблемы, связанные с подачей наречий в диалектных словарях, обусловлены следующими взаимосвязанными причинами:

I) тем, что устная диалектная речь "почти совсем не изучалась в ее специфике"[1];

2) существующей традицией лексикографического описания наречий, формально соотносительных с предложно-падежными формами имен существительных, в словарях литературного языка;

3) современными правилами орфографии наречий;

4) особым положением наречий в кругу других знаменательных частей речи;

5) неразработанностью критериев отграничения наречий от падежных и предложно-падежных форм имен существительных.

Рассмотрим отдельно каждую из перечисленных особенностей.

Для РЯ вообще, а для диалектной речи в частности, в группировке частей речи отражается ориентированность на смысл[2], поэтому "поведение" частей речи в говорах оказывается особым. Так например, в архангельских говорах[3] существительные могут иметь степени сравнения: берег - бережее "ближе к берегу", море - морее "дальше в море", голомя "открытое море" - голомене "дальше в открытое море". Наречия могут иметь определитель в форме словосочетания: с самого сначала, с самого сразу, до сама поздна, танцевать до самого долéку "до полного изнеможения". Неизученность специфики функциониро-

вания частей речи в РЯ и диалектной речи затрудняет работу лексикографов.

Диалектологам, записывающим диалектную речь в полевых условиях, трудно бывает определить границу слова. Неправильные решения такого рода особенно заметны в сфере описания наречий. Так, например, в "Словаре современного русского народного говора" под ред. И.А.Оссовецкого словосочетание <u>на весь день</u> подается в отдельной словарной статье <u>НАВЕСЬДЕНЬ</u> как наречие, имеющее значение "на целый день"[4].

В соответствии с существующей традицией в словарях современного русского литературного языка полноценные наречия подаются подчас в словарных статьях на существительные, которых нет в русском языке. Так, в "Словаре русского языка" С.И.Ожегова и в "Словаре русского языка" в 4-х томах под ред.А.П.Евгеньевой наречие <u>без умолку</u> подается в словарной статье <u>УМОЛК</u>, а наречие <u>без устали</u> – в статье <u>УСТАЛЬ</u>. В результате наречия фактически растворятся в существительных. Таким образом, словари не отражают объективной картины положения наречий среди других частей речи в КЛЯ. К сожалению, подобные примеры не единичны. В данном случае, вероятно, сказалось и влияние современной орфографии (раздельное написание). Совершенно очевидно, что эти правила условны и поэтому не могут служить критерием ограничения наречий от существительных. Более того, сами правила – результат неправильного этимологизирования производных наречий.

Авторы Архангельского областного словаря /АОС/ подают такие наречия в слитном написании. Поскольку такое решение находится в полном соответствии с природой лингвистического объекта, его можно оценивать только положительно. Составители АОС пошли дальше в деле упорядочения правописания наречий и отказались от написания буквы <u>ь</u> в конце наречий на шипящий. Такое решение следует признать вполне оправданным. Как видим, стараясь описать лингвистический объект в наиболее адекватной форме, диалектологи нередко принимают смелые решения, опережающие развитие отечественной лексикографии, занятой описанием сферы КЛЯ.

Почему же наречие так трудно поддается лексикографическому описанию? Как известно, части речи возникли неодновременно. Исторически наречие появилось на базе других частей речи и до сих пор не утратило связи с ним. Адвербиализация может быть вызвана причинами семантического, морфологического или синтаксического по-

рядка. По мнению Л.А.Булаховского, адвербиализация возникает в результате синтаксически обусловленной деморфологизации[5]. В результате адвербиализации наблюдается переход имени существительного в наречие вследствие изоляции падежной формы и выпадения ее из парадигмы склонения. Однако процесс адвербиализации является не только диахронным, но и синхронным процессом[6]. Она активно протекает в наши дни, причем наблюдаются разные стадии этого процесса. С другой стороны, сами наречия могут трансформироваться в предлоги и союзы. По свидетельству И.И.Мещанинова, процесс образования наречий до сих пор не закончен ни в одном языке мира [7]. Отразить ступени адвербиализации в словаре не представляется возможным. В лингвистических исследованиях такие переходные формы называют по-разному: наречными выражениями, наречными сочетаниями, конструкциями полунаречного типа, адвербиальными конструкциями.

Незавершенность перехода существительных в наречие в АОС находит отражение в том, что эти формы помещаются в словарных статьях на соответствующее существительное с пометой "в значении наречия". Например, артелью "совместно" дано в статье АРТЕЛЬ, в вышку "вверх" дано в статье ВЫШКА, в годах - в статье ГОД, в дорогах, в дороге - в статье ДОРОГА, в пазухе, в пазуху - ПАЗУХА и т.д.

Состав наречия пополняется и в результате морфологического способа словообразования. В архангельских говорах он активно действует в сфере внутринаречного словообразования, так как возникшие путем адвербиализации наречия сами служат производящей базой для создания новой серии наречий, образуемых префиксальным и суффиксальным способами. Например: кругом - вкругом - накругом - округом - неокругом "вокруг"; путно - попутно - заподутно - напопутно "по пути следования"; вповал - вповалку - вповалочку - вповалушку - вповалуху [8].

К сожалению, достаточно распространенным является признание адвербиализации единственным источником возникновения наречий [9]. Такой подход требует изучения наречий путем их поморфемного членения и установления материального тождества с падежными и предложно-падежными формами имен существительных. А это приводит к восстановлению гипотетических существительных, нигде не зафиксированных, существование таких существительных в прошлом может быть подвергнуто сомнению. Так, в "Этимологическом словаре русского языка"[10] приводятся существительные предь и припрыжка, будто бы вошедшие в состав наречий впредь и вприпрыжку; однако в словарях И.И.Срезневского и В.И.Даля, на которые ссылаются этимологи,

в иллюстративной части даны примеры не с существительными, а с наречиями. Результаты такого подхода были продемонстрированы выше на примере современных словарей, описывающих систему КЛЯ.

Употребление наречий не только в роли обстоятельства, но и в роли определения и предиката (указание на эту функцию всегда дается в АОС) свидетельствует о последовательном расширении функциональной нагруженности наречных форм. В говорах этот процесс особенно заметен. Изучение словообразования наречий в архангельских говорах[11] показало, что наречия в этих говорах обладают наибольшей по сравнению с КЛЯ функциональной гибкостью. Наречия могут свободно вступать в роли падежных и предложно-падежных именных форм. Наблюдающаяся в этой позиции нейтрализация языковых единиц приводит к тому, что на практике бывает трудно отграничить наречия от предложно-падежных именных форм. Размытость границ наречия как части речи имеет следствием отсутствие четких лингвистических критериев в решении этого вопроса. Л.В.Щерба писал в связи с этим: "Самый деликатный вопрос – отличие наречий от существительных"[2]. Первостепенную роль в решении данного вопроса ученый отводил семантическому критерию. Однако необходимо признать важность других критериев. Так, если для одного наречия окажется очень важным сдвиг в семантике, то для других важна деморфологизация, т.е. выветривание морфологического значения аффиксов, для третьих – положение в словообразовательной цепочке или в словообразовательном гнезде, в ряде случаев положительные результаты даст рассмотрение генезиса слова с позиций его синхронного восприятия.

Результаты словообразовательного анализа редко используются в практическом решении данного вопроса. Однако они могут дать хорошие результаты. Так, например, анализ отсубстантивных наречий АОС позволил выделить большую группу наречий, при образовании которых отмечается чередование твердого согласного с мягким: вбродь, вдогонь, вдаль, взаймь, внагибь, [illegible] и т.д. Мягкость основы становится признаком наречия. На фоне этих примеров формы без смягченного согласного: вброд, вдогон, вдал, взайм, внагиб, – тоже правомерно рассматривать как наречия. Анализ лексемы [illegible] в пределах словообразовательного гнезда доказывает ее принадлежность к наречиям (существительное [illegible] не зафиксировано в АОС). Это позволяет отнести к наречиям и образование [illegible].

Представляется, что только комплексный подход к анализу каждой лексемы, сопоставление различных подходов и критериев, в том числе

и словообразовательного, дает возможность решения вопроса о частеречной принадлежности языковой единицы.

Примечания:

1. Словарь современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области) /Под ред.А.И.Оссовецкого. М.: Наука, 1969. С.14.
2. Красильникова Е.В. О соотношении языковых уровней в системе русской разговорной речи //Проблемы структурной лингвистики. 1980. М.:Наука, 1982. С.37-49.
3. Используется диалектный материал картотеки АОС МГУ и Словарь. См.: Архангельский областной словарь/ Под ред. О.Г.Гецовой. М.,1980. Вып.1; М.,1982. Вып.2; М.,1983. Вып.3; М.,1985. Вып.4; М.,1987. Вып.5.
4. Указ.соч."Словарь современного русского народного говора".
5. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке. Труды института русского языка АН СССР. М.-Л., Т.1. С.196.
6. Коневецкий А.А. История наречий в русском языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Саратов, 1977.
7. Мещанинов И.И. Части речи и члены предложения. М.,1945. С.138.
8. Королева Е.Е. Синхронное словообразование наречий, соотносительных с творительным падежом существительных. Даугавпилс, 1984.
9. Критику см.: Мазанько И.Ф. Заметки об образовании наречий в древнерусском языке. Вопросы языкознания. 1976, №6, С.111-126.
10. Этимологический словарь русского язы.. /Под ред. Н.М.Шанского. 1968. Т.1. Вып.1. С.186, 187.
11. Королева Е.Е. Синхронное словообразование наречий, соотносительных с падежными и предложно-падежными формами имен существительных: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1986.
12. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке //Языковая система и речевая деятельность. Л.:Наука, 1974. С.87.

С.П.Петрунина

ПРАГМАТИКА В СЛОВАРНОМ ОПИСАНИИ СЛУЖЕБНЫХ ЛЕКСЕМ (на примере диалектного ОДНАКО)

Словарное толкование служебных частей речи затруднительно в силу специфики их лексического значения, в силу исключительной важности для них функционального аспекта. Неслучайно Р.П.Рогожникова вводит

два значения: функциональное и лексическое, отделяя их знаком ◊[1]. Например, 3-й лексико-семантический вариант (ЛСВ) сочетания ВСЕ РАВНО описан следующим образом: в знач. частицы В сложносочин. предложении с против. союзом или в сложноподч. уступ. предложении с уступ. союзом. Усиливает противопоставление. ◊ тем не менее, все-таки.

Вместе с тем зачастую и функциональное, и лексическое значения служебных слов раскрыты неполно, неточно, без отражения реальной специфики их функционирования. Устранить эту неполноту помогает прагматика, учет того, почему, с каким коммуникативным намерением говорящий употребляет то или иное слово.

Докажем это на примере диалектного ОДНАКО.

Небольшой перечень синтаксических особенностей говоров Сибири, данный в "Инструкции для составления словаря русских народных говоров Сибири"[2] и перенесенный во многие вузовские методические разработки по сбору диалектного материала, начинается с указания на частое использование носителями диалекта слова ОДНАКО в роли вводного 'наверно', 'кажется', 'по-видимому'.

С таким толкованием "переселилось" ОДНАКО в ряды словарей[3]. НАВЕРНО, ПО-ВИДИМОМУ, КАЖЕТСЯ - это вербальные показатели категории персуазивности, выражающие неуверенность (сомнение) говорящего в том, о чем он сообщает. Вместе с тем некоторые словарные контексты дают повод усомниться в принадлежности диалектного ОДНАКО области сомнений. Например: Погодье (непогода) забуробит, однако; снег метет (т.е. Если снег метёт, то я - говорящий утверждаю, что это к непогоде).

Диалектологические тексты дают многочисленные иллюстрации того, что ОДНАКО не равнозначно "я сомневаюсь, что..." Скорее наоборот, ОДНАКО - это не 'наверно', а 'конечно':

Однако раздождится //Комар скирает (т.е. Конечно, будет дождь, потому что комар скирает);

Платье вон валятся// Танька однако прибегала(т.е.конечно, была дочь и переоделась, потому что в комнате на стуле валяется её платье).

Убежденности в действительном положении вещей (однако = 'конечно') соответствуют аргументы, эксплицируемые говорящим (сюда относим право-, (реже)левосторонний контекст, связанный с высказыванием, где есть ОДНАКО, причинно-следственными отношениями (либо имплицируемые им (фоновые знаки говорящего, пресуппозиции, т.е. презумпции в широком смысле этого слова: Однако, лягу - Конечно, надо лечь отдохнуть, потому что я устала).

Значение 'конечно' у ОДНАКО отмечено В.И.Далем. Вместе с тем с пометой "сиб." он дает не его, а '<u>кажется</u>, <u>полагаю</u>, надобы...'.

Толкование ОДНАКО через ментальные предикаты, или "предикаты мнения", примечательно. Их относят к так называемым аксиологическим предикатам, которые входят в структуру оценки, объединяя её субъект и объект. Назначение ментальных предикатов двояко: I обозначение мыслительного процесса; 2 квалификация высказывания (не события). В последнем случае предикаты мнения "обслуживают" метасмысл "категоричность", представляя сказанное истинным только в концептуальном мире говорящего, а не вообще реальном мире. Тем самым происходит снижение категоричности высказывания, что сообразуется с "кооперативным принципом", "принципом вежливости , в основе которых - идея равновесия между участниками диалога, идея равновесия их психологических и социальных установок (см.работы Г.П.Грайса, Ф.Паппа, Е.М.Вольф, Е.В.Падучевой, Т.В.Шмелевой [4].

Таким образом, представляется, что в приводимых выше контекстах с ОДНАКО и во многих других аналогичных ОДНАКО сродни предикату мнения. Оно "вводит" одно из мнений по поводу происходящего, отраженного в высказывании, снижая тем самым категоричность последнего. В этом смысле толкование I-го ЛСВ двузначного ОДНАКО в "Иркутском областном словаре" через 'выражающее допущение чего-либо' ПОЖАЛУЙ ближе к истине, чем толкование моносемного ОДНАКО в ряде диалектных словарей через выражающее сомнение НАВЕРНО.

В свою очередь, ментальные предикаты сами по себе характеризуются разной степенью категоричности. Ср.:<u>(Я)считаю</u> и <u>(Мне)кажется</u>.

Дательный субъекта в безличной конструкции "мягче" подлежащего "я". "Кажется" из-за семы предположительности - мягче "считаю". Таким образом, категоричность ментальных предикатов обнаруживает себя и на лексико-семантическом и на конструктивном уровнях. Относительно диалектного ОДНАКО полагаем, что оно ближе к "мне кажется".

Тот факт, что ОДНАКО характеризует высказывание, вербализуя метасмысл "категоричность", и представляет ее противоположный полюс, а именно некатегоричность, доказывается сравнением словарного значения ОДНАКО и синонимичных ему лексем в имеющихся толковых словарях русского литературного языка. В них 2- й ЛСВ ОДНАКО - это вводное слово, значение которого раскрывается через 'все же','тем не менее'. Значение ВСЕ ЖЕ (уст.выражение, ◊)- через 'тем не менее', 'все-таки' (разг.вариант'все ж таки'). ВСЕ-(Ж) ТАКИ (союз, частица) - через 'тем не менее', 'несмотря ни на что'[5]. НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО (предлог) - через 'при любых обстоятельствах'.

Любопытно, что начальная в цепочке лексема ОДНАКО другие лексемы этой цепи не толкует, а завершающее цепочку единство НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО другими лексемами не толкуется. Цепь однонаправленной последовательной зависимости естественным образом начинается ОДНАКО и замыкается НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО:

ОДНАКО --- это ВСЕ ЖЕ --- это ВСЕ-(Ж) ТАКИ --- это НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО.

Существует ли обратно направленная (не фиксируемая словарями) зависимость? На этот вопрос отвечаем положительно, т.к.лексемы в цепочке, в принципе. взаимозаменяемы. Ср.:

Он несмотря ни на что, прав (согласился, ушел).

Он все ж таки прав (согласился, ушел).

Он все-таки прав (согласился, ушел).

Он все же прав (согласился, ушел).

Он, однако, прав (согласился, ушел).

Хотя данная цепочка имеет двунаправленную зависимость: ОДНАКО ←→ ВСЕ ЖЕ ←→ ВСЕ-(Ж)таки ←→ НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО, утверждать о безусловной синонимичности ее членов не приходится. Зависимость лексем имеет градационный характер. Градация связана с нарастанием степени категоричности (от "однако" до"несмотря ни на что") и с ее убыванием (соответственно, от "несмотря ни на что" до "однако").

Антонимичные по своему значению ОДНАКО и НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО составляют полюсы метасмысла "категоричность", из которых носители диалекта отдают явное предпочтение первому, следуя одному из правил речевого поведения, предписывающему говорящим не быть категоричными в утверждениях, суждениях, оценках.

Смысл ОДНАКО: 'мое утверждение(суждение, оценка), даже при всей его очевидности, допускает возражение, иное толкование: мне кажется, что...'. Значение НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО противоположно: "мое утверждение (суждение, оценка)очевидно, оно не допускает сомнения, возражения, иного толкования".

К ОДНАКО тяготеет ВСЁ ЖЕ. Представляется, что различие между ними в принадлежности к разным социально-речевым сферам: диалектная речь и просторечье - ОДНАКО, разговорная речь носителей литературного языка - ВСЁ ЖЕ. ВСЕ-ТАКИ, и тем более разговорное ВСЕ Ж ТАКИ, ближе к НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО. Неслучайно толкование одного через другое. Неслучаен каскад усилительных частиц(ж, таки), формально "подтверждающий" категоричность ВСЕ Ж ТАКИ.

Безусловно, описание парадигмы служебных слов, характеризующих категоричность высказывания, схематично, так как пр ц-

принято с единственной цель - определить место диалектного ОДНАКО на шкале категоричности.

Подводя итоги изложенному выше, утверждаем что 1. Анализ коммуникативных намерений говорящего помогает уточнить значение служебных слов, следовательно, таковой анализ необходим в лексикографической практике. 2. Описание прагматических характеристик служебного слова должно предшествовать описанию его функционального и (особенно) лексического значения. 3. Контекст, иллюстрирующий значение служебного слова, должен быть информативно достаточным, выявляющим условия его функционирования.

С учетом сказанного диалектное ОДНАКО может быть описано так:

1. Для снижения категоричности высказывания обозначает одно из возможных мнений; равнозначно аксиологическому предикату 'мне кажется'. -Земля, однако, спорчена; редька червива, картошка какой год гниет...

2. Выражает неуверенность говорящего в сообщаемом; равнозначно вводному модальному слову 'наверно'. -Нехорошо мне с вечеру; съела что-то неладно: однако грибы.

3 Заполнитель пауз на семантически не детерминированных швах текста. Слово-паразит. -Двое детей у меня был . Так сынок, который меньшой, однако, годов пять на машине разбился. Ездили, однако, хоронили

Примечания.

1. Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову: Наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1983.

2. Блинова О.И., Палагина В.В., Федоров А.К. Инструкция для составления словаря русских народных говоров Сибири//Вопросы русского яз. и его говоров. Томск: Изво Том. Ун-та. 1975. Вып.3. С.53.

3. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби/Под ред. В.В.Палагиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1967. Т.3; Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья/Под ред. О.И.Блиновой. Томск: Изд-во ТГУ, 1977; Иркутский областной словарь/Под ред. З.И.Носовой. Иркутск: Изд-во ТГУ, 1974. Вып.2. С.65; Блинова О.И., Палагина В.В. Лексика и фразеология говоров Среднего Прииртышья//Вопросы русского языка и его говоров. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. Вып.4. С.18.

4. Грайс Г.П. Логика и речевое поведение//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI Прагматика. М.: Прогресс, 1985; Лапп Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык//Там же; Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. С.108-109; Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. С.42-43; Шмелева Т.В. Социальный аспект смысла предложения//Рус. яз. за рубежом. 1981, № 2.

И.П.Грунина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВТОРИЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ

В настоящее время всё больше возрастает влияние литературного языка на диалектные системы, что приводит к их значительному пополнению единицами западноевропейских языков. Опосредованность контактов проявляется в терминологии: данный пласт лексики в лингвистической литературе принято называть "вторичные заимствования".[1]

В лексикографическом аспекте "вторично" заимствованные единицы изучены крайне слабо. В настоящее время произведено лексикографирование вторичных заимствований только на материале среднеобских говоров.[2] Однако значимость изучения этого пласта лексики очевидна: во-первых, это позволит углубить теорию заимствования (ибо для большинства единиц это законченный процесс в литературном языке), во-вторых, требуют особого внимания контакты разных систем в рамках одного национального языка.

Общеизвестно, что принцип подачи лингвистического материала должен исходить из теоретических осмыслений соответствующих языковых фактов. Сказанное заставляет сосредоточиться на особенностях, связанных с заимствованием элементов одной системы другой.

Любое заимствование, представляющее довольно длительный процесс во времени, предполагает фонетическую, морфолого-грамматическую, семантическую и синтаксическую адаптации, в одних случаях идущие одновременно и почти параллельно, а в других наблюдается значительная их неравномерность.

Обращение к семантической адаптации, правомерно считающейся центральным вопросом любого заимствования, позволяет исследователям выделять для определенного синхронного среза группы хорошо, частично и плохо освоенных единиц, что свидетельствует о постепенном "вживании" слова в новую для себя систему.

Наблюдения показывают, что существуют и синтаксические критерии адаптированности/неадаптированности, которые необходимо учитывать при решении многих вопросов, в частности, при определении этапов и степени освоенности.[4] Это положение требует пристального внимания к просодии фразы, включающей заимствованную единицу.

Применительно к лексикографической практике из сказанного вытекает вывод о целесообразности констатации в диалектном словаре противоречивых моментов освоения говором заимствованных

слов. Наши предложения относительно лексикографического описания отмеченных единиц заключаются в следующем:

Необходимо представить в диалектном словаре всю лексику западноевропейского происхождения, бытующую в настоящее время в говоре -слова, имеющие идентичное семантическое наполнение с литературным языком (не отличающиеся от литературных эквивалентов ни в формальном, ни в смысловом отношении);

-обладающие особенностями в фонетико-грамматическом или словообразовательном плане (при семантическом тождестве);

-имеющие семантическое своеобразие в диалекте (на материале тождества);

-и материально,и семантически отличные от литературных эквивалентов.

Словарная статья должна состоять из заглавного слова, представляющего литературный эквивалент, основной и иллюстративной частей.

Основная часть должна включать все произносительные варианты заимствованного слова. Если можно установить частотность употребления, активный произносительный вариант целесообразно выделить. В случае изменения родовой принадлежности указывается род. В эту часть включается краткое толкование единицы в случаях семантического отклонения ее от литературного эквивалента.

Иллюстративную часть целесообразно разбить на две рубрики, преследуя цель отразить этапы семантической адаптации единицы и неравномерность (если такое прослеживается) "вживания" в диалектную систему в настоящее время. Под цифрой I даются контексты, отражающие процесс типизации знаний и переход к уровню понятий. Под цифрой II содержаться должен материал, представляющий, в основном, фоновые знания диалектоносителей относительно реалии, названной соответствующим словом; может включаться материал, демонстрирующий неправильное представление той области действительности, к которой относится данная единица. Возможно включение и отрицательных ответов, если они составляют основной массив контекстов на данное слово.

Иллюстративный материал необходимо подавать с сохранением всех особенностей в оформлении фразы: отмечаться должны границы сегментов, паузы, вводные и вставные конструкции.

В заключение приведем примеры словарных статей, отражающие предлагаемый способ лексикографирования вторичных заимствований [5].

АКТИВИСТ. I. Который значит работат/ в такой работе помогат/ помогат активно/ везде гля государства/ гля пользы/ гля народу помогат - это активист называца (Крап.).

II. АКТИВИСТ - это активист / он активно выступает//или чё// это уж я чё-то не знаю (Бор.). Активист...это чтоб показать/ а самому не работать/ кто работать не хочет (Ключи).

ИНГАЛЯЦИЯ, мн. ингаляции. ИНГУЛЯЦИИ. - I. У меня фарингит/есь верхнии дыхательны пути / бронхит / я ингуляции делаю/ с содой вместе /и через чайник дышать (Крап.).

II. Слыхать слыхала / но не знаю (Ключи).

ИНТЕЛЛИГЕНТ. Антеллигент, телигент. -I. Ах интеллигент! - дороботей до интеллигента / а выучусь / да глядя какая специальность / пример анженеры / врачи - интеллигенты, учителя...У меня вон Нинка интеллигентка /Ленка интеллигентка/ а Серёжа - это уж такие - работяги всё (Крап.).

II. Ну телигент / телигент/ которы шибко богаты жили / так вот и телигенщиной были (Гэр.). Антилигенты - ну это вроде начальник (Тар.). Антилигент - это по-научному / кто реботать не хочет (Крап.) Ну интеллигент / такие шишки / которые ну вот выучишься и будешь интеллигентом / ученые люди (Ключи).

ИНФАРКТ. Инфаркт. - I. Раньше пил /а сейчас всё отрыгается/ ничё - инфаркт сразу заживает (Ключи). У меня сын был / я всё ругалась/ ему уже пить нельзя было / у него инфаркт был / год не пил слишним (Крап.) .

I....Инфаркт... - это сердце...(Бор.).Ну инфакт - это чисто сердечная болесь / инфакт сердца - это опасная болесь (Арс). Инфакт? А кто его знает / нет / не знаю (Бор.).

ИНФЕКЦИЯ. -II. Моя дочь работала в инфекции / счас тут старшей сестрой работает (Креп.) . Он чё-то наладил в бутылку такое и это... // инфекция называется // мы стали поить (корову) / и она выздоровела (Крап.).

МАГНИТОФОН. Гипмафон, матафон. -I.В городе-то раньше телевизоры / но и здесь давно телевизоры / магнитофоны недавно / они под вид этого (показывает на наш) / нам старикам не надо (Крап.). Парнишка ходил / тож с таким вот ...матафончиком (Бор.). Чё попало может вам напутала... ишь...гипмафон (Каб.).

II. Да был вроде...матафон ли / патафон ли (Арс.). Вот это-то... щас...а...сбожди...он называется...говорили...а он только поменьше во-во-во...матафон по-моему(Бор.). тут ходили две девчонки ваши / у них этот...мотает/ заведут / говоришь / а он мотает, ну .. //я же не знаю //...заведут/ а он мотает / а он рассказывает(Арс.).

РЕВОЛЮЦИОНЕР. Ревоцанер, револьцанер, ревуцанер.-I. Всяки тут были / и ревуцанеры/ и всяки (Бор.).

II. Ревоцанер / ну так это...теперь если по старости - пенсанер называца.../ ну это...черти знат /не знаю (Крап.). Револьцанер ? Это тоже / револьцанер / как милиционер щас / по-моему раньше так звали (Бор.).

СКЛЕРОЗ. -I.Хомут наденешь /тут этот/ как он...забыла...склероз /вот он/ видишь ли самый. Ну склероз есть / у меня он есь/этот склероз / забывается все / че как делаешь - всё забуду (Бор.).

II. Склероз...это болесть / склероз мозга / значит мозговые клетки можно сказать отмерли / и там уже живогониче нету / все там уже пропащее (Крап.). Чё-то такое слыхала... склероз... склероз... забыла (Шев.).

Таким образом, положительные моменты такого лексикографирования заключаются в том, что в словаре находит отражение неравномерность адаптации заимствуемых диалектом слов из литературного языка.

Примечания.

I. Ольгович С.И. К вопросу о фонетическом освоении так называемых "вторичных заимствований" в говорах// Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, Изд-во Красноярского пед.института, 1975. С.99-105; Гордеева О.И.,Охолина Н.М.,Ольгович С.И.,Палагина В.В. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск,Изд-во ТГУ, 1981. С.177.

2. Гордеева О.И. и др.: Указ.соч.

3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968; Белякова С.А. Английские лексические заимствования в русском литературном языке XVI-XX веков: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Л.,1973. С.20.; Заимствования английской лексики в русский язык в 60-70гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Ростов-на-Дону 1973. С.20.

4. Грунина А.П. Вторичные заимствования в системе сибирского говора (синтаксическое освоение): Автореф. дис....канд.филол. наук. Томск, 1989. С.16.

5. В статье используются материалы экспедиций в Краливинский район Кемеровской области. Примеры иллюстрируются с принятыми обозначениями и сохранением особенностей в произношении. Пауза обозначается "...", граница сегмента - "/", вставки - "//".

Н.Д.Голев

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБРАЗОВАНИЯ АДЪЕКТОНИМОВ (ОТОЙКОНИМИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Теоретический аспект. В русском языке имеются разные способы образования адъектонимов: безаффиксный, суффиксальный (-СК- и его линейные варианты) и другие; различные морфонологические модели, связанные с преобразованием мотивирующей основы. Их выбор далеко не всегда регламентирован известными правилами, ср., например: ЯСЕНОК (Тул.) - ЯСЕНЕЦКИЙ, но ЯСЕНОК (Ряз.) - ЯСЕНОВСКИЙ, ИНЯ (Новосиб.) - ИНСКОЙ, но ИНЯ (Хаб.) - ИНИНСКИЙ и т.п. Естественно в этой связи обращение к региональному аспекту исследования, предполагающему поиск причин в наличии узкорегиональных норм адъектонимообразования, проявляющихся в специфических региональных адъектонимических системах. Правомерность такого подхода подтверждают и факты различной активности моделей образования адъектонимов в различных регионах страны, обнаруживаемой при их картографировании. Например, адъектонимы на -АНСКИЙ регулярны в регионах РСФСР, прилегающих к УССР, и число их уменьшается по мере удаления от УССР. Так, на территории Алтая нами отмечено 4 адъектонима на -АНСКИЙ, которые, как выяснилось, принадлежат названиям населенных пунктов, в которых проживает много украинцев. Обнаруживаются определенные закономерности и в распространении по территории СССР других вариантов -СК- (-СК-, -ОВСК-, -ИНСК-) и морфонологических моделей. Нередко оно носит характер локальных "вспышек", связанных с тем или иным моментом адъектонимообразования, наприме , в Бийском районе (Алтай) "при" ойконимах-субстантиватах действует в основном безаффиксный способ (по типу адъектоним МИРНЫЙ от названия н.п. МИРНЫЙ); в Крымской обл. такие ойконимы чаще всего "дают" адъектонимы на - ЕНСКИЙ (хотя в одном из районов доминируют адъектонимы на - ОВСКИЙ), в Астрах. обл. - на -ИНСКИЙ, в Липецкой - на -ОВСКИЙ. В Горно-Алтайской АО русские адъектонимы от ойконимов с непроизводной основой весьма регулярно оформляются суффиксом -ИНСК- (ШИБЕ - ШИБИНСКИЙ). В Витебской обл. от ойконимов на -ЬЕ (типа ЗАМОСТОЧЬЕ) адъектонимы образуются, как правило, с усечением Й в основе плюс "чистый" -СК- (ЗАМОСТОЧСКИЙ), в других регионах жесткой модели здесь не сложилось, наблюдается весьма пестрая картина; в Алтайском крае от ойконимов на -ИХА, -ХА образуются только адъектонимы на -ИНСКИЙ, что не является обязательным для некоторых других регионов РСФСР. От ойконимов на -ИЧИ (типа СУХИНИЧИ) на западе СССР

образование идет в основном без усечения основы (СУХИНИЧСКИЙ), в других регионах эта модель малопродуктивна. Весьма сильной, охватывающей разные группы ойконимов, является модель на -ИНСКИЙ в Пермской, Челябинской, Читинской областях. Характерной морфонологической особенностью образования адъектонимов для ряда северных областей европейской части РСФСР является вокализация основы ойконима (ВОХМА - ВОХОМСКИЙ, УДОМЛЯ - УДОМЕЛЬСКИЙ), многие другие регионы предпочитают здесь вокализованные варианты суффикса -СК.

Серьезным упрощением проблемы был бы неучет фактов, противоречащих основным тенденциям региона, которые, как правило, легко отмечаются в любом регионе, даже в тех, где такие тенденции сильны, например, в Липецкой обл. в зоне влияния модели на - ОВСКИЙ (см. выше) обнаруживаем также ХЛЕВНОЕ - ХЛЕВЕНСКИЙ, ПЛОСЬОЕ - ПЛОЩАНСКИЙ, НАБЕРЕЖНОЕ - НАБЕРЕЖАНСКИЙ, КРАСНОЕ - КРАСНИНСКИЙ и др. Можно предположить, что такие "исключения" порождены правилами, "пришедшими" из других регионов, что значительно осложняет и углубляет "региональную проблему". Важно заметить, что в этом смысле вполне "закономерны" и регионы без ярких адъектонимических признаков. Главной же закономерностью "исключений" является стихийный характер процессов адъектонимообразования и узуализации адъектонимов, которые могут оказаться различными даже в пределах одного района, так, в Киров. сельсовете Смол. района Алт. края сосуществуют пары: РЕЧНОЕ - РЕЧНОЙ, но СТЕПНОЕ - СТЕПНОВСКИЙ, в Куйбышевском - ОПЫТНЫЙ - ОПЫТНЫЙ, ПРИОЗЕРНЫЙ - ПРИОЗЕРНЫЙ, но ПЕСЧАНЫЙ - ПЕСЧАНОВСКИЙ.

Особый теоретический интерес представляет наблюдение за непосредственным функционированием моделей адъектонимообразования в живой речи, так как такие модели практически всегда действенны, в том числе по отношению к готовым адъектонимам (отсюда их высокая вариативность, способность разговорных форм конкурировать с официально закрепленными, например, БОГАТЫРЬ в Куйб. обл. "дает" официальный адъектоним БОГАТЫРСКИЙ, но в живой речи отмечается БОГАТЫРЕВСКИЙ, аналогично в Алт. крае СОЛОНЦОВЫЙ - СОЛОНЦОВЫЙ и СОЛОНЦОВСКИЙ). Факты такого рода отмечали многие наши информанты.

Противоположный результат стихийности функционирования моделей - своеобразная мотивационно-словообразовательная омонимия адъектонимов, скажем, прилаг. ВОЛКОВСКИЙ реально относится к таким ойконимам, как ВОЛКИ, ВОЛКОВ, ВОЛКОВА, ВОЛКОВО, ВОЛКОВСКИЙ, ВОЛКОВКА. В Алт. крае только ойконимы на буквы А и Б имеют 13 совпадающих по форме прилагательных (некоторые из них многократно повто-

ряются: БЕРЕЗОВКА - БЕРЕЗОВСКИЙ - 6 раз, БОРОВЛЯНКА - БОРОВЛЯНСКИЙ - 6 раз и др.).

Таким образом, даже восприятие адъектонима заключает в себе прагматическую проблему - необходимость определять его ойконимическую отнесенность, ср. ошибку в "Словарных материалах - 78" (с.186), где адъектоним РЕБРИХИНСКИЙ был расшифрован как "относящийся к РЕБРИХИНО", хотя на самом деле н.п. носит имя РЕБРИХА. Нетрудно предположить сколько нежелательных ситуаций порождают два КАМЕНСКИХ сельсовета в Дзерж. районе Брянской обл.: от КАМЕНЬ и КАМЕНКА. Необходимость адъектонимического расподобления омонимичных и паронимичных форм мотиватора очевидна. Весьма интересны его стихийные формы, ср., например: ДОБРИНСКИЙ и ДОБРОВСКИЙ от ДОБРИНКА и ДОБРОЕ (Лип. обл.), ХОЛМЕЦКИЙ и ХОЛМОКСКИЙ от ХОЛМЕЦ и ХОЛМОК (Закарп. обл.), ВАЛУЯНСКИЙ и ВАЛУЙЧАНСКИЙ от ВАЛУЙ и ВАЛУЙЧИК (Белг. обл.), ГЛИННОВСКИЙ и ГЛИННЕНСКИЙ от ГЛИННОЕ (два района Брян. обл.).

Не менее значимы практически и проблемы номинации. Ср., например, факты отрицательной оценки информантами некоторых адъектонимов. Так, у учителей н.п. УРОЖАЙНЫЙ вызывает возражение название школы УРОЖАЙНАЯ ("правильно было бы УРОЖАЙНОВСКАЯ"). Другой аспект, нашедший отражение в письмах информантов, связан с поиском верной формы адъектонима ,ср. частые вопросы типа: "Как образовать правильные прилагательные от НОВЫЙ и ПРУДСКОЙ?". Понятно, что практические рекомендации лингвистов должны быть результатом обобщения всего номинативного опыта носителей русского языка, в который включается и региональная дифференциация моделей.

Методический аспект. Главный предмет описания в региональном аспекте - адъектонимы, образованные от названия н.п., которые в принципе "разрешают" варьирование адъектонимических форм. Это ойконимы-субстантиваты (НОВОЕ, ЗАРЕЧНЫЙ и т.п.), семантические дериваты (МАЯК, СУХАЯ РЕЧКА), непроизводные ойконимы (БУРЛА, ЧИНЕТА, РЯМЫ, КЫЗЫЛ-ТУ). Типовые ойконимы, "дающие" запрограммированные адъектонимы (на -ОВО, -ОВКА, -ИНО, -ИНКА, -СК, -СКИЙ и др.), могут учитываться лишь в специальных аспектах.

Дифференциация мотивирующих ойконимов приводит к понятиям "моно- и полиадъективных" ойконимов. Первые отмечаются и в группе "разрешающих" варьирование ойконимов, например, КУРЬЯ, РОЩА, ЗАРЯ, ВЕСЕЛОЕ (от них отмечены только адъектонимы КУРЬИНСКИЙ, РОЩИНСКИЙ,

ЗАРЯНСКИЙ, ВЕСЕЛОВСКИЙ). Примеры вторых: н.п. ВЫСОКОЕ /ИЙ, АЯ/ (разных регионов) - ВЫСОКОВСКИЙ, ВЫСОКИНСКИЙ, ВЫСОКСКИЙ, ВЫСОЦКИЙ, ВЫСОЧАНСКИЙ; РАЗДОЛЬЕ - РАЗДОЛИНСКИЙ, РАЗДОЛЬСКИЙ, РАЗДОЛЬНЕНСКИЙ, РАЗДОЛЬИНСКИЙ, РАЗДОЛЬЕВСКИЙ, РАЗДОЛЬНИНСКИЙ.

Описание отличительных черт того или иного региона может осуществляться, во-первых, путем "встраивания" их в такие параметры, как "функционирование ойконимов-мотиваторов в разных регионах" и/или "функционирование словообразовательных и морфонологических моделей в разных регионах", а во-вторых, через комплексное сопоставление региональных систем, где единицей различения выступает весь набор отличительных признаков региональной системы.

Итогом таких описаний может стать типология регионов, осуществленная либо на основе отдельных мотивационно-словообразовательных признаков, либо по их совокупности. Естественной была бы и типология самих этих признаков по их способности, участию в дифференциации, по характеру распространения (например, признаки сплошные, "островные").

Общим основанием типологии регионов является соотношение синтагматических и парадигматических факторов адъектонимообразования (разделение регионов на сильные и слабые с точки зрения количества аналогических образований). "Регионоцентристский" подход акцентирует внимание на роли аналогии и тем самым как бы подчеркивает ограниченность объяснительных возможностей известных теоретических моделей адъектонимообразования, основанных преимущественно на сочетаемостных особенностях морфем, на их преобразовании. Предполагается универсальный (общерусский) характер действия таких моделей (правил), но было бы точнее определить эти правила как выявляемые без учета воздействия региональных традиций. Хотя было бы абсолютизацией одной стороны чрезмерное выдвижение региональных правил, аналогии: общие словообразовательные закономерности русского языка, в том числе синтагматические, с неизбежностью обнаруживают себя в больших массивах региональных адъектонимов. Принцип взаимодействия и единства парадигматики и синтагматики, универсального и территориального предполагает, что реально функционирующей единицей адъектонимообразования является единица, конституирующие признаки которой - тип мотивирующей основы, способ ее преобразования и формант (вариант форманта) - бытуют в синтезе.

Оперирование такой единицей делает весьма значимым изучение особенностей ойконимии данного региона, именно от них во многом зависит наличие и продуктивность тех или иных моделей адъектонимообразования. Особенно значим здесь диахронический аспект.

Открытый характер реализации моделей адъектонимообразования, предполагающий прямое воздействие на нее региональных норм, делает возможной экспериментальную проверку такого воздействия путем анкетирования носителей языка данного региона (анкета.- список контрольных ойконимов с заданием образовать от них адъектонимы). Сопоставление прогнозируемых для данного региона адъектонимов с реально получаемыми является достаточно надежным способом верификации моделей, выявляемых статистически.

Общие выводы. Актуальность изучения регионального аспекта образования адъектонимов мы видим в следующем.

Во-первых, адъектонимический материал, как любой диалектный пласт лексики, нуждается в интенсивном сборе и обработке, так как существует реальная опасность постепенной утраты этого материала, в котором отражаются существенные особенности становления и функционирования естественных языковых систем. Опасность определяется сильным влиянием искусственного (кабинетного) нейтворчества и официальной номенклатуры. Говоря о необходимости сбора региональных адъектонимов, нельзя не обратить внимания на игнорирование этого пласта лексики современной региональной лексикографией.

Во-вторых, региональное адъектонимообразование - естественно сформировавшийся "полигон", на котором можно изучать важнейшие особенности "работы" словообразовательного механизма языка и его генезиса, принципы узуализации окказиональных вариантов, главный из которых конкуренция вариантов, стихийный отбор приемлемого. И здесь важно отметить недостаточную изученность диалектного словообразования вообще и его регионально-сопоставительного аспекта, в частности.

В-третьих, широкое участие в образовании адъектонимов разных слоев населения, стихийность этого процесса предполагают регламентацию его со стороны специалистов, изучающих данный вопрос. Речь идет о регламентации как чрезмерного произвола официальных имядателей, не всегда учитывающих на практике естественные нормы, так и беспредельной стихийности естественного процесса.

В-четвертых, адъектонимы - отнюдь не периферийная группа лексики, их роль во всех сферах общения достаточно велика. Например, по нашим подсчетам на один номер краевой газеты "Алтайская правда" приходится от 40 до 60 употреблений адъектонимов. К этому нужно добавить рост новых наименований локальных объектов и, следовательно, рост потребности в адъектонимических новообразованиях.

И.В.Жураковская

РУССКИЕ РЕГИОНАЛИЗМЫ И ИХ ПОЛЬСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ
(на материале словарных статей)

Основными источниками наблюдения являются "Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби" под редакцией В.В.Палагиной (Томск,1964,т.I;1965,т.2;1967,т.3),"Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби"(дополнение), ч.I-2.Томск,1975, "Среднеобский словарь"(дополнение),ч.I.Томск, 1983, "Среднеобский словарь"(дополнение),ч.2.Томск,1986,а также „Słownik języka polskiego" (PWN Warszawa 1958-1969, I-XI), red. W.Doroszewski

Томский словарь содержит материал среднеобских говоров,в которых конкретно-исторические факты прогнозируют наличие полонизмов. В докладе проф. А.Мировича,представленном на III МКПРЯЛ,однозначно говорится о существовании"в далеком прошлом на севере славянской территории определенной связи между диалектами восточных и западных славян"[1].Следами этих связей являются совпадения на фонетическом,морфологическом и синтаксическом уровнях. "Источник некоторых наблюдаемых в указанной полосе совпадений с польским языком надо усматривать в первоначальных ляшско-северно-великорусских языковых связях,между прочим, в существовании билингвизма у носителей одного и другого наречия"[2]. Эти совпадения объяснимы и в сопоставляемых нами системах.Являясь вторичными по своему происхождению,среднеобские говоры "характеризуются наибольшей близостью к говорам современного северного наречия"[3] Территория среднеобских говоров заселялась русскими в конце XVI-нач.XVII веков. Характеризуя население Томска I пол.XVIIв. как многонациональное и разнодиалектное, проф.В.В.Палагина отмечает,что "немалочисленную прослойку томского населения составляли белорусы,украинцы ("черкесы"),поляки,объединяемые в документах XVII в. под общим названием "литва"[4].История гласит, "что один человек,ставивший Томск,был поляк"[5]."Всего же к 1633 г. в Томске было не менее 200 человек "литвы"[6]."Из них 30 человек были те,кого называют"шляхтой",поляками,пришедшими из "Польские земли"(Быцкие,Ржицкой,Сабанской,Сваровские,Козинской,Эдловской и др.)"[7].Описывая историю Прикетья,В.В.Палагина замечает,что постоянного населения в Прикетье не было,были так называемые "годовальщики",в том числе и из Польши[8].Здесь, как и в других ареалах среднеобского диалекта, "ляшские черты"[9]- вполне закономерное явление.Кстати,многие из

анализируемых нами примеров имеют в среднеобском словаре локальную помету "Верхне-Кетский район".

Словарь польского языка В.Дорошевского представляет собой лексикографический труд,о ценности которого говорят собранный в нем материал и его интерпретация.Этот словарь является не просто реестром слов,форм,оборотов выражений.В нем каждому понятию отвечает определенный фрагмент действительности.Словарная статья содержит емкие и точные пометы-квалификаторы.Семантическая характеристика лексики в данном словаре отличается логическим подходом,опирающимся на идею В.Дорошевского,который считал,что для объяснений значений более целесообразно пользоваться определениями (т.е.указывать признаки предмета,названного словом),чем синонимами.

Семантическая характеристика слов в томском и польском словарях на уровне лексикографической интерпретации во многих случаях оказывается совпадающей в плане идентифицирующих признаков в формуле толкования.Ср.:модистка "женщина,умеющая шить,портниха;то же,что портная,шитница"- modystka „kobieta trudniąca się zawodowo robieniem i sprzedawaniem kapeluszy damskich, dawniej - także szyciem ubrań damskich";
тропить "выслеживать зверя на тропе,протоптанной им"- tropić „1.w łowiectwie : ścigać zwierzynę idąc jej tropem".

Сравнивая лексикографический материал двух вышеназванных словарей,мы еще раз убеждаемся в том,что оптимальным (т.е.наиболее благоприятным из возможных вариантов) является семантическое описание словарных единиц с учетом их тематической отнесенности.Такие попытки в лексикографической практике предпринимались,как известно, неоднократно.Сама идея "тематическая группа" (как категория слов, имеющая общее родовое значение и относительную общность семантического содержания,т.е. относительное сходство функций обозначаемых предметов) предполагает (и что не менее важно - реализует)логический подход к словарным определениям.Это достаточно хорошо прослеживается на примере личных имен,в словарном определении которых имеются слова-идентификаторы,манифестирующие основной символ (zakupiciel „ten, kto kupuje coś").

Словарная статья является одним из способов экспликации семантической характеристики слова,которая определенным образом мотивирует направленность определения.Мотиватор зачастую помогает установить происхождение слова.Так,в среднеобских говорах употребляют новяк в значении "приезжий,не сибиряк",а новяк - это "новый человек, приезжий".В польском языке имеется nowak „dawn. ktoś nowy, w jakim środowisku". Определения "новый человек"= „ktoś nowy" сближают диалектное

новяк и польское *Nowak* .Можно предположить,что новик и новяк, имея общее вещественное значение,образованы разными способами: первое – суффиксально от общенародного "новый",второе – результат лексического заимствования,в котором произошло изменение акцентологической структуры с последующим смягчением согласной фонемы корня. С другой стороны,мотиватор двор (и кроме того, синоним "постоялыщик")в определении диалектной словарной единицы дворник "владелец или содержатель заезжего двора;то же,что п о с т о я л ь щ и к (ср. *dwornik*, *hist. zarządzający folwarkiem, włodarz, ekonom*) говорит о том,что регионализм не польского происхождения.

Словарные определения дают нам возможность увидеть то общее или то разное,что имеется у сопоставляемых единиц.Например,политик "политический ссыльный" и *polityk*, *ten, kto uprawia politykę*. В польском примере выдерживается принцип деривационного определения,т.е. толкование опирается на словообразовательную структуру лексемы.Регионализм совпадает с польским примером в плане фоно-грамматического оформления.На его же конкретную семантику повлияли внелингвистические причины.В общем значении "политик" как "политический ссыльный"находим частное значение "человек,для которого политика является не только сферой деятельности".

На первом этапе нашей работы ориентиром выявления польских соответствий является фонетический облик слова.Но не он в конечном итоге решает вопрос о том,являются ли эти единицы "соответствиями".Основной критерий – совпадение (да не совсем полное) семантики сопоставляемых единиц.Так,диалектному рубеж соответствует польское *rubież* не только потому,что имеет место фонетико-акцентологическое совпадение,но и потому,что в них общее значение (диал."граница"=польск.„*pas pograniczny*").Достаточно веским аргументом отнесения слова к числу "соответствий" является и тождественность структуры.Например: надмерзнуть "подмерзнуть" и *nadmarznąć* „*trochę przemarznąć*",почитать "принимать за кого-либо,считать кем-либо" и *poczytać* „*przestarz. książk. (w połącz. z przyimkiem „za") Uznać za kogo, co*". Можно назвать и такой дополнительный критерий,как указание в словаре В.Дорошевского,что слово употребляется в говорах (например: *leżeń*. *gw* ... или *młoducha*, *daw. dziś gwara* ..".

В составленный лексический инвентарь вошли слова,отмеченные в двух системах:русской региональной и польской (шиба "оконное стекло"= *szyba* „*szklana tafla oprawiona w ramy; (daw.) tafelka regu*..."; телепаться "медленно двигаться,шевелиться"= *telepać się* „*iść, jechać powoli, ociężale, ... wlec się*";

переседовать "пережить много горя, бед"= przebiedować „żyć pewien czas w biedzie, biedując"; разлезлый "ветхий, расползающийся"= rozłazły „1. pozbawiony twardości, ścitości, miękki, rozpływający się, rozlewający się"; морочно "пасмурно, туманно"= mrocznie „przysł. od mroczny". -1. pogrążony w mroku, ciemny, chmurny";
пешо "пешком"= pieszo „nie za pomocą środka lokomocji, na własnych nogach, piechotą, na piechotę."

Все эти примеры кроме фоновой близости отличаются и сходством семантики.

Другую группу составляют лексические единицы, имеющиеся в трех системах: русской региональной, польской и русской литературной. Здесь можно назвать лава "скамейка"= ława „1. sprzęt do siedzenia dla kilku osób najczęściej drzewniany" и лава[1] "I. Расплавленная минеральная масса, извергаемая вулканом. 2. перен., кого-чего или какая. Неудержимо движущаяся масса (людей, животных и т.д.). 3. в знач. нареч. л а в о й . Сплошным потоком"; лава[2] Воен. Боевой порядок и способ тактических действий, применяющийся в казачьих войсках, а также отряд, построенный для таких действий"; лава[3] "Горн. Забой большой протяженности для разработки угольного пласта и других полезных ископаемых"; лава[4] "Обл. I. Обычно мн.ч. (лавы, лав). Пешеходный мосток через речку, топкое место. 2. Мостки для полоскания белья", оседлость="домашнее хозяйство"= osiadłość „2. dobra ziemskie, włości, majątek" и оседлость "состояние по знач. прил. оседлый; оседлый образ жизни", масть "мазь"= maść „1. miękka masa składająca się z tłuszczów używana do smarowania jako środek" и масть "I. Цвет шерсти животных (чаще лошадей). 2. Одна из четырех разрядов, на которые делится колода карт по цвету и форме очков", нора "ямка"= nora „podziemna kryjówka; jama, dziura" и нора "Вырытое под землей диким животным углубление с ходом (ходами) наружу, служащее ему жильем. 1. Убежище, мост, обычно вырытое в земле, снегу и т.п., чтобы укрыться от кого-, чего-л. или спрятаться, притаиться", потеха "что-то необычное, забавное, удивительное"= pociecha „2. to co przynosi ukojenie; zadowolenie, zapomnienie"
и потеха "I. Забава, развлечение, веселье. 2. в знач. сказ. Разг. Смешно, забавно", и многие другие.

Некоторые слова этих групп, имея близкую к польской семантическую структуру, обнаруживают в своем составе и особые приметы "польскости". Например: о с е д л о с т ь и osiadłość, м е с т - к о "уменьшит.-ласкат." к м е с т о в знач. "местность" и miastko „1 rzad. miasteczko, małe miasto (Е=IA), о с е д л о с т ь = osiadłość, м а с т ь = maść (СТЬ=ŚĆ) и т.д. А слово лава в одном из своих значений вообще заимствовано из польского языка[10].

Польские примеры мы находим и у тех региональных единиц, которые являются вариантами общенародных лексем. Так, акцентологически обликенными являются <u>напасть</u> "беда, несчастье" и *nápaść, ż. (daw) nieszczęście, bieda, przymus* (ср. общенар. "напасть"[3] "Разг. Беда, несчастье, неприятность", <u>нарост</u> "опухоль" и *narost, wypyklenie, zgrubienie na powierzchni ciała u ludzi..., guz* (ср. общенар. "нарост" 3. Опухоль, ненормальное утолщение в какой-л. части животного или растительного организма"). У слов <u>мочь</u> "моча" = *mocz, ż. płynna wydzielina fizjolog. zawierająca zbędne dla org. produkty materii*"; <u>погонь</u> "погоня" = *pogoń, bieg w ślad za kim, gonienie, ściganie kogo pościg*" отмечаем общность флексии. Структурно совпадающими оказываются <u>раскопы</u> "раскопки" и *rozkopy, miejsca rozkopane, wykopy*"; <u>нашейник</u> "ошейник" и *naszyjnik, "część uprzęży zwierząt domow. szczeg. konia*". Категория рода совпадает у диалектного <u>насыпь</u> (м.р.) и польского *nasyp wał usypany z ziemi w celu podniesienia terenu*."

На данном этапе исследования трудно ещё говорить о том, что это полонизмы в общепринятом понимании (т.е. слова, обороты речи, заимствованные из польского языка или построенные по его образцу). Во всяком случае они обнаруживают связь с польскими моделями. В основу методики обнаружения (или скорее всего распознавания) полонизмов в системе диалектного языка должен быть положен комплексный анализ, содержащий элементы филологических исследований, опирающиеся на исторические, политические и культурные связи контактирующих систем, на что указывает польский лингвист А. Заремба.[11]

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. А. Мирович. Древнейшие исторические связи русского и польского языков//III МКПРЯЛ: Основные доклады и сообщения польской делегации. Warszawa, 1976. C. 91.
2. Там же: С.86.
3. Русские говоры Среднего Приобья. Томск: Изд-во Том .ун-та, 1984. - Ч.1.
4. Там же: С.50.
5. Там же: С.42.
6. Н.Н. Оглоблин. Заговор томской литвы 1634г. Киев, 1894. С.7.
7. Русские говоры Среднего Приобья . С.51.
8. Там же: С.53.
9. Браславец К.М. Фонетика старожильческих говоров по старому водному пути с Иртыша на Енисей: Автореф. ...канд. филол. наук. М., 1959.
10. См. A. Zaremba Wpływy polszczyzny na słownictwo innych języków słowiańskich "Język polski", 1961. XLI, C 2

А.В.Морозов

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале рассказов В.М.Шукшина).

В последние годы в лингвистической литературе все активнее выдвигается на передний план проблема отражения в словарях субъективных моментов значения слов, содержащих сведения об отношении субъекта речи к окружающему миру [1]. В связи с этим особую актуальность приобретает совершенствование лексикографической обработки производных существительных с суффиксами субъективной оценки, в частности, уменьшительно-ласкательных существительных, о смысловом объеме которых имеющиеся толковые словари дают лишь самое приблизительное представление. Многие из уменьшительно-ласкательных дериватов отсутствуют даже в Большом академическом словаре, если же составители и включали рассматриваемые существительные в свои словари, то в большинстве случаев не шли дальше констатации их уменьшительности-ласкательности по отношению к соответствующему исходному слову.

Можно выделить две основные причины подобной дискриминации в словарной подаче уменьшительно-ласкательных существительных по сравнению с другими знаменательными словами. Во-первых, широко бытует мнение о том, что образование уменьшительно- ласкательного деривата, как правило, не сопряжено с изменением ядра лексического значения исходного слова и в силу этого приближается к образованию грамматической формы слова, поэтому нет нужды в особой словарной статье для производного имени , которая полностью воспроизводила бы словарную статью исходного имени. Во-вторых, существующие толковые словари ориентированы на обобщение речевой практики в её письменно зафиксированной форме, и источниками при их составлении служат лишь тексты различных жанров письменности [2], в то время как уменьшительно-ласкательные существительные функционируют прежде всего в устной форме литературного языка и в пограничной зоне между литературным языком и просторечием.

Поскольку современные словари русского языка не содержат сколько-нибудь конкретных сведений о семантике того или иного существительного субъективной оценки, одним из основных источников их изучения и лексикографирования может, по нашему мнению, служить художественный текст. Вне ситуации, вне контекста значение уменьшительно-ласкательного имени действительно является очень размытым, рас-

привычатым. Будучи же употребленным в литературном произведении, существительное приобретает какой-то один более или менее определенный оттенок смысла, выражает одну более или менее определенную разновидность субъективной оценки. Конкретное наполнение имени может быть установлено путем анализа ситуации, одним из компонентов которой обозначается с помощью данного имени. Кроме того, особенно важно, что из содержания широкого контекста в ряде случаев можно вывести, что же именно хотел передать говорящий, употребляя вместо нейтрального слова слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом.

Большую роль при исследовании имен субъективной оценки на материале языка художественной литературы играет отбор авторов, отбор текстов для выборки из них примеров употребления имен рассматриваемого разряда и установления закономерностей их функционирования. Произведение должно отвечать определенным критериям: оно должно отражать современную жизнь нашего общества, причем именно бытовую сферу, и тяготеть к диалогическому типу повествования. Тогда в нем объективно запечатлеваются особенности функционирования уменьшительно-ласкательных имен в устной речи различных носителей языка.

Всем перечисленным требованиям, на наш взгляд, отвечают произведения В.М.Шукшина, в частности, его рассказы. Исследователями не раз отмечалось, что именно язык Шукшина противостоял обезличенному стандартизованному языку современной ему прозы, подчиненному жестким запретительским нормам [3]. В силу того, что Шукшин не только замечательно точно передавал речевые особенности своих персонажей, но и от лица повествователя говорил максимально приближенным к ним языком, его рассказы обнаруживают максимальную насыщенность уменьшительно-ласкательными и иными именами субъективной оценки, что создает предпосылки для целенаправленного исследования на данном материале интересующих нас проблем.

Остановимся на одной из таких проблем, непосредственно связанных с лексикографической обработкой рассматриваемого разряда имен с адекватным представлением их смыслового объема, - это проблема способности уменьшительно-ласкательных производных воспринимать различные значения своих многозначных производящих. Существительное с суффиксом субъективной оценки должно быть охарактеризовано с точки зрения того, с какими именно из значений соответствующего нейтрального существительного оно соотносится или может соотноситься. Чтобы приблизиться к решению этой проблемы, необходимо в начале хотя бы выявить семантические типы значений существительных, которые облада-

от способностью порождать уменьшител..ю-ласкательные дериваты.

В поисках ответа на эти вопросы мы подвергли анализу все существительные с различными суффиксами уменьшительности-ласкательности во встречающихся рассказах Шукшина. Притом нам показалось интересным сравнить между собой две группы уменьшительно-ласкательных имен, различающихся в зависимости от степени проявления субъективной оценки. Известно, что от уменьшительно-ласкательного существите..ьного может образоваться еще одно уменьшительно-ласкательное существительное с целью еще более усилить соответствующее отношение к обозначаемому предмету. Например, СТАРИК- нейтральное имя, СТАРИЧОК - уменьшительно-ласкательное имя I-й степени, СТАРИЧОЧЕК - уменьшительно-ласкательное имя 2-й степени (встречается,к примеру, в рассказе "Три грации"). Поскольку дериватов, выражающих максимальную уменьшительность или ласкательность, порождается значительно меньше, чем дериватов, выражающих обычную её степень проявления, сопоставительный анализ двух охарактеризованных групп может позволить выявить ограничения, действующие при усилении субъективной оценки с помощью словообразовательного форманта.

Исследование привело нас к следующим выводам относительно закономерностей семантической соотнесенности уменьшительно-ласкательных существительных с их производящими в шукшинском тексте.

Прежде всего можно отметить, что дериваты I-й степени и дериваты 2-й степени могут образовываться и от прямых, и от переносных значений производящих существительных, воспроизводить перенос в мотивирующем слове - это общая способность всех уменьшительно-ласкательных имен, как и вообще имен с модификационным типом значения. Но этим самым общим свойством и ограничивается сходство двух рассматриваемых групп субъективной оценки. Виды переносов в мотивирующем слове, усваиваемых теми и другими, уже различны. К примеру, дериваты I-й степени уменьшительности-ласкательности (в дальнейшем мы позволим себе говорить просто об уменьшительности, условно обозначая этим термином весь комплекс соответствующих эмоциональных отношений) могут образоваться не только от мотиваторов со значением конкретного предмета, но и от мотиваторов с абстрактным значением. Правда, в последнем случае дериват обязательно получит дополнительный оттенок субъективной оценки по сравнению с обычной уменьшительностью. Например, ИДЕЯ - ИДЕЙКА: Здесь хотят подсунуть нам ИДЕЙКУ[4] (рассказ "Крыша над головой"). В слове явно превалирует оттенок уничижительности.

В отличие от дериватов I-й степени, дериваты 2-й степени уменьшительности не способны перерождаться в существительные с абстрактным

значением, будь оно у производящего прямым или переносным. Применительно к приведенному выше примеру: если выражение "Тропи^ жизни" допустимо, то сочетание "ТРОПИНОЧКА жизни" уже невозможно.

Если же перенос в мотивирующем существительном осуществляется с одного конкретного предмета на другой, то дериваты 2-й степени, напротив, более предрасположены к его воспроизведению, чем дериваты I-й степени. По нашим данным, переносные значения нейтральных существительных в качестве мотиваторов для дериватов 2-й степени даже превалируют над прямыми. Например, ЛАПОТОЧЕК от ЛАПОТЬ в значении "нос определенной формы": Его ЛАПОТОЧЕК слегка порозовел("Мнение"), или СИРОТИНОЧКА от СИРОТА в значении "одинокий человек":Видишь, я работаю банкой, вместо того, чтобы просто жалеть тебя, СИРОТИНОЧКУ мелкую ("Верую"). Объясняется это явление, по-видимому, тем, что использование дерива^^а, выражающего максимальную степень субъективной оценки, призвано усилить экспрессивность переноса в исходном слове, актуализировать этот внутрисловный перенос словообразовательными средствами.

В дериватах I-й степени уменьшительности перенос мотивирующего слова отражается реже, а если и отражается, то такой дериват обычно передает чистую уменьшительность, не связанную с особой экспрессией, т.е. небольшие размеры обозначаемого предмета просто констатируются, но не становятся содержанием эмоционального переживания субъекта речи. Например, КОЛЕЧКО употреблено в значении, соотносительном с переносным значением производящего слова КОЛЬЦО "то что имеет форму кольца, напоминает кольцо": Несколько волосков слились и КОЛЕЧКОМ повисли над лбом ("Мой зять украл машину дров").

Различие между дериватами I-й и 2-й степени уменьшительности проявляется также и в том, что дериваты 2-й степени никогда не приобретают переносных значений, которые бь отсутствовали у производящих слов, они полностью семантически зависимы от своих мотиваторов. Дериваты I-й степени развивают собственные переносные значения, которых нет у производящих слов, следовательно, они более самостоятельны в формировании своего семантического объема. Естественно, что в тех случаях, когда у деривата есть то или иное переносное значение, а у исходного существительного оно отсутствует, в основание переноса наряду с другими признаками обязательно ложится смысловой компонент небольших размеров, которым обладает только первичное значение деривата. Например, у существительного ДОРОЖКА переносное значение "узкий ковер или половик" непосредственно не соотносится ни с одним из значений производящего ДОРОГА.

Точно так же у существительного ПАЛОЧКА развилось значение бактерии, совершенно невозможное у производящего существительного ПАЛКА. Подобные переносные значения уже закрепились за уменьшительными существительными в системе языка. Некоторые метафоры в уменьшительных существительных, возможно, являются индивидуально авторскими, отражающими оригинальное видение мира Шукшина, например, ЯГОДКА в значении "капля крови" ("Микроскоп") или РОТИК в значении "щель телефона-автомата" ("Жил человек").

Таким образом, наличие у уменьшительных дериватов I-й степени собственных переносов с предмета на предмет, не поддерживаемых соответствующими переносами в производящих словах, свидетельствует о том, что рассматриваемые имена не только выражают субъективное отношение к предмету, но и могут выступать средством номинации. У дериватов же 2-й степени уменьшительности повышенная экспрессивность препятствует полнокровному выполнению ими номинативной функции.

Таким образом, устоявшийся в лексикографии подход к уменьшительно-ласкательным именам, который мы охарактеризовали в начале статьи, имеет основания лишь в применении к тем словам, которые мы обозначили как дериваты 2-й степени, т.е. к уменьшительным именам, производным от других уменьшительных имен и выражающим максимальную степень уменьшительности. Основной же массив уменьшительных имен должен получить такое же полноценное лексикографическое освещение, как и все остальные полнозначные слова.

Примечания:

I. Рудяков Н.А. Субъективные моменты значения слов в словарях// Теория языка и словари. Кишинев:Штиинца, 1988. С.142-147.

2. См. об этом: Левашов Е.А.,Рогожникова Р.П. Принципы отбора источников для картотеки словаря современного русского литературного языка// Теория и практика современной лексикографии. Л.:Наука, 1984. С.3-9.

3. Кожевникова Н.Н.,Николина Н.А. О языке В.М.Шукшина// В.М.Шукшин.Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С.62-63.

4. Здесь и далее цитируется по изданию "Шукшин В.М. Рассказы". Барнаул, 1989.

А.И. Поповский

РУКОПИСНЫЕ СЛОВАРИ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В развитии общеукраинской литературно-языковой нормы важную роль сыграли южноукраинские степные говоры, сформировавшиеся в процессе длительных миграционных движений в XVI - XIX вв. и ставшие впоследствии богатейшим источником для украинской лексикографии [1]. Первыми образцами южноукраинских степных говоров, которые дошли до нас и ждут своего всестороннего исследования, являются рукописные сборники лексического материала Я.Грахова, записанного в Екатеринославской губернии в 1846-1847 годах (около 350 слов), Ф.Даликова (Херсонская губерния, 1846 г., 250 слов), Н.Бублиева (Херсонская, Екатеринославская и др. губернии, 1849-1850 г.г. , 270 слов), В.Г.Негрескула (Херсонская губерния, 1853- 1854 г.г. , [illegible]0 слов) и рукопись неизвестного автора "О говоре жителей Таврической губернии".[2]

В рукописных материалах зафиксирована разнообразная лексика живой народной речи южноукраинского региона, которая в основном совпадает с ее современными литературными соответствиями. Каждое слово сопровождается русским переводом, а также иллюстрациями с фольклорных источников или народноразговорного языка, например:

Огирокъ - огурець. Чи ви їли огирки? Кушали ли вы огурцы?

Око - глаз. Око бачить та зуб неймя. Пословица: глаз видит, да зубъ не попробует.

Оце - это, вот это. Оце тобі мій синочку
Своя волешка робе,
Що до тебе голубчику
Сама дівчина ходе![3]

Тилько - только. Тилько мини легче стане, як трошки поплачу.

Товкти - толочь что-нибудь. Скорiйь бо товчи, бо вже вечирь. Скорее толчи, уже почти вечерь; в другомъ смысле: б и т ь. Ось несчасний - уси товчуть / вот несчастливый, его все бьют [4].

Худий - не жирный, худой, больной. Яки все вы худи стали господа служивий. Как вы худы господ. солдать [5].

Н.Бублиев, раскрывая значение слова, указывает на территорию его распространения в юго-восточной Украине, отмечает ударение:

Мигичка, означает изъ тумана мѣлкий дождь, от глагола м и ж и т ь; напр.: Надворѣ мигичка мижать (идеть). По Херсонской, Екатеринославской и Полтавской, также и Харьковской губерниямъ.

Плёсъ, собственно глубокое маленькое озеро в степи, а в реке этим именуют глубокую яму. По Херсонской губернии.

Кабуряньє, означает зеленую водяную тину, мхом поросшую. В Херсон., Екатерин. и Полтав. губерниях.

Прогáлины (въ Екатеринославской и Харьковской губер.), означает воду в реке зимою не замерзающую [6].

Местная лексика в записях В.Негрескула группируется по такому принципу: а/ местные слова, которые не имеют общего корня с аналогичными словами в русском языке: хмара – туча
домбний – мелкий (дробь)
бачити – видеть
баньки – глаза
щиро – щедро
зозуля – кукушка
злидни – бедность, нищенство
громадить – грести, собирать в кучу, в громаду и т.п.[7];

б/слова, имеющие общий корень, но мало или вовсе неупотребительные в русском наречии: дубъ – лодка
губка – труть
товаръ – рогатый скотъ
худоба – имущество
весилья – свадьба – ср. веселье
багно – топь; высыхающая уже лужа
балакать – болтать, разговаривать
байдуже – и ухом не ведеть; и въ усъ не дуеть и горя мало
вбагнуть – смекнуть
ваганы – ночвы (продолговатый деревянный сосудъ, изъ которого казачество обедало, ужинало) и др.[7].

Почти вся лексика указаных выше рукописных словарей стала достоянием опубликованных лексикографических работ дооктябрьского периода. Данные анализа их лексического состава, а также одиннадцатитомного "Словника української мови" (Київ, 1970 – 1980) свидетельствуют о том, что диалектные елементы встречаются сравнительно редко. Так, например, из 24 слов зафиксированных в словаре Н.Бублиева, лишь 3 диалектные единицы: мигичка мичка, кабуряння – скользкая масса, образующаяся на поверхности непроточной воды, голощок – лед, не покрытый снегом.

В работе М.Шумка из 150 слов выявлено 7 диалектных элементов, из которых "Словник української мови" подает только 2: около – наружная поверхность постройки, худоба – богатство, недвижимое имение. К сожалению, в

реестр современного полного словаря украинского языка не вошли такие диалектизмы, как-то:

Родимцы – родственники: Се я усе мои родимцы (Это все мои родственники).

Сичкий – слово, употребительное в смысле ироническом, когда кто смеется над кем, что сильно слабо. [illegible] (А что крепко слабъ?).

[illegible] – прогулка, занятая на неделю. [illegible] ([illegible]).

[illegible] – человекъ предосудительного поведения, смелый, ловкiй, не[illegible] проказникъ. [illegible] (Если бъ не этотъ [illegible], то было бы смирно и хорошо).

Слово чика – нож, ножичек зафиксовано в "Словарi украïнськоï мови" Б.Гринченко со ссылкой на место записи данного диалектного массива: Чи[illegible], [illegible], детск. Ножик, все острое. Не займай – це чика. Екатериносл. г. (IV. 461).

В лексических материалах В.Негрескула (около 200 слов) записано 30 диалектизмов, из которых 19 вошло в научный оборот, например: опачи-на – весло, [illegible] – пожитки, хорий, хора – больной, больная, галанцы – узкие панталоны, [illegible] – торопить, ковтки – серьги, кари – водовозные дроги и др., а 11, к сожалению, остались незафиксированными: дзвинтарь – колокольня, [illegible] – мясной ряд, [illegible] – ружье, [illegible] – кора, сплетенная венком, [illegible] – ледник, [illegible] – калоши (на меху), ма-гонь – большой пестъ, охвата – пика, валя – пощечина, [illegible] – нечистота на теле, [illegible] – беспорядокъ.

Не могут не вызвать научного интереса также и фонетические, морфологические особенности, отраженные в рукописях южноукраинских лексикографов. Естественно, что фонетическая и морфологическая системы в основном совпадают с литературной нормой современного украинского языка. Однако в реестровых словах и иллюстрациях к ним наблюдаются и такие языковые явления, которые в процессе дальнейшего формирования литературно-национального языка потеряли свою функциональную силу, уступив место более активным формам. Так, например, для фонетических особенностей исследуемых говоров свойственны: а/ непоследовательность в чередовании О, Е с И в закрытом слоге – регОтъ (Шумко, 2), дзвОнъ, рОкъ, курЕнь (Негрескул I, 2,3; II, 8) наряду с рИдъ, рИчка, тИлько, чмИль (Шумко, 2,3,6), дзвинтарь (Негрескул, I, 2); б/ Ы вместо современного нормативного Е – рЫготатся (Шумко, 2); дыБЫнь (Негрескул, I, 3) – бычий язык и др.; в/ непоследовательность в отражении на письме твердости-мягкости конечных согласных Ц, Р – криница (Бублиев, 16), родымецъ (Шумко, 2), кри-

ца. [illegible] (Негрескул, II, 8,9) и рушниця (Шумко, 2), дубець, кабиця, [illegible], [illegible] (Негрескул, I, 3; II, 7,10) и т.д.

Аналогичные явления наблюдаются и в морфологической системе степных говоров. Так, например, в глаголах второго спряжения 3-го лица ед. числа настоящего времени последовательно фиксируется окончание - Е: робе, ходе, нуде (Шумко, I,5) вм. лит. нормы робить, ходить, нудить, а в глаголах первого спряжения в этой же форме встречается -ЕТЬ: шерхнеть (Бубличев, 18), течеть (Шумко, 2) и др.

Анализ лексики рукописных словарей Южной Украины первой половины XIX в. свидетельствует о ее стойкости и функциональной активности. Она почти полностью вошла в научный обиход лексических работ дооктябрьского и советского периодов и, естественно, способствовала не только формированию словарного состава украинского литературно-национального языка, но и его грамматической системы.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. П о п о в с ь к и й А.М. Значення південноукраїнських степових говорів у формуванні літературно-національної мови. Дніпропетровськ, 1989.

2. Указанные материалы сохраняются в фонде И.И.Срезневского в Ленинградском филиале Архива АН СССР, кроме части рукописи М.Шумко 1849 г., находящейся в Научном архиве Всесоюзного географического общества / Ленинград /.

3. Ш у м к о М. Слова, употребительные в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии. Архив Географического общества. Л. Р. 13. Оп. 8. 'Листов'? С. I.

4. Там же. С. 4.

5. Там же. С. 5.

6. Б у б л и е в Н. Областные слова в Херсонской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской и Киевской губерний. Ленинградский архив АН СССР Фонд: Срезневский И.И. Ф. 216. Оп. 4. Ед. хранения 248. 24 л. С. 4, II, 12, 13.

7. Местные слова / Херсонской губернии /. Собрал В. Н е г р е с к у л. Ленинградский архив АН СССР. Фонд: Срезневский И.И. Ф. 216. Оп. 4. Ед. хранения 272. 3 л. С. 2. Ссылка в тексте: Негрескул, I ...

8. Сборник слов Херсонской губернии, собранных В. Н е г р е с к у л о м. Ленинградский архив АН СССР. Фонд; Срезневский И.И. Ф. 216. Оп. 4. Ед. хранения 271. Л. II. Ссылка в тексте: Негрескул, II ...

Л.А.Захарова

РЕГИОНАЛИЗМЫ В ТОМСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ XVII В.

Несмотря на трудности[1] изучения диалектной лексики в языке русской письменности XI-XVII в в., за последнее десятилетие в отечественном языкознании в этой области достигнуты значительные успехи благодаря работам специалистов по исторической лексикологии, таких, как: Е.И.Борисовой, Г.А.Богатовой, В.Я.Дерягина, О.С.Мжельской, В.В.Палагиной, Е.Н.Поляковой, Г.В.Судакова, В.Н.Хитровой, Ю.И.Чайкиной и др. Об этом свидетельствует и вышедший в 1987 г. в Институте русского языка АН СССР (Москва) сборник "Русская региональная лексика XI-XVII в в.".

В настоящее время исследователи среди местных слов выделяют собственно-диалектные слова и регионализмы - слова, так же, как и диалектизмы, известные только памятникам определенного региона, но не представленные в лексике современных русских народных говоров [2]. Под регионализмами подразумеваются слова различных сфер функционирования, зафиксированных только в памятниках отдельных территорий [3]. К томским регионализмам мы относим: I) слова, известные памятникам XVII в. только Томского региона и не сохранившиеся в лексической системе современных томских говоров. 2) Кроме того, к регионализмам мы отнесли и такие слова, которые, обозначая явления общественной жизни Сибири XVII в., были характерны только для Сибири, хотя могли встречаться и в памятниках других (не сибирских) регионов, но в сообщениях о событиях, происходивших в Сибири. Это такие слова и устойчивые словосочетания, как <u>мурза</u> 'знать в татарском государстве', <u>тайша</u>, <u>контайша</u>, <u>кондулей</u> 'титул в феодальной Монголии', <u>колмаки чёрные</u> 'западные монголы', <u>колмаки белые</u> 'телеуты', <u>шерть</u> 'клятва верности, которую давали сибирские народности русскому царю', <u>шертовать</u> 'давать клятву', <u>нарты</u> 'разновидность саней, употребляемых в Сибири на севере для езды и перевозки грузов на собаках и оленях': ...снеги стояли и на лыжах и на <u>нартах</u> итить было в погоню немочно [4]; <u>бояганцы</u>, <u>горбинцы</u>, <u>долганы</u>, <u>киляры</u>, <u>кутугадзи</u> 'наименования различных родов тунгусов', <u>натканы</u> 'народность?, проживающая по соседству с тунгусами?: Да те ж тунгусы сказывают про реку Омуть и та де река велика а по ней живут тунгусы мамагиры оленные люди и сходятся те люди с иными людьми с <u>натканы</u> а язык у тех людей свой а не тунгусской продают тем людям соболи а у тех людей емлют серебро и [illegible] медные (Стол. С.440-441).

Возникновение регионализмов вызвано потребностями государственной, общественной и деловой жизни данного региона. Они отражают жизнь города, торгового и административного центра, являются названиями лиц, некоторых видов деятельности, предметов, явлений[5]. Такие слова, за исключением второй группы, в текстах, как правило, единичны, что позволило Ю.И.Чайкиной назвать их "местными окказионализмами деловой речи"[6].

Задачи настоящей статьи - выявить регионализмы томского делового письма XVII в., комплексно используя выработанные критерии для выявления диалектных слов в русском языке XVII в.[8], и охарактеризовать тип регионализмов (собственно-лексические или варианты общерусских слов), выделив наиболее распространенные тематические группы.

Рассмотренный материал выбран из картотеки Томского исторического словаря. Источниками же Томского исторического словаря XVII в. явились как рукописные неопубликованные документы, хранящиеся в ЦГАДА, написанные на территории Томской области в старых острогах, Томском, Нарымском, Кетском, так и опубликованные материалы. Нами полностью проанализированы слова томского исторического словаря XVII в. на буквы Б,В,Г,К,Н и выборочно на некоторые другие буквы.

Итак, среди томских регионализмов можно выделить прежде всего собственно-лексические, их очень немного, в основном это слова - наименования: а) лиц по этнической принадлежности, по социальному статусу, например: киляни, долганы, горбыканы, бояшенцы, макагиры, немагиры, кудигирцы, холкогирцы 'названия тунгусских родов' (не зафиксированные ни в одном из имеющихся словарей): Река Маймакан пала в Маю с праву сторону а на ней живут тунгусы многие оленные люди макагирцы и долгирцы и кудигирцы и холкогирцы и кутугирцы (Степ. С.440-441, 1639); тайша, контайча, контайша 'титул в феодальной Монголии' б) наименование абстрактных явлений: кокоревщина 'смута, преступление, недоброе дело' (не отмечено ни в одном из словарей): И изменник тот кто государевых людей побивает и из наряду стреляет и заводит другую кокоревщину (ЦГАДА, ф.214,с.127,л.1234,1643 г.); коломець 'соседство?' (сл. XI-XVII в. КДРС, Опыт, Олон., Вят., Котков, Ком.,Доп., Срезн.,Подвысоцк, СРНГ: нет); Ср.: с Далем: околоток, околица, соседство): ...река Тикчи устьем пала в Лену ... а против тое реки устья стоит на море в коломенц остров каменной и на том острову птицы водятца многое мно-

жество (Степ., с.441,1639 г.); наголь 'притеснение, давление?' (в сл.XI-XVII нет в этом значении, есть наречие наголь 'наголо. в обнаженном виде'; Кон., Дюв.: нет; СРНГ: нет, есть нагольничать - 'нагловато похваляться):...а никакие б наголи от выделщиков в подводах и в кормах или мешкоты в житве от кого не было ("Из истории.. с.58); начетье 'оговор? наговор?'(КДРС, СлXI-XVII, Коч., Дюв., Слов.: нет; СРНГ: нет, есть начёт 'счёт, расчёт'; ошибка в подсчёте; Вят.:нет, есть начёт 'усовещивание, наставление в чем-л.?):...по начетю друга своего ярыжново Ларки Хомякова ...без суда и без сыску велел меня бит (ЦГАДА, ф.214,кн.381,л.631, 1650 г.); налега 'притеснение?' (сл.XI-XVII в.: нет, есть налегать - 1. давить, наступать на кого-л., ущемляя чьи-л. интересы, притесняя кого-л.; 2. наступать, напирать (на противника); Коч.: нет, есть налога - обременение, тягота, убыток; Дюв.: нет, есть налога и налог; Даль: нет, СРНГ: нет, есть налеганье - 1. Усилие,Смол.; 2. Понуждение, притеснение. Смол.; налегать - 1.притеснять, угнетать. Смол.; 2.требовать, настаивать. Моск.):и в Томской бы город со всякими товары торговат приходили безопасно а им...обид налег никаких не будет (ЦГАДА, ф.214, ст.252,л.145, 1646 г.); в) название конкретных предметов, значение которых из контекста часто не определяется: вури мн.? вурь? вуря? '?' (Слово не зафиксировано ни в одном из просмотренных словарей): Вури козлячьи (Гол., с.147); балдашник 'рукоятка'? (нет ни в одном из словарей, кроме Вят., где есть балда - 1.Железный стержень с колбой на конце; недружки 'непарные вещи' (ни в одном из словарей не зафиксировано): И алтынь црь для твоево цркого величества дарил меня ... наручи и те недрушки да два тулупа бараних да на шапку лисиченку (ЦГАДА,ф.214,ст.49,л.80,1635 г.) намост 'настил? помост?'(В сл.XI-XVII в. нет, есть намостить - 1. Замостить;2. Устроить, построить, настелить (мост,помост, настил, пол и т.д.; Коч.:нет, есть намостити мост; Дюв.,Вят.,Слов.: нет, СРНГ: намост - деревянный настил у водяной мельницы, по которому течёт вода к колесу; Твер. /. Намост - помост. Пск.; Даль: помост для отирки белья // намост, помост, настилка; настилка из досок, по которой вода течёт к мельнице.Твер.):...а острог де поставлен около тюрьмы и намосты из городового лесу (ЦГАДА,ф.214, ст.181,л.76,1627 г.); начерешник 'наконечник?' и др.

2. Лексико-семантические варианты обшерусских для XVII века слов: киргизы 'территория, занимаемая киргизами': Того же дни пришли из киргизъ служилые люди (ЦГАДА,ф.214,ст.251,л.68 об.- 1649); Что пи-

сано в сем списке подлинно и как сын боярской Казнй Карякин и служивые люди пришли из Томского города в киргизы (ЦГАДА,ф.214, ст.74,л.402,1632 г.);кузнецы 'кузнецкие татары?','земля кузнецких татар?': Сентября 8 отпущен в кузнецы устюжанин торговый человек Игнашка Афонасьев...того ж дни отпущен в Кузнецкий острог лалетина торгового человека Дмитрия Муромскаго лавошный сиделец Ивашко Григорьев сын Кузнецов (Гол.,с.153,1662 г.); князёк, князец 'вождь небольшого племени, народа, владетель незначительной области': Приходил о государевым ясаком верхние волости князек Намак (М-2, л.226,1613 г.); И они де одноличво на весне пошлют в Томской город челобитчиков в о крепком утвержденье и о шертованье тово ж князца Кочебая о товарыщи (М-2,л.237,1630 г.); натруска 'ремень, к которому подвешиваются предметы вооружения (лядунка и прочее)' (Ср. в Сл.XI-XУП в.: натруска - небольшая пороховница для хранения и насыпания на полку затравочного пороха): взят пистолет немецкой набираны и серебром наволжены в ложе раковины втираны с лядункою и с натрускою перевес полк черчат (ЦГАДА,ф.214,ст.49,л.80, 1635 г.)(Ср.в СРНГ: натруска 6. Надеваемый через плечо ремень, на котором укреплено охотничье снаряжение (дробь, порох в мешочке). Вост.Сиб.); наскоро 'быстрым ходом'и др.

3. Разные другие варианты(лексико-фонетические, лексико-морфологические, лексико-словообразовательные) общерусских слов: колмацкий 'калмыцкий':...в колмацкую сторону на промыслы не ходити (ЦГАДА, ф.214,ст.127,л.226, 1643 г.); клептать 'клеветать, клепать'; киргизы, 1.киргизская земля, 2.киргизы; киргизский 'киргизский'; кумгал 'металлический сосуд для умывания' (в Сл.XI-XУП в.,КДРС: кумган); киргизитин, киргишенин 'киргиз': на выбзжем киргизитинѣ ...ясаку два соболя съ пупки и с хвосты (ясачные книги, с.46); А тот азям дан государева жалованья киргишенину Бнеку...(Расходные книги Томска,л.218); копьиный 'копейный'; наволжить 'наволожить (сл.XI-XУП в.)смазать каким-либо жиром или маслом': Алтынъ ж царь взялъ у меня взят пистолет немецкой доли набираны и серебром наволжен (ЦГАДА,ф.214,ст.49,л.80,1635 г.); наказанья, ж.'наказание': и тѣмъ людям он Василей наказания какая по гарву указу учинил ли (ЦГАДА,ф.214,ст.259,л.629,1647 г.); кумачея 'кумач'; навотречь 'навотречу', назавтре (в Сл.XI-XУП в.: назавтра, назавтрее, назавтрие) 'назавтра'; назнаменить (в Сл.XI-XУП в.:назнаменить) 'указать,наметить'; неколи 'некогда' (в Сл.XI-XУП в.:неколи); нынешный 'нынешний' (в Сл.XI-XУП в.:нынешний); выпокучить 'выпросить,

неотступно надоедая'(в Сл.XI-XVIIв.есть докучати-неотступно просить,надоедать);натрусонка (в Сл.XI-XVIIв.натруска,натрусок,натрусоник),'пороховница';недолис (в Сл.XI-XVIIв.недолись)'шкура лисицы, не имеющая полноценного волосяного покроя';ночешный 'ночной';непоодинажды (в Сл.XI-XVIIв.есть непоодиножды)'неоднократно'; накосячи '?'(Нет ни в одном из словарей,ср.:Сл.XI-XVIIв.накостити-нанести грязи,напакостить;у Даля:накостить - нагадить,нагрязнить,насорить): ... составлячи на мене холопа твоего всякое злое дѣло ложьно и неправедно своим злым умышленемъ и заводом лукавым накосячи на мене холопа твоего странного и безплеменного твою гдрву прочину (ЦГАДА,ф.214,ст.204,л.3).

Итак,рассмотренный материал позволяет прийти к выводу о том, что письменные памятники одного из сибирских регионов вносят ощутимый вклад в языковую сокровищницу XVIIв. в виде регионализмов; они разнообразны по тематике,по происхождению могут быть как русскими,так и заимствованными,в основном из тюркских языков.Относительно малое количество собственно-лексических регионализмов в сравнении с памятниками центральной Европы можно,очевидно,объяснить особым типом сибирских говоров,в частности,томского говора, который,формируясь на основе разных материнских говоров,оставлял слова,наиболее понятные выходцам из разных регионов Сибири.Такими словами оказывались чаще общерусские.Однако обширность территории,занимаемой томичами,наличие разных диалектных группировок на ней объясняют обилие вариантов на фонетическом,деривационном и семантическом уровнях.

Рассмотренные регионализмы отсутствуют в лексической системе современных томских говоров.Возможно,они никогда не входили в неё, а появились лишь в процессе создания письменных памятников.Вопрос этот сложный и требует особого внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1.См.рукописную статью Л.А.Захаровой "Диалектизмы в историческом словаре г.Томска XVIIв." С.1-2.

2.См.: О.С.Мжельская.Территориально ограниченная лексика в древнерусских памятниках (диалектизмы и регионализмы);Е.Н.Полякова. Регионализмы в пермских деловых памятниках XV-нач.XVIIв.в.// Русская региональная лексика XI-XVIIв.в. М.,1987.С.108,139.

3.Богатова Г.А.,Дерягин В.Я.,Романова Г.Я.Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова//ВЯ. 1982.№3.С.31-42.

4.Г.Ф.Миллер.История Сибири. М.,1937. Т.I. С.54.
5.См.указанную работу О.С.Мжельской. С.108.
6.Чайкина Ю.И.Названия лиц,занятых в сельском хозяйстве,в монастырских книгах ХУI-ХУПв.в.//Русская историческая лексикология и лексикография. Л.,1983. Вып.3. С.39.
7.См.указанную рукописную статью Л.А.Захаровой. С.4-5.

Список условных сокращений

I.Вят. - Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора Н.М.Васнецова. Вятка,1907. 357 с.
2.Гол. - П.Головачев.Томск в ХУПв. Без места и года названия.
3.Даль - В.И.Даль.Толковый словарь живого великорусского языка. М.,1955.Т.I-4.
4.Дюв. - Материалы для словаря древнерусского языка.Составил А.Дюверную. М.,1834. 234 с.
5.КДРС - Картотека Словаря древнерусского языка.Институт русского языка АН СССР, М.
6.Из истории... - Из истории земли томской.1604-1917г г.Сборник документов. Томск,1978. Вып.I.
7.Котков - С.И.Котков.Очерки по лексике южновеликорусской письменности ХУI-ХУШв в. М.,1970.
8.Коч. - Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г.Е.Кочин. М.-Л.,1937. 485 с.
9.М-I,М-2 - Г.Ф.Миллер.История Сибири. М.,1937. Т.I;1941. Т.2.
I0.Опыт - Опыт областного великорусского словаря. СПб 1852.
II.Олон. - Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении.Собрал на месте и составил Герман Куликовский. СПб,1898. 450 с.
I2.Русско-китайские отношения - Русско-китайские отношения в ХУП в.Сб.документов. М.,1961. Т.I.
I3.Сл.ХI-ХУПв.в. - Словарь русского языка ХI-ХУПв в. М.,1975-1988
I4.Срезн. - И.И.Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. М.,1958.
I5.СРНГ - Словарь русских народных говоров.Под ред. Ф.П.Филина.
I6.Ст. - столбец.
I7.Степ. - Н.Н.Степанов. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в ХУП в.//Известия Всесоюзного географического общества. М.,1958. Т.90. Вып.5.
I8.Ф. - фонд.

Г.Н.Старикова

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ "ПРОМЫШЛЕННИК" РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА ХУI - ХУII В. (структура словарной статьи)

Без создания словарей исторического цикла исторической лексикологии трудно будет подняться до уровня лексикологии современного русского языка. Хорошим подспорьем издаваемому сейчас "Словарю русского языка XI - ХУII веков" явилось бы составление словарей на материале памятников местной письменности, а также словарей отдельных тематических объединений.

Важнейшей частью лексики языка является терминолексика (в частности, наименования лиц по промыслу), т.к. она отражает уровень материальной культуры народа той или иной эпохи, дает человеку одну из важнейших социальных характеристик. Родовым именем "промышленник" будем называть лиц, занимающихся каким-либо промыслом в качестве источника пропитания (ремеслом, торговлей, охотой или рыболовством).

В словарь вошли производные имена, называющие:
I)ремесленников (бронный кузнец, колесник, рудознатец, пряничный мастер);
2)торговцев (барышник, кутник, москотильник, калашник);
3)промысловиков (зверовщик, рыбный ловец, орешник, ягодник);
4)тех, кто осуществляет различного рода вспомогательные операции (водовоз, дровосек, пятчик, тянульщик).

Подавляющее большинство наименований промышленников извлечено из памятников последней четверти ХУI в. - I700 г., хотя отдельные примеры будут выходить за эти временные границы.

Источниками словаря явились: I4 выпусков Сл. РЯ XI-ХУII вв., его картотека; большое количество изданных документов этого периода (главным образом писцовые книги, приходно-расходные и таможенные книги); рукописные материалы, хранящиеся в ЦГАДА, ряда сибирских городов - Кетска, Нарыма, Тобольска, Томска. Картотека нашего словаря содержит около полутора тысяч единиц, зафиксированных примерно в десяти тысячах контекстов.

Задачи словаря:
I) отразить все типы номинем, называющих того или иного промышленника;
2) дать им как можно полное семантическое толкование;
3) по возможности охарактеризовать ареал бытования Н.Е.

В качестве Н.Е. взяты: I)словные номинемы (суффиксальные од-

нооснование - переплетчик, сыромятник; субстантиваты - мельничный, самопальный; сложные слова - винокур, мыловар); 2) атрибутивные сочетания различного типа (кирпичный мастер, мастер золотых дел; замочный кузнец, городовой плотник; колокольный литец, фитильный варельщик; кузнец меди, битух шерсти); 3) фразовые номинации (делает портное, торгует москотильем, колотит крашенину; кормится сапожным мастерством, кормится серебряным промыслом; калачного ряду, басманной слободы и др.).

В качестве вводящей части толкования используются родовые обозначения РЕМЕСЛЕННИК (для лиц, занятых изготовлением каких-либо изделий кустарным способом - кузнецов, оружейников, плотников, ткачей и др.); ПРОМЫШЛЕННИК (для лиц, занимающихся лесными, речными промыслами, изготавливающих одежду, пищу и др.); ТОТ, КТО (для лиц, занимающихся лечением, осуществляющих вспомогательные операции в том или ином промысле). Содержательная часть толкования будет отражать принцип номинации, указывая на: I)продукт труда (бахмачник, каретник); 2)профессиональное действие (литец, тянульщик); 3)орудие труда (капканщик, молотник); 4)место действия (каменщик, островщик ?) и др.

Слово, легшее в основу имени промышленника, сопровождается толкованием, если: а)имеет другое значение в современном языке, б) является диалектным, в)вообще ушло из языка. Напр., АКСАМИТНИК. Ремесленник, изготовляющий аксамит - драгоценную ткань с золотыми и серебряными нитями в основе, плотную и ворсистую, как бархат. АХАНЩИК. Промышленник, занимающийся ловлей рыбы аханом - двойной сетью с крупными ячеями для ловли красной рыбы. Ср.: аханная рыба - красная рыба.

Словарная статья будет содержать до трех иллюстративных контекстов. Меньшее число означает, что других нет или что они из этого же источника, новой информации не несут. Предпочтение отдается, прежде всего, наиболее информативным для толкования заглавной номинемы контекстам. Напр.: "А дворъ ... пусть Сенкинской рукавичника да Софро/новской варежника" Новг. п. кн.I, 6. 1584 г. Во-вторых, извлеченным из памятников разных регионов, разного времени в, в-третьих, тем из них, которые не приведены в Сл.РЯ XI-ХУII вв. Напр., КОРОВНИЦА, женск. к КОРОВНИК. Статья по пол 5 алтына .. в коровью деревню 4-м коровникомъ да пятой коровнице. Кн.расх. Кир.м. ССХХХУ. 1603-04 гг. В случае с "темными" Н.Е. типа ЧЕРЕЗНИК, МОХОРНИК даем расширенные контексты с информацией о других

промышленниках, чтобы доказать, что эти единицы также могут быть отнесены к данному тематическому объединению: "Иванъ Филиповъ черезникъ, Филипъ Анфимовъ кузнецъ, Козма Вахромѣевъ красильникъ" Кн. пер. Яр., 220. 1646 г. Или: "(в) Иванко Мохорник, (б) Сидюшка бронник" Кн. п. Каз., 40. 1565-8 гг.

Весь словарный материал будет организован блоками, в которых будут представлены все однокорневые Н.Е., называющие того или иного специалиста. Располагаются они в алфавитном порядке, при тождестве семантики толкуется первая из них, к другим номинемам этого блока приводится лишь иллюстративный материал. Замыкать блок будут фразовые номинации после знака /. Помета См. будет отсылать к дублетам, а помета Ср. - подчеркивать различия в семантике сравниваемых единиц. Напр.: ВОЛНОТЕП. См. ШЕРСТОБИТ; ПОЛСТОВАЛ. Ср. ШЕРСТОБИТ.

Решение третьей задачи предусматривает отражение представленности словных и атрибутивных номинем в 27 писцовых книгах 12 городов русского государства (1565-8 - 1695 гг.): Белехны, Вязьмы, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Пскова, Ростова, Твери, Тулы, Устюга и Ярославля. Каждой из книг придан номер (с буквенным индексом, если она не одна по этому городу), который указывается после иллюстративного материала у единицы, зафиксированной хотя бы в одной из названных книг. Напр., цифра 3 ставится после единиц, отмеченных в кн. пер. Моск.II 1658-76гг, 5а - в кн. п. Казани 1565-8 гг, а 5б - в кн.п. Казани 1646 г.

Поскольку "...одним из основных условий создания хороших толковых словарей является непрерывность лексикографической традиции"[1], нами при выработке принципов построения словаря учитывался опыт других словарей в отражении лексики данного тематического объединения, в частности, в Сл.РЯ XI - XVII вв. Чем же наша работа будет отличаться от указанного словаря?

1. В едином блоке представлены все однокорневые номинемы, называющие того или иного промышленника. Они сопровождаются фразовыми номинациями, если таковые отмечены в памятниках, послуживших источниками для нашего словаря.

2. Представляемый словарь будет содержать ряд единиц, отсутствующих в Сл.РЯ XI-XVII вв. Во-первых, это уже названные фразовые номинации; во-вторых, на свое алфавитное место попадут все Н.Е., выступающие в виде атрибутивных сочетаний (в сравниваемом словаре они разведены по статьям на "МАСТЕР", "ДЕЛО" или сост-

ветствующие прилагательные или существительные, а во многих случаях вообще не попали в словарь); в-третьих, это те сложные номинемы, которых нет в словаре: ВОЩЕВИТНИК, КАПКАНЩИК, КОТОВАЛЕЦ, ЛОЖКАРЬ, МЫЛОВАР и др. Напр., в словаре есть КРЕСТЕЧНИК и КРЕСТЕЧНЫЙ МАСТЕР, но нет КРЕСТОВНИКА, КРЕСТОВЩИКА, КРЕСТОВОГО МАСТЕРА; есть ГВОЗДАРЬ, но нет ГВОЗДАРНИКА, есть МЕДВЕДЧИК, но нет МЕДВЕДНИКА и т.д. Отсутствует в нем и ряд феминативов: ГОРОХОВНИЦА, КАБАТЧИЦА, КАМЕНЩИЦА, КРЕСТОВНИЦА, ОРЕШНИЦА.

3. Материал дает основание уточнить значения у некоторых слов, отмеченные словарем: БАЛАХОНЕЦ, КИРПИЧНИК, ЛОДОЧНИК и некоторые др.

4. Наш словарь расширяет регион бытования той или иной единицы, отмеченной Сл. РЯ XI-XVII вв.: КОРЫТНИК, КОЛОДНИК, КРУПЕНИЦА, ЛАВОЧНИК и др.

5. Материалы нашего словаря могут существенно корректировать время фиксации той или иной единицы в Сл.РЯ XI-XVII вв., в исходные принципы которого входит давать по возможности наиболее ранние и наиболее поздние случаи отражения слова в памятниках. Это можно сказать, напр., о словах КАЛИЖНИК, НОЧНИК, ОДНОРЯДОЧНИК.

6. В научный оборот вводятся новые контексты, в частности, извлеченные из томских рукописных документов XVII века.

Образцы словарных статей

<u>КАЛАЧНИКЪ (КОЛАЧНИКЪ)</u>. Тот, кто печет и продает калачи. - Да по переулка х Поганому озерку: в Ермак ка Иванов сын калачник, в Ефимко калачник. П. кн. Каз., 14. 1565-8 гг. Во дв. Третьякъ Семеновъ с., колачникъ, печетъ колачи. Кн. п. Тулы, 9. 1625 г. Куплено у колачника пшеничныхъ витыхъ двѣ тысячи колачиковъ. Кн. расх. Никона, 51. 1651-2 гг. (1 - 15)

КАЛАЧНИЦА (КОЛАЧНИЦА), женск. ~ КАЛАЧНИКЪ. - Явилася Нечаева дворница Селюменева Акулина колачница пива варит двѣ четверти Николе помолитца. Кн. там., 55. 1615 г. Во дворе вдова Овдотьица Самойлова дочь, Трофимовская жена, колашница. А. писц. д., 178. Вязьма, 1646 г. Дв. вдовы Офимки Матвеевы дочери калашницы. Кн. п. Каз., 130. 1646 г. (5, 8, 9, 11, 12)

/ Да Иван Леонтьев сын, калачи торгует, живут у Петра святого, да Григорей Емельянов сын, сидит за колачи же. Кн. п. Каз., 47. 1565-8 гг. Кормитца онъ колашнымъ промысломъ, на базаръ колачи н...етъ. А. закл.? 205. 1643 г. Дворишко бобылей Якушка калачника да Ивашка Плута ... покуть на торгъ калачи. Кн. пер. Рост., 12.

II 1/2 I7 в.

Ср.: ХЛЕБНИКЪ

ШАПНИКЪ. Промышленник, шьющий шапки. - Во дв. Митка Пантелеев сынъ шапникъ. Кн. пер. Яр., 320. 1668 г.
ШАПОЧНИКЪ. - Бажен Шапочник ездил к Ваге, явил товару шапок на 100 р. Там. кн. I, 96. Уст. 1634 г. Деланы шапки муския бархатныя съ соболемъ ... отъ дела отъ техъ же шапокъ дано Ивашку шапочнику два рубли. Кн. расх. Никона, 33. 1651-2 гг. Во дв. Митка Богданов шапошник. Кн. пер. Яр., 418. 1669 г. (I-6б, 7-14б, 15а)
ШАПОЧНИЦА, женск. к ШАПОЧНИКЪ. - Д/вор/ вд/овы/ Степаньи шапочницы. Кн. пер. Моск.II, 32. 1670 г.
ШАПОЧНОГО ДЕЛА МАСТЕРЪ. - Да язъ годрен цриц Мастерские полаты чеботник Григорий Емельянов... да яз годрен црцы Мастерские полаты шапочнова дела мастер. МДБП, 173. 1678 г.
ШАПОЧНЫЙ МАСТЕР. - Шапочному мастеру... за 5 пошекъ... подъ лисьи подъ бурые шапки. Кн. прих.-расх. Каз. пр., 6. 1613 г. Дано Григорью шапочному мастеру на митрополичью служащую шапку на бумагу хлопчатую три алтына да на опоекъ два алтына, да на шолкъ шесть денегъ. Кн. расх. Никона, 10. 1651-2 гг.

ШУБНИКЪ. Промышленник, шьющий шубы. -(в) Минька шубник. П. кн. Каз., 24. 1565 г. Во дворе вдова Февроньица, бездетна, бывала Микитинская жена Семова, шубника, кормится по миру. А. писц. д., 179. Вязьма, 1646 г. Во дв. Васка Фильмонов шубник. Кн. пер. Яр., 326.1668 .
(I-6б, 9, II)
ШУБНЫЙ МАСТЕРЪ. - I лавка Лужецкаго монастыря шубнаго мастера. П. кн. XVI в., I, 631. Можайск, 1596-98 гг.
ШУБОЧНИКЪ.- Во дв. Володимер Захарев шубочникъ. Кн. пер. Яр., 285. 1668 г. Двор Онцыфора Иванова шубочника. Кн. пер. Моск.II, 28. 1670 г. (3, IIб- IIг)

Ср.: ОВЧИННИКЪ, ПОРТНОЙ МАСТЕРЪ, СКОРНЯКЪ

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сороколетов Ф.П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка. //Современность и словари. Л.: Наука, 1978, С.4.

2. Сокращения источников см.: Указатель источников Словаря русского языка XI - XVII вв. М., 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Русские говоры Сибири. Лексикография

ИБ 264I

Редактор И.И.Сваровская

Подписано к печати I5.04.92. Формат 60х84 $^{I}/_{I6}$.
Бумага типографская №2. Печать офсетная.
Печ.л. IO,75. Усл.печ.л. 9,9. Уч.-изд.л. 8,8.
Тираж 500 экз. Заказ 61. С 13.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул.Никитина,4.